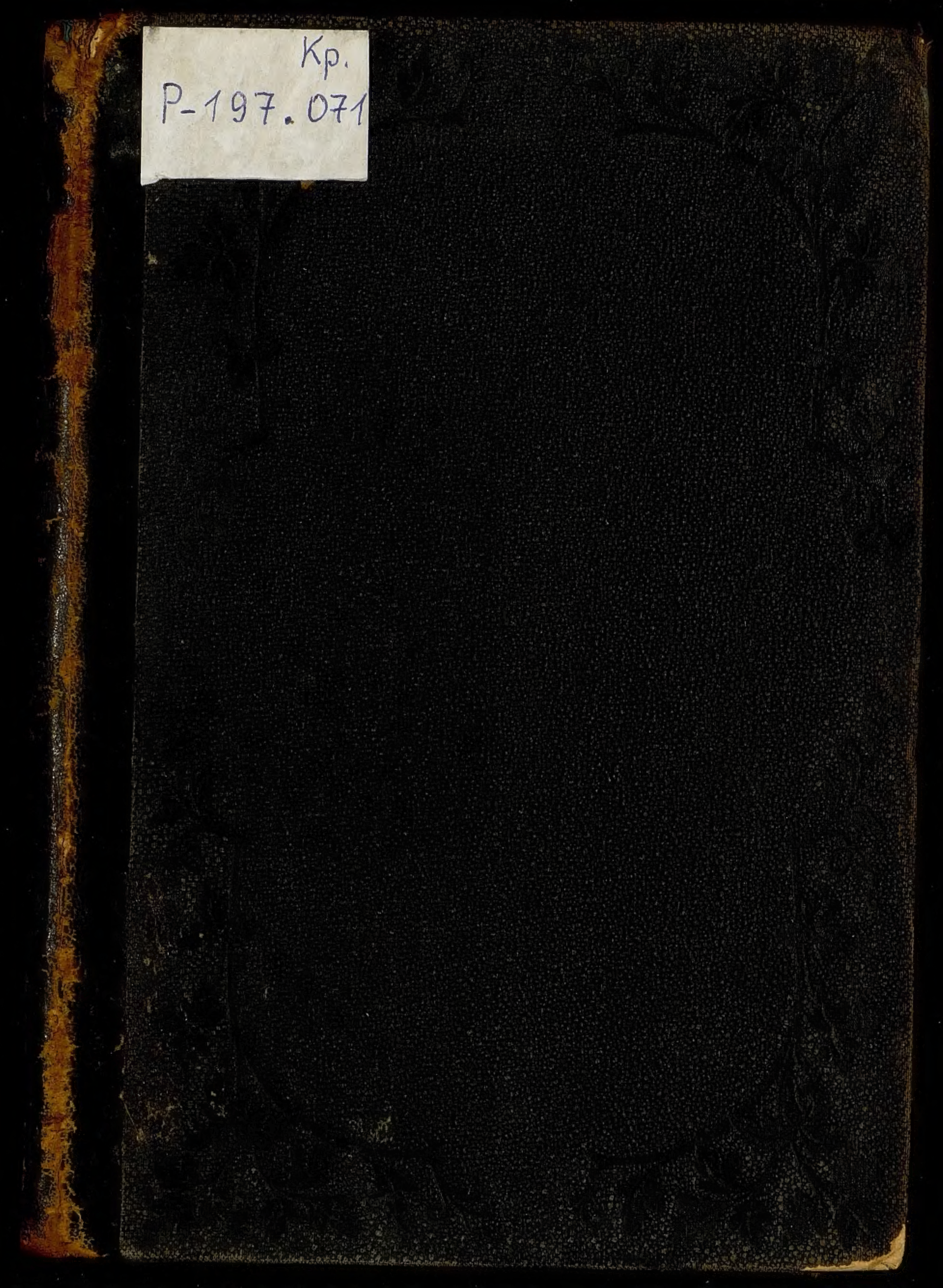
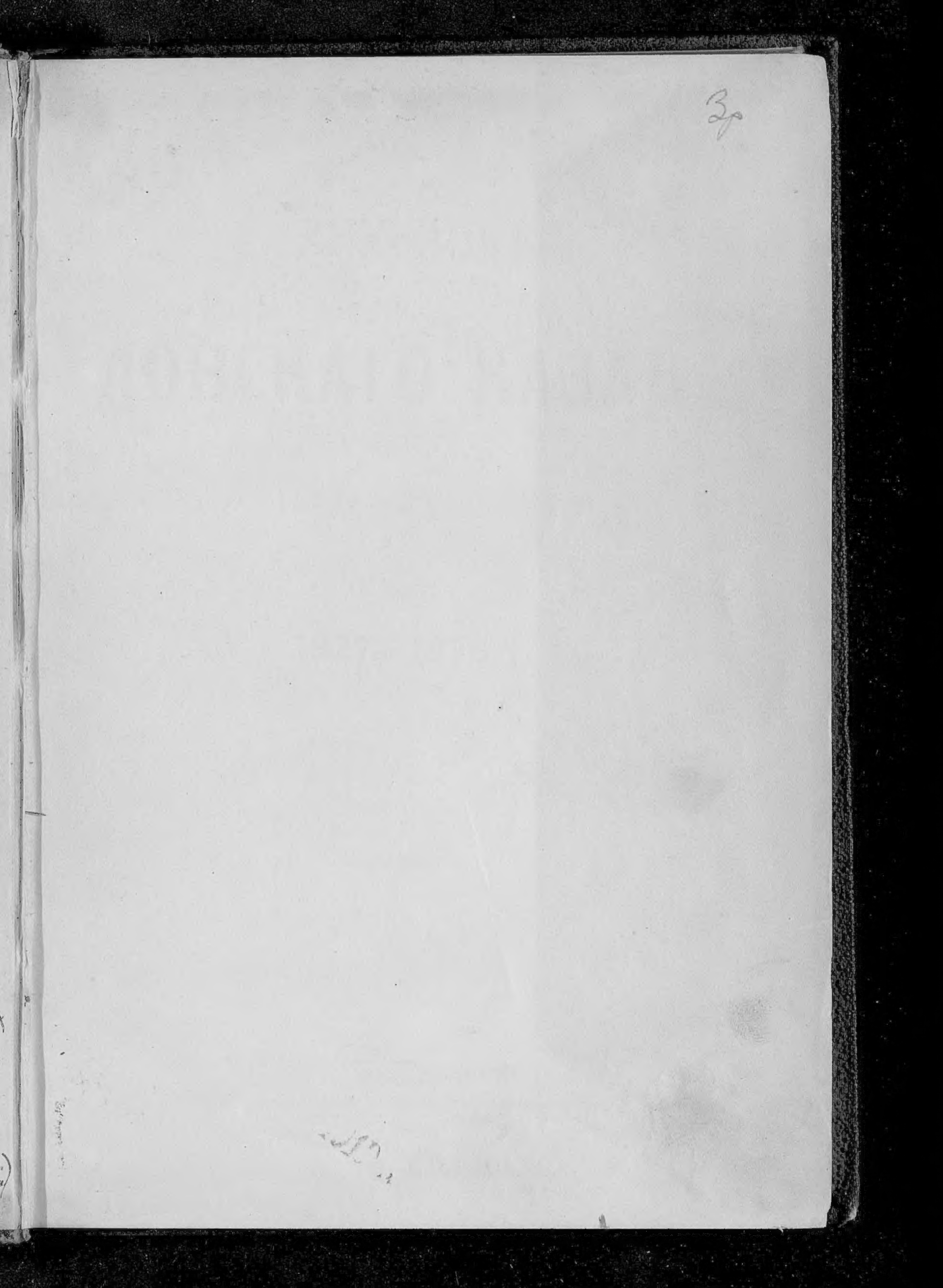
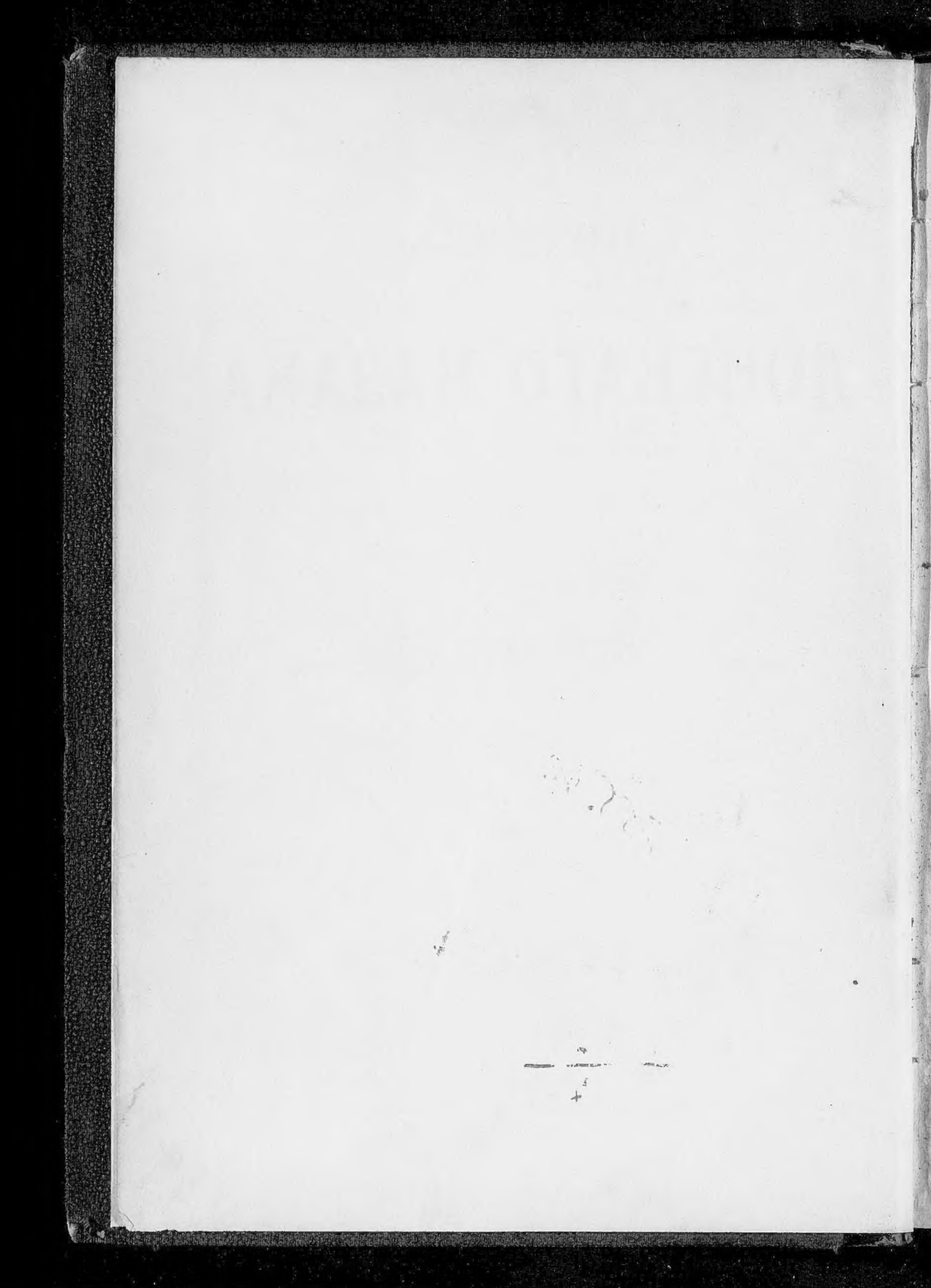

Я. Г. Емельянов

Кт. 1

75 руб.
(7 р. 50 к.)

ДНЕВНИКЪ ДОНСКАГО КАЗАКА

С. П. Полушкина.

1877—1878 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія (бывшая) А. М. Котомина, у Обуховскаго моста, д. № 93.

1880.

ОТЪ АВТОРА.

Предупреждаю читателя. Все это писалъ я на мѣстѣ самаго дѣйствія подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ видѣннаго и слышаннаго. Въ палаткахъ больныхъ, на перевязочныхъ пунктахъ, на полѣ сраженій послѣ битвъ, въ дорогѣ, въ госпиталѣ... подчасъ дрожащей рукой дѣлалъ я помѣтки. А потому отрывочность и недосказанность мысли — и понятны, и простительны.

Прилагаемый дневникъ есть точная копія съ записной, неразлучной книжки..

ДНЕВНИКЪ ВОЙНЫ
ДОНСКАГО КАЗАКА.

1877 года 7-го мая сидѣлъ я передъ только-что начатой картиной въ своемъ уютномъ маленькомъ кабинетѣ. Съ утра клочки свинцовыхъ сѣрыхъ облаковъ бродили по небу. Они то сходились, то, гонимыя вѣтромъ, вновь пускались кружиться. Въ полдень небо сдѣлалось какимъ-то мутно грязнымъ и ровно къ часу пошелъ дождь. Питеръ насупился и принялъ кислую осеннюю физіономію. Странно—безъотчетная тоска жрала меня и кисть валилась изъ рукъ. Я всталъ и подошелъ къ конторкѣ. Едва-ли не съ дѣтства я любилъ нумизматику, и съ годами страсть не остыла Почти безсознательно я досталъ какую-то монету, долго разсматривалъ ее и такъже безсознательно положилъ на прежнее мѣсто. Затѣмъ, подойдя къ пюпитру, я разложилъ ноты... вздохнулъ и призадумался. Но, вздрогнувъ отъ чего-то, я быстро поднялъ голову и, увидѣвъ висящій на стѣнѣ револьверъ, въ моментъ сорвалъ его и съ омерзеніемъ бросилъ на полъ. Мнѣ вдругъ показалось, что знакомый штатскій, портретъ котораго висѣлъ какъ разъ напротивъ, сталъ дразнить меня языкомъ.

— Каинъ! крикнулъ онъ мнѣ, бери его вмѣсто дубины и подстрѣли какъ зайца Авеля, и онъ захохоталъ.

— Война, еще сильнѣе крикнулъ онъ, была и будетъ постоянно. Золъ человѣкъ. Помни—изъ ружья не сдѣлаетъ онъ плуга и не предотвратитъ злую волю безъ дубины!

Уже не боленъ-ли я? пронеслось въ головѣ, а сердце заныло.

Шатаясь, я поплелся къ постелѣ и едва сомкнулъ глаза, какъ вновь ужасная картина..

Въ непроглядной тьмѣ завертѣлись желтые круги. Ударъ! и тьму пронзилъ кровавый крестъ. Роскошный садъ открылся изумленному взору, и по всему пространству задвигались черныя точки.

Толпа за толпой бросалась къ блестящему какъ солнце зданію, черпала хрустальную воду и вдругъ, наткнувшись на камни, разливала ее на привольно растущій бурьянъ. Печально склонивъ головки, пѣли цвѣточки свою предсмертную симфонію, гасли и умирали предъ изумленными хозяевами. И странно—садъ дробился на участки. Около розы привольно вилась лебеда и изъ-за густой крапивы тщетно пробиралась на свѣтъ Божій фіалка. А тамъ... я вздрогнулъ и открылъ глаза..

На мгновеніе что-то далекое пронеслось въ головѣ, но мысли прервались—я снова заснулъ. Вотъ я въ красной рубашенкѣ стою подлѣ часоваго на валу Прочно-Окопской крѣпости.

— Дядя, а дядя! со слезами пристаю я къ солдату, сдѣлай мнѣ дудку, я больше не буду.

Раздается выстрѣлъ съ наблюдательнаго поста и въ крѣпости подымается суматоха. Изъ крайней мазанки выбѣгаетъ мать.

— Мама! Опять могилочки будутъ? Спрашиваю я. Зачѣмъ Петра въ люлькѣ вчера несли? Крестился онъ бѣдный и съ попомъ говорилъ. Мама! онъ взглянулъ на меня, да и говоритъ—прощай, панычъ, не забывай Митьку моего. Куда онъ пошелъ? Онъ руки у меня цѣловалъ и папа плакалъ...

Но, вдругъ, заглянувъ въ лице матери, я обнялъ ее и залился горючими слезами...

Крѣпостные ворота широко распахнулись и вновь показались бѣлыя люльки.

— Матушка барыня, простоналъ кто-то.

— Гриша!!! крикнула мать и бросилась къ носилкамъ.

— Охъ... душитъ... тяжко... воды... стоналъ онъ, дѣтокъ моихъ... о Господи!.. онъ силился приподняться и схватить руку матери.

— Кровь! пронзительно вскрикнулъ я и, помертвѣвъ отъ страха, бросился въ сторону.

— Боже Всесильный, шептала на колѣняхъ мать, прости имъ...

— Панычъ, прохрипѣлъ кто-то. В-о-д-ы.

— Уйдемъ, уйдемъ, мама, шепталъ я; смотри, вонъ попъ съ крестомъ идетъ, пойдемъ! И я тащилъ ее за платье.

Вновь крѣпостные ворота распахнулись и вдали показался отрядъ. Мать вздрогнула и бросилась на встрѣчу. . . . . . .

Проснулся я съ страшной головной болью и во весь день какія-то странныя, безотвязныя мысли лѣзли въ голову.

И такъ, война и не во снѣ видѣнная, а дѣйствительная, должна была нарушить и прервать всѣ тѣ занятія, которыя, развѣ одни, давали миръ разстроенной душѣ.

И такъ, въ неотдаленномъ будущемъ я буду, или мнѣ будутъ, это безразлично, съ восторгомъ наносить раны, увѣчья, а быть можетъ... здѣсь мозгъ застылъ иль кровью облился... не знаю...

— Ну, а если руки отрѣжутъ, а жаждущую душу не тронутъ, тогда что?

— Тогда?

Разумъ молчалъ.

Воровски прорвавшійся солнечный лучъ вдругъ освѣтилъ картину мирнаго ландшафта.

— Безполезно, быть можетъ, погибнешь ты, съ адскимъ смѣхомъ шепталъ дьявольскій голосъ; въ дребезги разлетятся надежды—упиться сознаніемъ тобой принесенной пользы. Что сдѣлалъ ты до сихъ поръ?—Нуль, отвѣчу за тебя... и не успѣешь сдѣлать—запомни, первая пуля поразитъ тебя издалека!..

Я вскочилъ какъ сумасшедшій и бросился вонъ.

— А! поздравляю! смѣясь встрѣтилъ докторъ.

— Съ чѣмъ?

— Приказаніе получили.

— Какое?

— Чтобы корпія-съ была готова!..

Что-то острое кольнуло въ сердце. Я ничего не сказалъ и, постоявъ съ минуту, возвратился къ себѣ. Полная грусть овладѣла всѣмъ существомъ. Картины, одна другой печальнѣе, понеслись длинной, нескончаемой вереницей. О! если-бы войны не было, говорилъ я самымъ задушевнымъ, ласкающимъ голосомъ. Тамъ я... что капля въ морѣ, а здѣсь?!.. Страшный трескъ раздался у дверей и въ комнату какъ бомба влетѣлъ Г.

— Поздравляю, объявленъ походъ! и онъ бросился ко мнѣ на шею. Моментально все существо мое получило какъ бы огненное крещеніе. Мрачныя картины исчезли и какой-то могучій восторгъ объялъ меня. Отъ жалкаго эгоизма, отъ мучившихъ такъ недавно жгучихъ вопросовъ ничего не осталось. Напротивъ, въ грудь вселилась такая отвага, такая готовность отдать все въ защиту священнаго принципа, что, если-бы хотя малѣйшее волненіе или грусть зашли-бы въ душу слабѣйшаго и нервнаго изъ насъ, я бы оскорбилъ его тяжко. Но ругаться мнѣ не приходилось: лица у всѣхъ сіяли непритворною радостью и мы цѣловались какъ на Свѣтлое Христово Воскресеніе.

— Поймите-жь сердце человѣческое!..

6-го мая генералъ-лейтенантъ Гурко, начальникъ 2-й гвардейской дивизіи, получилъ слѣдующую экстренную телеграмму:

«Лейбъ-Гвардіи Сводно-Казачій полкъ, кромѣ Уральскаго эскадрона, будетъ отправленъ въ дѣйствующую армію въ полномъ своемъ настоящемъ составѣ. О времени отправленія сообщу впослѣдствіи.

Генералъ-Адъютантъ Воронцовъ-Дашковъ.»

7-го мая корнетъ Курючкинъ, смѣнясь уже со внутренняго караула, возвращался изъ дворца въ казармы. Но, близъ Александровской колонны, караулъ былъ встрѣченъ Государемъ который и поздравилъ полкъ съ походомъ.

Да, не мало времени прошло съ тѣхъ поръ, а между тѣмъ очаровательныя картины давно прошедшаго невольно возстаютъ въ памяти. Никогда не забуду я святыхъ моментовъ послѣдняго прощанія съ Императоромъ, не забуду Его напутственныхъ словъ, не забуду наконецъ послѣдняго «прости» добрыхъ Питерцевъ. Эти моменты, рѣющіе какъ молнія, останутся лучшимъ и отраднымъ достояніемъ нашей жизни, прекраснѣйшимъ залогомъ и поддержкой къ осуществленію дорогихъ надеждъ, возложенныхъ на насъ Царемъ и Отечествомъ.

Покидая Петербургъ, я не могъ оторвать глазъ отъ рыдающей, взволнованной толпы.

Не забуду я восьмидесятилѣтняго, почти слѣпаго, старика—отца одного изъ товарищей... и тотъ приплелся и дрожащей рукой благословилъ сына.

Душу разрывающія стенанія раздавались все громче и громче. «Да чего вы плачете? на кладбище—что-ли, везете?» такъ и хотѣлось крикнуть имъ всѣмъ.

Но... сотни рукъ протягивались къ намъ, крестили и благословляли въ далекій, невѣдомый путь.

Но вотъ поѣздъ тронулся и застонала толпа, какъ одинъ человѣкъ.

Слезы, крики восторга и радости, торжественный народный гимнъ—все слилось въ глубоко прочувствованную, неизъяснимую мелодію.

— Чью-жь безмятежную душу не взволновало все это?

— Кто не рыдалъ изъ насъ въ этотъ священный моментъ?

Малютки и тѣ взлѣзали на заборы, махали ручонками и радостно кричали вслѣдъ удаляющемуся поѣзду.

Все скрылось, все исчезло. Тоскливо блуждалъ глазъ и не находилъ того, чего искалъ. Да, родина мила сердцу не мѣстными красотами, не яснымъ небомъ, но теплымъ и отраднымъ воспоминаніемъ о милыхъ сердцу. Ихъ мы покинули, ихъ было жалко...

Сорокъ лѣтъ тому въ Парижѣ
Насъ прославили отцы,

А Дунай еще поближе...
Нуте-жь, съ Богомъ, молодцы!..

вотъ пѣсня, вдругъ нарушившая дотолѣ мертвую тишину Хоръ подхватилъ и, какъ струя, полилась родимая казачья пѣсня.

* * *

И такъ мы въ пути. Грѣшно было-бы съ моей стороны умолчать о пріемѣ, сдѣланномъ намъ въ Вильнѣ. Начальникъ края, генералъ-адъютантъ Альбединскій, прислалъ виленскаго воинскаго начальника привѣтствовать насъ. Встрѣтили по-русски и, отъ имени начальника края, угостили на славу. Всѣхъ офицеровъ, за два часа до отхода поѣзда, пригласили въ залу виленскаго вокзала, гдѣ былъ накрытъ столъ. За обѣдомъ присутствовали: губернаторъ, городской голова, военный прокуроръ, и теплымъ задушевнымъ пожеланіямъ не было конца. Ровно въ девять часовъ пріѣхалъ начальникъ края и, принявъ рапортъ отъ командира полка, подошелъ къ выстроеннымъ казакамъ и пожелалъ имъ всякаго благополучія. Прощаясь со всѣми нами, онъ задушевнымъ голосомъ сказалъ: «Христосъ со всѣми вами!»

Вообще сочувствіе народа къ казакамъ проявлялось въ самыхъ рѣзкихъ, поражающихъ сценахъ. Такъ, на одной изъ станцій къ пѣсенникамъ подошелъ какой-то благообразный, довольно пожилой человѣкъ. Онъ былъ видимо разстроенъ и пытливо оглядывалъ всѣхъ насъ. Затѣмъ, съ лихорадочною поспѣшностью, онъ началъ доставать деньги и одѣлять ими казаковъ. Лицо его прояснилось, онъ радостно взглянулъ на насъ и вдругъ, неожиданно для всѣхъ, горько-горько зарыдалъ.

— У васъ, должно быть, кто-нибудь изъ близкихъ есть въ дѣйствующей арміи? сочувственно обратился одинъ изъ офицеровъ.

— Нѣтъ, я тамъ никого не имѣю, какъ-то странно отвѣтилъ незнакомецъ.

И всюду привѣтливо встрѣчалъ насъ народъ: снимая

шапки, махалъ платками и низко, низко кланялся. Благодарствуемъ, родные, за хлѣбъ-соль, за привѣтъ и за ласку!..

Семь дней спустя, мы подъѣзжали къ Плоэшти. Но едва я успѣлъ вылѣзть изъ вагона, какъ въ рукахъ моихъ очутилась афиша, гласившая:

Плоэшти.

Циркъ Жанъ Гаутеръ.

Большое представленіе.

Онѣ, великое лошадное училище. Препорученіе: лошадей, собаки, балетъ пантоминами

и проч. и проч.

Два дня спустя, я уже возсѣдалъ на скамейкѣ этого балагана и имѣлъ храбрость досидѣть до конца. Самый городишко такъ себѣ. Одно въ немъ дѣйствительно хорошо — это обиліе садовъ и полисадниковъ, въ нихъ хоть купайся. Впрочемъ и по части живописи румыны тоже молодцы. Замѣчательно, что въ Плоэшти нѣтъ почти ни одной лавченки, стѣны которой не были бы разрисованы. Помню, я видѣлъ даже домъ, наружная стѣна котораго изображала цѣлую картину. Лавочные ряды на базарной площади нѣсколько смахиваютъ на нашъ знаменитый Апраксинъ: тоже запрашиваніе въ три-дорога, а затѣмъ уступка чуть не за полцѣны.

А все-таки, если-бы кто-нибудь полюбопытствовалъ спросить: ну что Плоэшти? Да ничего, отвѣтилъ-бы я, — жить можно.

* * *

1-го іюня, Государь Императоръ вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ изволили прибыть на мѣсто бивуачнаго расположенія полка и Государь, освѣдомившись о больныхъ, поздравилъ полкъ съ походомъ.

Походъ.

2-го іюня. Бивуакъ Чалпаны.

Весь вечеръ наканунѣ выступленія въ походъ я посвятилъ осмотру оружія. Окончивъ трудное дѣло и въ послѣдній разъ убѣдившись въ прочности ремней, я наскоро поужиналъ и легъ спать. И снится мнѣ давно прошедшее золотое время. Будто я мальчишка, да маленькій такой, и на улицѣ играю въ бабки. Конъ большой... ну, какъ промахнусь?.. Эхъ, была ни была... пусти... «Что ты спишь?» раздался въ эту минуту голосъ товарища, «дивизіонъ уже на коняхъ!»

Быстро одѣвшись, я выскочилъ изъ занимаемой конурки, сѣлъ на лошадь и поскакалъ къ фронту. Минуту спустя, я услышалъ команду: «дивизіонъ направо. Шагомъ маршъ!»

Наконецъ-то насталъ день и часъ давно ожидаемаго похода.

Было 6 часовъ утра. Солнышко уже стало подниматься. Чудная роскошная мѣстность тянулась по обѣимъ сторонамъ широкой дороги. Самоцвѣтною скатертью растянулось далеко-далеко необъятное поле. Казалось все, что было здѣсь, пріодѣлось въ лучшія праздничныя одежды: засѣянныя поля сверкали въ лучахъ восходящаго солнца золотистой, роскошной одеждой; цвѣты же являли группы волшебныхъ, сказочныхъ узоровъ. Только изрѣдка попадавшійся камышъ, какъ бы сердясь па веселое щебетаніе рѣзвившихся пташекъ, сердито качалъ головками и, подъ шумъ весело проснувшейся природы, спѣвалъ свою тихую, ворчливую пѣсню. Богъ знаетъ гдѣ-то далеко-далеко кричалъ перепелъ, звонко распѣвалъ жаворонокъ, а тамъ ... тонкой бѣлой струйкой изъ хатки взвивался бѣлый дымокъ и фантастическими узорами разстилался въ голубой лазури.... Боже мой, какъ легко и отрадно дышалось!

Пройдя половину перехода, мы спѣшились, чтобы дать роздыхъ измученнымъ лошадямъ. Командиръ полка, окинувъ взглядомъ стройно стоящій дивизіонъ, съ грустью промолвилъ: «чудное войско, какъ больно лишиться и одного изъ подобныхъ молодцовъ!» Грянула музыка и снова двинулись въ

путь. Но вотъ и село Чалпаны—предназначенный бивуакъ и стоянка въ лѣсу. Едва мы успѣли разсѣдлать лошадей, какъ небо заволоклось тучами и дождь хватилъ какъ изъ ведра. Но, не смотря на все это, всѣ офицеры собрались въ наскоро устроенный изъ вѣтвей шалашъ, въ минуту собравъ всѣхъ пѣсенниковъ и музыкантовъ. Кромѣ всѣхъ офицеровъ полка, въ оригинальномъ пиршествѣ приняли участіе ѣхавшіе съ нами: военный французскій агентъ, полковникъ г. Черногорскій, артиллерійскій офицеръ и ординарцы Великаго Князя Главнокомандующаго. Странствующій артистъ-музыкантъ снабдилъ насъ виномъ и пиръ пошелъ на-славу. Но расходились, знать, не на шутку;. душно стало въ шалашѣ. «Братцы!» крикнулъ кто-то: «вонъ изъ палатки! Пѣсенники—казачка!» Князь С. и полковникъ М., молодецки заложивши промокшія фуражки, пустились въ присядку. При громкихъ рукоплесканіяхъ закончила пляску уставшая пара. Но тотчасъ ее замѣнила другая и снова дружно раздалась удалая казачья пѣсня... А въ 6-ть часовъ утра на другой день, съ пѣснями и музыкой, дивизіонъ двинулся снова въ походъ.

3-го іюня. Бивуакъ близъ Бухареста.

Впродолженіи цѣлаго дня шелъ дождь, и мы медленно подвигались къ Бухаресту.

Въ два часа показался городъ, и, не доходя 3-хъ верстъ, мы разбили палатки. Помню, отъ радости, въ виду предстоящей прогулки, мы затѣяли такую возню, что передрали другъ у друга рубашки, которыя и пожертвовали въ свой лазаретъ на бинты. Знать нѣтъ худа безъ добра. «Ура!» раздалось съ другаго конца, «братцы! обозъ пріѣхалъ», завопилъ кто-то не человѣческимъ голосомъ. Какъ школьники, бросились мы къ повозкѣ и въ минуту растащили чемоданы. Не прошло и получаса, какъ, одѣтые во все новенькое, мы тревожно катили въ колясках по парку. Масса экипажей съ прехорошенькими дамами шныряли взадъ и впередъ. А мы съ любопытствомъ сѣверныхъ варваровъ, безъ церемоніи разглядывали красавицъ. Болѣе всего поразило насъ обиліе

кабаковъ, возлѣ которыхъ разыгрывались иногда прекурьезныя сцены.

— Шти руманешти? спрашиваетъ у румына русскій солдатъ.

— Нушти—отвѣчаетъ тотъ.

— А шти русешти?

— Шти.

— Ну, такъ скажи, разлюбезный, гдѣ теперича ваше интендантское управленіе?..

Посѣтивъ чуть-ли не всѣ кафе-шантаны, мы, усталые и веселые, довольно поздно возвратились на бивуакъ.

4-го іюня. Бивуакъ Пересечино.

Этотъ переходъ былъ развѣ замѣчателенъ тѣмъ, что казаки бросились преслѣдовать выгнаннаго изъ лѣсу волка, впослѣдствіи оказавшагося собакой. Мѣстомъ бивуака было село Пересечино. Подъ вечеръ мы собрались въ палаткѣ командира поболтать и напиться чайку. Но вскорѣ оживленная бесѣда была прервана появленіемъ запыленнаго курьера-офицера. На конвертѣ была надпись: «очень секретное». Мы поспѣшили выйти изъ палатки, тихо переспрашивая другъ друга о томъ, что могла заключать присланная съ такою поспѣшностью бумага. Отвѣта, понятно, не нашлось, и мы тихо разошлись по своимъ берлогамъ.

5-го іюня. Копачъ

Это былъ самый маленькій и легкій переходъ въ 18 верстъ и имѣлъ стоянкою великолѣпный фруктовый садъ. Отъ нечего дѣлать, я пробрался въ другіе сады и вскорѣ очутился въ бесѣдкѣ, густо обсаженной сросшимися деревьями. Посреди стоялъ столъ, на которомъ красовалась слѣдующая надпись:

„5-го іюня 1877 года:

Сюда проказницей судьбой
Заброшенъ я изъ странъ мороза,
Увижусь-ли когда съ тобой
Драгая, сѣверная роза?“

Я оглянулъ бесѣдку. Въ самомъ темномъ углу, склонивъ голову, безмятежнымъ сномъ спалъ собратъ по оружію — авторъ скорбныхъ строкъ.

Самый паркъ, гдѣ находилась бесѣдка, принадлежалъ какому-то румынскому вельможѣ, проживавшему постоянно въ Бухарестѣ. Среди сада красовался великолѣпный домъ, съ параднымъ входомъ, украшеннымъ всевозможными видами и цвѣтами. Внутренность помѣщеній, куда я проникъ по протекціи старичка-служителя, отличалась полною комфортабельностію. Лучшей картиной изъ всѣхъ была «Die Erklärung», изображавшая влюбленную парочку. Подъ вечеръ, передъ этимъ самымъ домомъ, шелъ пиръ горой и казаки дали нѣсколько замѣчательныхъ представленій съ необычайной ловкостью и переодѣваньемъ, изображая лошадей, птицъ и обезьянъ.

Публика осталась въ восторгѣ

6-го іюня. Драгонешти.

Въ этотъ день жара стояла нестерпимая и мы съ трудомъ подвигались впередъ. Завидѣвъ вдалекѣ нѣчто въ родѣ кабачка, мы бросились какъ сумасшедшіе, желая какъ можно скорѣе утолить жажду. Однако, кромѣ мѣстнаго вина, вонючей рыбы да лубочной картины, изображавшей знаменитую аттаку лейбъ-казаковъ подъ Лейпцигомъ, мы не нашли ничего. Перекусивъ чѣмъ Богъ послалъ, мы разбили палатки и на время укрылись отъ жары, а подъ вечеръ, какъ утки полоскались въ заплѣсневѣвшемъ пруду. Пятаго и шестаго—дневка, а седьмаго, въ шесть часовъ утра, мы выступили къ Александріи, которой и достигли ровно въ 5 часовъ вечера. Отвратительный ресторанъ «Конкордія» составлялъ гордость и красу города. Намъ пришлось подыматься по узкой лѣстницѣ, прежде чѣмъ достигнуть столовой. Общій видъ ея былъ невообразимый: въ концѣ залы была устроена лубочная сцена для зимнихъ спектаклей. Кто могъ играть на подобныхъ подмосткахъ и что за публика бывала здѣсь? — для насъ осталось загадкой. Самый отчаянный трактиръ въ какомъ-нибудь захолустьѣ на матушкѣ православной Руси былъ бы во сто разъ лучше. Но мы были

до того проголодавшись, что не обращали вниманія на то, что поданное мороженное отзывалось масломъ, а жаркое—несвойственнымъ ему запахомъ. Подъ вечеръ началъ накрапывать дождь, и мы какъ кроты полѣзли въ свои «палатки-убѣжища». 9-го мы сдѣлали послѣдній переходъ и прибыли на мѣсто Главной квартиры. Весь роскошный лугъ покрылся бѣлыми палатками и въ моментъ запылали костры. Вправо отъ нашего бивуака, нѣсколько поодаль, было разбито нѣсколько большихъ палатокъ и столовая для Великаго Князя. Со дня на день ждали прибытія Главнокомандующаго и только 11-го числа радостно привѣтствовали его появленіе.

* * *

Вскорѣ прибылъ Государь Императоръ, и съ вечера 14-го іюня 1-й лейбъ-эскадронъ получилъ приказаніе въ шесть часовъ утра выступить къ Дунаю, противъ Никополя и тамъ, близъ кургана, ожидать прибытія Императора. Еще не доходя до кургана, мы въ первый разъ услышали отдаленные орудійные выстрѣлы и, снявъ шапки, перекрестились. Вскорѣ прибылъ Императоръ — и бомбардированіе началось. Долго не могъ я очнуться и все думалъ, что гляжу въ панораму. Широкой свѣтлой лентой извивался Дунай и, какъ змѣя, сверкалъ серебристой чешуей. Никополь, утонувшій въ зелени, улыбался. На самомъ курганѣ стояли: Государь Императоръ, Его Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великій Князь Николай Николаевичъ, военный министръ, генералъ Игнатьевъ, свита Государя и иностранные офицеры. Штандартъ конвоя Его Величества стоялъ распущенный на горѣ; а за нимъ уже, за горой—сводный почетный эскадронъ Его Величества, значекъ Главнокомандующаго и 1-й лейбъ-эскадронъ — конвой Главнокомандующаго. Государь Императоръ пробылъ на курганѣ до двухъ часовъ и затѣмъ изволилъ уѣхать въ Драча. Мы-же получили приказаніе спуститься къ Дунаю и стать бивуакомъ у Чепурчени, дабы на слѣдующій день снова встрѣтить на горѣ Императора.

Стало смеркаться, и нѣсколько человѣкъ офицеровъ отпра-

вились въ Турно-Магурели, отстоящій отъ мѣста бивуачнаго расположенія въ трехъ верстахъ. Оставшіеся-же офицеры расползлись по деревнѣ, съ цѣлію поискать чего-нибудь съѣстнаго. Одному счастливцу удалось-таки отыскать тощую курицу и нѣсколько яицъ, что, конечно, не могло утолить всей компаніи. Но у одного казака нашлось немного чаю и сахару. Заразъ все въ котелъ; вскипятили и, засѣвъ въ круговую, начали прихлебывать деревянными ложками. Тутъ возвратились ѣздившіе въ Турно-Магурели и привезли гостинецъ—осколки лопнувшихъ по близости гранатъ.

*
* *

Ночь была безпокойная и орудія не умолкали ни на минуту. Ближайшая къ намъ батарея, такъ долго молчавшая, открыла огонь. Цѣпь наша имѣла связь и сообщеніе съ пѣхотой, и на правомъ флангѣ въ полной готовности стояла дежурная часть. Ровно въ двѣнадцать часовъ раздалась страшная ружейная канонада и учащенная пальба изъ орудій. Мы бросились изъ палатки и стали прислушиваться.

— Открыть затворы!.. раздался голосъ дежурнаго и... снова все смолкло. Небо заволоклось тучами. Мѣсяцъ урывками освѣщалъ и нашъ бивуакъ и грозно сверкавшій во тьмѣ Дунай.

Мимо кто-то пробѣжалъ. Я окликнулъ. Оказался товарищъ.

— Куда?

— Туда, туда... узнать о причинѣ тревоги; хочешь—поѣдемъ, торопился онъ, спросись! Получивъ разрѣшеніе, я наскоро одѣлся, вложилъ патроны въ револьверъ, сѣлъ на лошадь и вмѣстѣ съ товарищемъ и четырьмя казаками, крупною рысью поѣхали по направленію выстрѣловъ. Ружья у всѣхъ были заряжены и патронныя сумки разстегнуты. Пропускъ въ эту ночь былъ—«Осколокъ».

Скоро заблестали огни въ Турно-Магурели и мы влетѣли въ городъ. Получивъ самые неудовлетворительные отвѣты, мы, выѣхавъ за городъ, круто повернули налѣво и поскакали прямо къ Дунаю. Вскорѣ мы обогнали армейскихъ казаковъ и, придержавъ лошадей, спросили гдѣ стрѣляютъ.

— А кто же ее знаетъ, отвѣчали станичники, мы сами толку не добьемся... возьмемъ, ваше благородіе, налѣво... оттуда что-ль несетъ.

Мы послушались и взяли новое направленіе. Съ каждой минутой трескотня становилась все отчетливѣй и отчетливѣй. Ясно — мы приближались къ линіи стрѣлковъ. Все ближе и ближе подвигались мы... все сильнѣй и сильнѣй стучало сердце въ груди. Вотъ... блеснулъ огонекъ... другой—и кривая огненная линія полыхнула шагахъ въ пятидесяти... Залпъ!.. мы были у цѣпи.

Темь, хоть глазъ выколи. Конь фыркнулъ и остановился.

— Ваше благородіе, крикнулъ казакъ, никакъ въ самый Дунай попали.

— Ври.

— Вѣрное слово.

Я ударилъ лошадь и та, рванувшись, заметалась. Казакъ не солгалъ: мы очутились въ трясникѣ. А подъ самымъ носомъ шла перестрѣлка и добраться до нея не было никакой возможности.

Тогда мы подались назадъ и круто повернули налѣво. Въ этомъ направленіи должна была быть магурелевская батарея, и мы рѣшились не сворачивать съ разъ принятаго направленія.

— А ужъ мы къ туркѣ попадемъ, осклабился казакъ, — примутъ!

Не прошло и полчаса, какъ мы совершенно неожиданно наткнулись на роту Пензенскаго полка, шедшую на ночныя работы. Отъ нихъ удалось узнать слѣдующее: Тамбовская батарея выпустила во весь день 350 снарядовъ, подбивъ самую лучшую дальнобойную турецкую батарею, чѣмъ и принудила ее преждевременно смолкнуть. Магурелевская батарея стрѣляла впродолженіи всей почи изъ двадцати-четырехъ фунтовыхъ орудій и имѣла легкія порчи. Трескотню же, переполошившую всѣхъ, произвели румыны, находившіеся вмѣстѣ съ орудіями на островѣ р. Ольты и демонстрирующіе съ огнемъ магурелевской батареи спускъ къ Турну ста-пятидесяти лодокъ, понтоновъ и плотовъ.

Такимъ образомъ, узнавъ обо всемъ случившемся въ грозную ночь, мы пустились въ обратный путь, захвативъ не разорвавшуюся турецкую гранату. Солнышко уже стало подыматься, когда мы одновременно съ эскадрономъ стали приближаться къ кургану. Доложивъ обо всемъ командиру полка, мы втихомолку втащили гранату на курганъ.

Вскорѣ прибылъ Императоръ и, увидѣвъ снарядъ, полюбопытствовалъ узнать откуда онъ.

— Съ Турно, казачій разъѣздъ привезъ, Ваше Императорское Величество, отвѣтилъ командиръ.

— А разряжена она? спросилъ Главнокомандующій.

— Никакъ нѣтъ, Ваше Высочество, отвѣтилъ привезшій гранату офицеръ.

— Ну такъ, братъ, убери ее, сказалъ засмѣявшись Главнокомандующій.

Офицеръ смутился.

— Ничего, улыбнулся Императоръ, пусть лежитъ.

Но Великій Князь сталъ упрашивать Государя позволить отнести ее хоть немного подальше.

— Ну неси, весело сказалъ Государь, да смотри носкомъ поставь на землю.

— Слушаю, Ваше Величество, проговорилъ офицеръ и, бережно взявъ гранату, понесъ ее въ сторону. Но отойдя шаговъ сто и, не предполагая, что Императоръ слѣдитъ за нимъ, опустилъ ее на землю, снялъ фуражку и самымъ вѣжливымъ образомъ началъ раскланиваться съ ней. Государь разсмѣялся.

— Я нарочно, сказалъ Императоръ, надѣлъ крестъ св. Георгія покойнаго Государя Александра Павловича. Онъ счастливый и при немъ всегда одерживались побѣды.

Въ успѣхѣ мы не сомнѣвались и полная, радостная надежда вселилась въ грудь каждаго.

* * *

За курганомъ въ пятидесяти шагахъ стояла карета, къ которой отвсюду былъ проведенъ телеграфъ. На козлахъ сидѣлъ Главнокомандующій, окруженный множествомъ генера-

ловъ и офицеровъ. А на курганѣ сидѣлъ Государь и глядѣлъ въ подзорную трубу. Но вотъ получается телеграмма, что 14-я дивизія и 9-й полкъ благополучно переправились на вражій берегъ. Государь быстро сошелъ съ кургана и, выслушавъ радостное извѣстіе, со слезами на глазахъ обнялъ брата. Пробывъ еще съ часъ времени, Императоръ изволилъ отправиться въ Драча, куда послѣдовали и мы. Но едва успѣли слѣзть съ лошадей, какъ раздалось громкое «ура!» и вслѣдъ затѣмъ крикъ: «всѣхъ на линію!» Въ моментъ дивизіонъ выстроился и офицеры стали на правый флангъ. Вскорѣ показался Императоръ и Великій Князь, у котораго на шеѣ блестѣлъ Георгіевскій крестъ. Государь приблизился къ фронту и громко произнесъ:

— Съ побѣдой, братцы!

Шапки полетѣли вверхъ и долгое, громовое «ура!» огласило воздухъ. Затѣмъ всѣ бросились за Государемъ, который направился къ палаткѣ Главнокомандующаго. Государь съ Великимъ Княземъ вошелъ въ кругъ и глубоко растроганнымъ голосомъ началъ:

— Съ малолѣтства сроднившись съ арміей, я не вытерпѣлъ и пріѣхалъ, чтобы раздѣлить съ вами труды и радости. Я радъ, что хоть частичкѣ моей гвардіи досталось трудное дѣло и она геройски исполнила его. Дай Богъ, чтобы и всегда такъ было! и сказавъ эти слова, Онъ обнялъ Великаго Князя.

Затѣмъ Императоръ подошелъ къ Терцамъ, которые встрѣтили его слѣдующей пѣсней:

Съ Богомъ, Терцы, не робѣя,
Смѣло въ бой пойдемъ, друзья.
Бейте, рѣжьте, не жалѣя
Бусурманина врага.

Тамъ далеко за Балканы
Русскій много разъ шагалъ,
Покоряя вражьи станы,
Гордыхъ турокъ побѣждалъ.

Такъ идемъ путемъ прадѣдовъ
Лавры, славу добывать,
Смерть за Вѣру, за Россію
Можно съ радостью принять.

День двѣнадцатый апрѣля
Будемъ помнить мы всегда,
Какъ нашъ Царь, Отецъ Державный,
Брата къ намъ подвелъ тогда;

Какъ онъ, полный Царской мочи,
Съ отуманеннымъ челомъ,
„Берегите, сказалъ, брата,
Будьте каждый молодцомъ.

Если нужно будетъ въ дѣло
Николаю васъ пустить,
То идите въ дѣло смѣло, —
Дѣдовъ славы не срамить".

Государь, прослушавъ пѣсню, обратился къ конвою:

— А знаете-ли вы, какъ отличились Сунженцы на Кавказѣ? Поздравляю васъ, и, снявъ фуражку, Императоръ воскликнулъ: «ура! нашимъ братьямъ-кавказцамъ».

«Ура!..» загремѣло по рядамъ.

Шестнадцатаго іюня, въ семь часовъ утра, мы двинулись къ Зимницѣ. Во всю дорогу жара и пыль были нестерпимыя. Отойдя верстъ двадцать, мы увидѣли на полянѣ бѣлыя кибитки, оказавшіяся еще пустымъ подвижнымъ лазаретомъ. Но вотъ показался обозъ съ ранеными, съ которымъ мы скоро поровнялись. Большею частью были ранены въ руки и ноги.

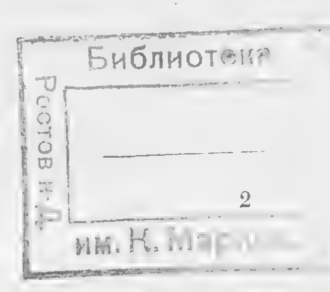
— Во что раненъ, голубчикъ?

— Въ ногу, ваше благородіе.

— Ну что?

— Да, ничего, ваше благородіе.

— Будь здоровъ, поправляйся.

— Покорно благодарю. Дай вамъ Господь Богъ! пожелалъ добрый солдатъ.

Но одинъ совсѣмъ не похожъ былъ на раненаго и скалилъ зубы.

— А ты что?

— Ничего.

— Раненъ?

— А-во, и, приподнявъ рубашку, онъ указалъ на свѣжую, еще сочившуюся рану.

Да пошлетъ тебѣ Богъ силы и терпѣнія могучая, русская сила!

Пройдя еще верстъ десять, мы нагнали 33-ю пѣхотную дивизію и были поражены тѣмъ, что солдаты сдѣлавъ такой страшный переходъ, были въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Бѣдный деньщикъ, несшій ружье и тащившій на длинной веревкѣ еле двигающуюся собаку, только отплевывался отъ сыпавшихся со всѣхъ сторонъ остротъ. Ни жаръ, ни голодъ, ни утомленіе, ничто не дѣйствовало на русскаго богатыря. Идетъ себѣ да посмѣивается, и, какъ игрушку, перекидываетъ ружье съ плеча на плечо. Но вотъ и Зимницы. Наконецъ-то дошли. Скорѣе къ раненымъ! Я вошелъ въ палатку и... собственное *я* стушевалось. Леденящій ужасъ охватилъ все мое существо. Стоны изувѣченныхъ, истерзанныхъ раненыхъ и весь видъ адской физической боли поразилъ меня какъ бы смертельнымъ ядомъ. Все слышанное и читанное о войнѣ не даетъ никакого понятія о томъ, что представляетъ сама дѣйствительность. Я подошелъ къ раненому, у котораго изъ прорубленной головы торчала какая-то безобразная масса. Милосердная сестра прикладывала ледъ. Онъ судорожно схватывалъ ее за руки и, качая какъ бы въ забытьи, приговаривалъ: «Маша! Маша! нарви мнѣ цвѣтовъ», и горько, горько рыдалъ. Я не утерпѣлъ и спросилъ:

— Что вы чувствуете?

— Приближеніе смерти, отвѣтилъ онъ и поблѣднѣвшими устами началъ шептать молитву.

Съ грустью я отошелъ отъ него и подошелъ къ сѣдому, какъ лунь, капитану. Онъ слабо стоналъ и на лицѣ его про-

свѣчивалась невыразимая смертельная тоска. Безъ словъ я понялъ, что съ большой семьею разлучался на вѣки старикъ. Не имѣя силъ переносить все это и страдая не менѣе раненыхъ, я вышелъ изъ палатки. Въ это время молдаванскій священникъ шелъ впереди печальной похоронной процессіи. Несли четырехъ убитыхъ на полѣ чести воиновъ. Они были обернуты бѣлыми покрывалами и свѣжая кровь сочилась сквозь нихъ. Обнаженныя восковыя ноги торчали ничѣмъ не покрытыя. Гробовъ не было, да на всѣхъ и не напасешься, несли на носилкахъ. Какъ-то странно однозвучно раздавалось, какъ бы среди уснувшей природы, монотонное, тихое пѣніе священника. Провожатыхъ не было. Только служитель алтаря, да членъ «Краснаго Креста» брели за носилками. Я снялъ шапку и началъ усердно креститься. Помяни, Господи, души ихъ!...

17-го іюня за городомъ, на курганѣ происходило молебствіе. Кругомъ стояли войска, а пѣли сами офицеры. Государь Императоръ, а за Нимъ и всѣ войска, преклонивъ колѣна, молили Господа о дарованіи побѣды. Послѣ молебна самъ Императоръ раздавалъ кресты, обнимая и цѣлуя каждаго. Когда же награды были розданы, то награжденные стали на вершинѣ кургана, и всѣ бывшія здѣсь войска взяли имъ на караулъ, а музыка и громкое «ура»—потрясли воздухъ. Послѣ этого Государь объѣхалъ войска и, остановившись передъ своднымъ полуэскадрономъ и дивизіономъ лейбъ-казаковъ, сказалъ:

«Я надѣюсь, что и вы исполните также свой долгъ, когда придетъ вамъ чередъ».

Мы отвѣтили восторженнымъ крикомъ.

Въ тотъ же день войскамъ былъ прочитанъ слѣдующій приказъ отъ 17-го іюня:

«Войска ввѣренной мнѣ арміи! Самое трудное дѣло предстоящей кампаніи—переходъ чрезъ Дунай—совершено блистательно въ Галацѣ, Браиловѣ и Систовѣ. Тамъ и здѣсь войска, бывшія въ дѣлѣ, вели себя по-истинѣ геройски. Ни казавшіяся неопреодолимыми препятствія природы, ни громадныя средства

обороны врага, ни его упорное сопротивленіе не остановили васъ. Вы побороли все и явились достойными тѣхъ надеждъ и ожиданій, которыя возлагаетъ на васъ обожаемый нашъ Монархъ, а съ нимъ и вся Россія. Рядомъ съ непобѣдимымъ мужествомъ войскъ, одолѣвшихъ штыкомъ и пулею врага, не меньшее геройство и самоотверженіе выказано было всѣми чинами и частями войскъ, подготовившими средства для переправы. Моряки, саперы и казаки, пѣхота, артиллерія и кавалерія наперерывъ другъ передъ другомъ работали безъ устали надъ подготовкою лодокъ, плотовъ, надъ проводомъ ихъ подъ огнемъ непріятельской крѣпости къ мѣсту переправы, надъ ослабленіемъ непріятельской артиллеріи.

«Моряки съ самыми скудными средствами на утлыхъ ладьяхъ борются съ мониторами, взрываютъ ихъ или заграждаютъ минами и дѣлаютъ ихъ безвредными.

«Не могу нахвалиться добросовѣстнымъ исполненіемъ всѣми чинами своего долга, а равно мужествомъ и безстрашіемъ, съ которыми войска бились съ врагомъ.

«Не моимъ заслугамъ, а вашему самоотверженію и мужеству приписываю я награду ордена св. Георгія 2-й степени, которымъ Государь Императоръ удостоилъ меня пожаловать. Не я, а вы заслужили эту награду.

«Сердечное спасибо мое всѣмъ—отъ старшихъ начальниковъ до рядоваго!

«Продолжайте же работать и напередъ такъ, какъ начали, и мы исполнимъ то святое дѣло, на которое послалъ насъ Царь и за успѣхъ котораго молится вся Россія».

Въ тотъ же вечеръ мнѣ удалось узнать отъ нѣкоего Григорія Гончарова небезъинтересныя подробности о переправѣ. Во-первыхъ, вотъ фактъ, который врядъ-ли до сихъ поръ былъ кому-нибудь извѣстенъ. А именно, что нѣкій болгаринъ Дмитрій Вопуръ, вмѣстѣ съ своими двумя родственниками, въ первый моментъ переправы благополучно доставилъ и высадилъ на вражій берегъ 30 человѣкъ солдатъ второй горной батареи вмѣстѣ съ бомбардиромъ Гончаровымъ.

Послѣдній не мало удивлялся искусству и храбрости, съ

какою молодцы, не обращая вниманія на сыпавшіеся снаряды, направляли лодки.

Постараюсь возможно обстоятельнѣе и точнѣе передать то, что повѣдалъ мнѣ бомбардиръ. Если эти безспорно важныя подробности уже извѣстны, то тѣмъ лучше, по крайней мѣрѣ ихъ можно сравнить съ имѣющимися и свести концы съ концами. Если онѣ неизвѣстны, то тѣмъ болѣе будутъ интересны для публики и полезны для составителей исторіи войны.

Какъ извѣстно, въ моментъ переправы лодки не могли быть всѣ на одной линіи—однѣ были впереди, другія—позади. Первыми лодками, достигшими берега, были двѣ лодки съ Волынцами, каждая по пятидесяти человѣкъ, и были отброшены. Вслѣдъ за ними шла третья лодка съ тѣмъ же числомъ Волынцевъ, которымъ и удалось причалить. Офицеръ, бывшій на ней и увидѣвшій вслѣдъ за собой плывущую лодку съ гвардейцами, крикнулъ: «Высаживайтесь скорѣй, а то мы пропадемъ». Гвардейцы поворотили назадъ и, причаливъ къ тому мѣсту, быстро высадились и, съ крикомъ «ура», бросились впередъ. Въ тотъ же моментъ причалила еще лодка съ двумя орудіями 2-й горной батареи. Но лошади, ставъ на берегъ, загрузли. Солдаты бросились къ орудіямъ и едва вынесли ихъ на плечахъ, какъ съ ужасомъ замѣтили, что турки несутся на нихъ съ крикомъ «алла»! Долго не думая они спустили ихъ съ плечъ и хватили картечью на встрѣчу. Знать ловко пришлось—турки отступили. Вскорѣ къ двумъ орудіямъ причалили еще четыре, —гвардейцы же были за холмомъ. Лишь только турки отступили, какъ всѣ шесть орудій быстро выѣхали на позицію, а Волынскій полкъ съ гвардейцами, выскочивъ изъ-за бугра, внезапно напали на турокъ. Батарея не дремала и, черезъ головы своихъ, открыла пальбу гранатами. Успѣхъ былъ полный и быстрый—турки вновь отступили. Въ то-же самое время два непріятельскія орудія, стрѣлявшія изъ Систова по двигающимся лодкамъ, направили огонь на нашу батарею. Первый пущенный снарядъ перелетѣлъ. Батарея во время передвинулась влѣво и стала на перевалъ. Второй снарядъ угодилъ какъ разъ на старое мѣсто батареи,—но было поздно.

Снова непріятельскія жерла повернули къ Дунаю. При послѣднемъ моментѣ драмы непріятельская кавалерія подошла къ своимъ орудіямъ, а прислуга при нашихъ бросилась къ постройкѣ новой батареи. Въ ту-же минуту показалась наша пѣхота, и турки, заклепавъ орудія, бросили ихъ въ Дунай, а сами обратились въ полное бѣгство.

Холмъ, на которомъ молодецки дрались гвардейцы, былъ всѣми, начиная съ Драгомирова до послѣдняго солдата, названъ «гвардейскимъ». И было за что: какъ львы дрались они и по себѣ оставили громкую, неувядаемую славу! Если-бы я былъ художникомъ, я непремѣнно нарисовалъ бы ту картину, которая поразила всѣхъ, кто осматривалъ тотчасъ поле битвы.

На землѣ, среди разбросанныхъ труповъ, разметавши руки, лежалъ турецкій офицеръ. А надъ нимъ, нѣсколько наклонившись, стоялъ великанъ-гвардеецъ, всѣмъ корпусомъ налегшій на прикладъ ружья, полштыка отъ котораго всажено было въ грудь басурмана. Помертвѣлыя очи стоящаго все еще грозно глядѣли на врага...

Новое наше мѣстожительство, конечно временное, было Зимницы, признаться, мало чѣмъ отличающіеся отъ большой безолаберно-раскинутой деревни. Да и въ самомъ дѣлѣ—группа разбросанныхъ въ безпорядкѣ разношерстныхъ домовъ, два, три тощихъ чахоточныхъ деревца, оврагъ, перерѣзывающій городъ на двѣ части, или вѣрнѣе отдѣляющій массу, въ живописномъ безпорядкѣ разбросанныхъ простыхъ уже совсѣмъ хижинъ, отъ трактировъ и кабаковъ, врядъ ли напоминали городъ. Но какъ-бы то ни было, а мы скоро свыклись съ грустной обстановкой и окончательно примирились съ своимъ новымъ положеніемъ. Дома, по обыкновенію, не сидѣли и съ утра до поздняго вечера слонялись изъ угла въ уголъ. Соберемся, бывало, у порога какой-нибудь кешты, самоваръ вытащимъ, достанемъ вонючей копченой рыбы подъ названіемъ чируса, и балакаемъ покуда солнышко не спрячется, а тамъ— въ хату, да и за карты. Ну и не безъ того, чтобы новостями дня не подѣлиться.

— Слыхалъ новость?

— Какую?

— Въ Зимницы Патти пріѣхала!

— Болгарская?

— Нѣтъ, братцы, чистокровная русская.

— Съ позволенія сказать, оберъ-маркитантша Марья Ивановна. Здравствуйте, говорю я, г-жа Патти. «Я», говоритъ, «не Патти, а Марья Ивановна. Не хотите-ли чашечку кофе?»

— Премного благодаренъ, г-жа Патти, пожалуйте. «Марья Ивановна», улыбнулась она и снова поправила. Тутъ, грѣшный человѣкъ,—не выдержалъ. Размилѣйшая, чуть ни Марьюшка, брякнулъ я; да вы знаете, вы для насъ ангелъ.—«Помилуйте, Богъ васъ накажетъ; еще кѣмъ назовете,» застыдилась Марья Ивановна. «Мнѣ вотъ и то не въ домекъ, какая это Патти.» Успокойтесь, говорю, сударыня, это первѣющая пѣвица въ свѣтѣ и для насъ по голосу вы схожи.

— А-а!.. протянула маркитантша и успокоилась. Мы и курицу Патти зовемъ, выпалилъ я, какъ изъ пушки. Она вопросительно взглянула на меня.—«Не похожа что-то я на курицу,» совсѣмъ разобидѣлась Марья Ивановна и отвернулась. Эхъ, сударыня, говорю я, иносказательно понимать должны-съ; сами подумайте, коли въ два дня соринки опричь куска рогатъ-лукума во рту не было, такъ стало любую лошадь на скачкѣ обгонишь и волей-не волей къ крику курицы неравнодушенъ. Смѣется...

— Да ты, братъ, чего околесину плетешь, замѣтилъ одинъ изъ сидѣвшихъ.

— Околесину? обидѣлся ораторъ.

— Хотите, пойдемъ,—познакомлю; табельдотъ содержитъ— будетъ рада, да и вы не меньше: по крайности на русскую женщину посмотрите.

Сговорились на другой день пойти общимъ кагаломъ.

Бѣдная маркитантша не знала, что ей дѣлать: на нее смотрѣли какъ на чудо.

— Дождались, орали мы.

— Да цытьте, вопила хозяйка, аль съ роду не видѣли нашего брата.

— Не видѣли, огрызнулась компанія.

— Ты теперь наша, кричалъ недавній ораторъ.

— Вѣдь вотъ оглашенные, ворчала Марья Ивановна. Ѣсть-ка лучше садитесь щецъ россійскихъ.

— Идетъ, крикнули всѣ и шумно стали усаживаться вокругъ простаго стола, кто на бочкѣ, кто на доскѣ, а то и прямо на землѣ подъ полусгнившимъ навѣсомъ болгарской избушки.

Почтенная толстуха сіяла, какъ весеннее солнышко.

Тихо, незамѣтно, текла наша жизнь въ ожиданіи грядущихъ дѣлъ за Дунаемъ. Но вотъ пріѣхалъ Императоръ, раздались звуки боевой музыки и все какъ отъ сна встрепенулось. Не проходило дня, чтобы Государь не пріѣзжалъ на мѣсто бивуачнаго расположенія своего конвоя и насъ — конвоя Великаго Князя—и подолгу ласково говаривалъ съ нами. Обыкновенно по крику «всѣхъ на линію» быстро выбѣгали за оврагъ и, выстроивъ фронтъ, искренне-радостнымъ «ура!» привѣтствовали возлюбленнаго Монарха. Но болѣе всего Императоръ любилъ ходить въ лазаретъ Ржевскаго отряда, гдѣ, при видѣ раненыхъ, при видѣ ихъ невѣроятныхъ, не человѣческихъ мученій, самъ ужасно страдалъ Но были для Царя и свѣтлые дни—дни блистательно одержанныхъ побѣдъ. Никогда не забуду я глубокой радости добраго Монарха, когда гвардейская полу-рота, славно отличившаяся при переправѣ, съ барабаннымъ боемъ торжественно шла по городу. Большинство изъ насъ, какъ уличные мальчишки, сопровождали полуроту, съ любопытствомъ заглядывая въ лица людей, такъ смѣло смотрѣвшихъ въ глаза ужасной смерти.

Эхъ, когда-то намъ придется, съ завистью думали мы. Да и какъ было не думать — скучновато становилось; службы не было никакой, кромѣ назначенія на переправу, да и тамъ пробыть двадцать-четыре часа едва хватало и силъ и терпѣнія. Сидишь себѣ бывало у маленькой, тутъ-же разбитой палатки, да и слушаешь воркотню тысячей собравшихся возницъ. Безконечный рядъ повозокъ, орудій, лошадей, гремя колесами и цѣпями, съ какою-то мрачною торжественностью двигается по

мосту, медленно подымается на противоположный крутой берегъ и... исчезаетъ изъ глазъ за первымъ гребнемъ. Какъ-то разъ, съ девятнадцатаго на двадцатое я провелъ ночь на Дунаѣ. Скука смертельная. Лежишь себѣ на матушкѣ сырой землѣ съ сѣдельной-подушкой въ изголовьи, да безцѣльно глядишь на грязное сломанное колесо. Въ томъ кажется и время проходило.

— Казака раненаго везутъ, вдругъ раздалось у самой палатки. Я вышелъ. Медленно двигалась воловая телѣга, въ ней лежалъ рослый казакъ и спокойно глядѣлъ на небо. Впереди и позади шло по станичнику. Я догналъ возокъ и пошелъ рядомъ.

— Какого, голубчикъ, полка?

— Бакланова № 23, тихо отвѣтилъ казакъ.

— А во что раненъ?

— Въ ногу, въ самое колѣно и опасно мѣсто, в. б—діе, всю кисть раздробило.

— А съ кѣмъ вы дрались?

— Да все съ этими... съ баши-бузуками. Поѣхали въ разъѣздъ, ну и вскорости запримѣтили черкесъ...

— А далеко отъ Дуная?

— Никакъ нѣтъ; съ верстъ двадцать-пять... Ну, ѣдемъ себѣ по маленьку, глядь: стоитъ у дерева кучка человѣкъ въ тринадцать; мы на нихъ, они тягу; ну одного свалили, пуль десять влѣпили,—барахтается дьяволъ; въ голову ударили, тогда померъ. Ну да ужъ живучь-же, в. б—діе, просто дѣло непонятное.

— Ну, Господь съ тобой, пожелалъ я отъ души, выздоравливай, на родину, тихій Донъ, вмѣстѣ поѣдемъ.

Казакъ вздохнулъ—плоха была надежда.

Насталъ вечеръ; вѣстовой принесъ мнѣ на ужинъ краюху хлѣба, да кусокъ сала.

— Покушайте, в. б-діе, больше ничего нѣтъ. Я поблагодарилъ и за то, и, поужинавъ чѣмъ Богъ послалъ, завалился спать. Мгновенно черная мрачная дѣйствительность исчезла, какъ ненавистный призракъ. Воскресли давно забытые, милые образы. Недолгая, напрасная и горькая мечта!..

— Ваше благородіе, а ваше благородіе!.. раздалось внезапно надъ ухомъ.

— Кто тамъ? спросилъ я съ просонокъ.

— Жандармъ.

— Да что тебѣ нужно?

— А вотъ извольте прочесть.

Беру и читаю: «всепокорнѣйше прошу похоронить выброшенные около вашего расположенія трупы».

— Какой тутъ сонъ!?..

Я всталъ, одѣлся и, исполнивъ приказаніе, возвратился въ свою берлогу; но не легъ, а усѣлся почти у самаго Дуная и вступилъ въ бесѣду съ старожилами.

— Ну что, чай скучно, братцы?

— Да что-жъ подѣлаешь? Не весело. Допрежь, какъ казаки забавляли, не въ примѣръ было веселѣе.

— Какъ забавляли? полюбопытствовалъ я.

— Да такъ, в. б—діе,—понадѣлаютъ изъ вербы плотовъ, чучелъ понаставятъ, да по Дунаю и пустятъ; ну заразъ Дунай и загорится, значитъ турки заприметили. Сказываютъ, только не знаемъ правда аль нѣтъ, альтикрическое солнце зажигаютъ. Ну потомъ турки пальбу откроютъ, а намъ и на руку.

— Ваше благородіе, а ваше благородіе! возопилъ разсказщикъ.

— Что тебѣ?

— Одолжите папиросочку! Ей-Богу, два дня какъ махорка вышла—просто нѣтъ силъ терпѣть.

Я засмѣялся и, вынувъ деревянный портъ-сигаръ, снабдилъ его папиросами.

— Дай вамъ Богъ здоровья, чуть не прослезился солдатикъ,—съ этимъ только и живешь, а то хоть пропадай; благодаримъ покорно.

Долго я еще бесѣдовалъ съ ними и только въ двѣнадцать часовъ побрелъ въ свою укромную берлогу.

Въ девять часовъ утра, на другой день, я былъ смѣненъ товарищемъ Л., которому въ знакъ своей искренней благодар-

ности хотѣлъ передать остатокъ скуднаго ужина. Но сдѣлать этого не удалось, ибо внезапно раздался крикъ: «всѣхъ на линію!» Сунувъ поспѣшно сало въ карманъ, я добѣжалъ до выстроившагося полуэскадрона и сталъ на правый флангъ. Государь Императоръ съ блестящей свитой подъѣхалъ къ мосту и ласково поздоровался съ нами. Минуту спустя, Онъ направился черезъ мостъ въ Систовъ, гдѣ и былъ встрѣченъ духовенствомъ и всѣмъ населеніемъ города.

Боже Русскаго Царя храни.
Даруй Ему побѣду надъ врагами.
Силой небесной Его осѣни.
Боже! Царя православнаго храни.
Многое! многое! лѣто!

восторженно пѣли болгары.

На другой день, я отправился навѣстить больныхъ и, поздоровавшись съ однимъ тяжело раненымъ солдатомъ, былъ озадаченъ слѣдующимъ вопросомъ: «А что, в. б., войска все переправляются, да переправляются, а турокъ все нѣтъ, какъ нѣтъ. Ну ужъ попадись только намъ,—мы бы имъ конфетами глаза засыпали». Мнѣ оставалось только удивляться такому странному присутствію духа передъ ежеминутно-грозящею смертью. Я подошелъ къ Житомірцу, на бѣлой рубашкѣ котораго блестѣлъ Георгіевскій крестъ.—«За какое дѣло получилъ?»—«Да за много, в. б.! Богъ помогъ турокъ побить, а пуля только оцарапала».—«А ротный что получилъ?»—«Мученическій вѣнецъ—убитъ!» Коротко и просто.

Вскорѣ въ госпиталь внесли двухъ совершенно изуродованныхъ болгаръ; на головѣ у старика былъ вырубленъ башибузуками глубокій православный крестъ.

Двадцать третьяго іюня, послѣ нечеловѣческихъ страданій, онъ наконецъ скончался и былъ перенесенъ въ притворъ старинной единственной церкви.

Невозможно было безъ слезъ глядѣть на его жену, отчаянные вопли которой раздирали душу. Въ изголовьи гроба стояла

глиняная кружка и каждый изъ насъ спѣшилъ помочь несчастному осиротѣвшему семейству.

Подъ вечеръ этого сумрачнаго дня хоронили Тюрберта, офицера гвардейской (пѣшей) артиллеріи, утонувшаго при переправѣ чрезъ Дунай.

Печально раздались среди тишины погребальные звуки и процессія медленно стала подвигаться къ старинной церкви.

Въ это время Императоръ обѣдалъ и, услыхавъ печальные звуки похоронъ, быстро всталъ изъ-за стола и, выйдя изъ внутреннихъ покоевъ, пошелъ за гробомъ.

Передъ церковнымъ дворикомъ уже стояла музыка и караулъ сводной гвардейской роты; а на самомъ дворѣ—съ лѣвой стороны отъ входа—караулъ отъ своднаго баталіона конвоя Главнокомандующаго.

При отпѣваніи тѣла присутствовали: Государь Императоръ, Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великіе Князья, Великій Князь Главнокомандующій съ сыномъ, два принца Гессенскихъ, генералитетъ и свита.

Императоръ, не обращая вниманія ни на страшный сквозной вѣтеръ, ни на удушливый зловонный воздухъ, достоялъ до самаго окончанія литіи. Онъ самъ показалъ, какъ надо опускать гробъ и, первый взявъ лопату, со слезами на глазахъ, бросилъ землю въ могилу.

Въ самый моментъ опусканія гроба, музыка заиграла, «Коль славенъ......», а войска взяли на караулъ.

Послѣ похоронъ, Государь отправился къ Себѣ и былъ задержанъ на дворѣ приведенными плѣнными турками.

Послѣ непродолжительнаго разговора черезъ переводчика, Императоръ съ свѣтлѣйшимъ Суворовымъ начали раздавать туркамъ папиросы.

Послѣдніе были въ восторгѣ и, въ знакъ своей искренней благодарности, пожелали Государю хорошо поѣсть.

Императоръ разсмѣялся и совершенно веселый вошелъ во внутренніе покои.

Не знаю самъ почему, но въ этотъ вечеръ «заря», какъ

и всегда торжественная, показалась мнѣ еще болѣе торжественною.

На ветхомъ балконѣ укромной бѣдной хатки, какъ разъ у самаго обрыва къ Дунаю, сидѣлъ я въ этотъ вечеръ и подъ странные звуки трубъ и барабановъ думалъ думу горькую.. О! Еслибъ я могъ вѣрно и полно начертать картину торжественной вечерней зари, и во всѣхъ деталяхъ изобразить ту поэтическую. мѣстность, среди которой я находился, передать со всею точностію жгучіе вопросы? Мнѣ было бы легче!

Вокругъ было такъ славно, тихо, не смотря и на то, что набѣгавшія Богъ вѣсть откуда тучки закрывали какъ бриллiаты горѣвшія звѣзды, а случайно, воровски, прорвавшійся лунный лучъ чудно серебрилъ уснувшую рѣку;—гдѣ-то, далеко на Дунаѣ, мелькали огоньки быстро плывущихъ лодокъ. Заря! раздалась труба, ударилъ барабанъ, еще труба—и звуки перемѣшались... затѣмъ все стихло... и вотъ среди всеобщей, какъ бы могильной тишины послышались тихіе звуки молитвы и, какъ бы вторя имъ, запѣлъ и хоръ. Но вотъ и онъ умолкъ, и оживилось все. Раздался вслѣдъ затѣмъ торжественный народный гимнъ, которому вдругъ дерзко стала вторить Богъ вѣсть откуда раздавшаяся пѣсня:

Гой Дунай, ты Дунай,
Ты широкій Дунай,
Принимай ты Дунай
Насъ въ родимый твой край.

Мы съ дарами къ тебѣ,
Нашъ родимый Дунай,
Со Урала рѣки,
Дона, Волги, Днѣпра,

Терекъ шлетъ свой поклонъ,
А Кубань свой привѣтъ.
Ты скажи намъ, Дунай,
Ты держи намъ отвѣтъ.

Хочешь ли ты, Дунай,
Быть свободной рѣкой,

Какъ мы, дѣти Руси,
Православной святой? и т. д.
. . . .

Тяжело мнѣ вдругъ стало; я накинулъ кожанное пальто и побрелъ на сходку.

— Что новаго, братцы? поздоровавшись спросилъ я у товарищей — «Да ничего», нехотя отвѣтилъ М. «Сегодня офицеры, назначенные къ Наслѣднику Цесаревичу въ Рущукскій отрядъ, приходили къ Великому Князю проститься. Но тотъ, какъ и всегда, встрѣтилъ ихъ ласково, поблагодарилъ за прежнюю службу и, прощаясь, произнесъ: «Господь же съ вами. Храните Его Высочество Наслѣдника Цесаревича».

Двадцать четвертаго іюня я въ послѣдній разъ пошелъ навѣстить раненыхъ, такъ какъ на завтра былъ назначенъ походъ за Дунай. Войдя въ палату, я увидѣлъ въ ней Государя, разговаривающаго съ однимъ раненымъ армейскимъ пѣхотнымъ офицеромъ.

Послѣднему въ это время дѣлали перевязку.

— Тебя мы безпокоимъ? ласково обратился къ нему Императоръ.

— Останьтесь, Бога ради, Ваше Императорское Величество, — жалобнымъ голосомъ взмолился офицеръ, — не уходите, я Васъ вижу въ первый разъ. — А ты бы закурилъ папиросу, Я полагаю тебѣ легче было бы! — Точно такъ, Ваше Величество, слабымъ голосомъ отвѣтилъ больной.

Тогда Государь вынулъ свой портъ-сигаръ, досталъ папиросу и, Самъ закуривъ ее, подалъ офицеру.

Но едва Императоръ обернулся, какъ больной поспѣшно сбросилъ огонь и спряталъ папиросу подъ подушку. Великій Князь, шедшій сзади Государя и видѣвшій всю эту сцену, смѣясь спросилъ его, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ. — «Я ее оставилъ на память, Ваше Императорское Высочество и сохраню ее въ знакъ милостиваго ко мнѣ вниманія моего Государя», взволнованнымъ голосомъ отвѣтилъ офицеръ.

Простившись со всѣми ранеными, я побрелъ въ свою хату.

Подъ вечеръ того же дня, въ послѣдній разъ мы собрались у завѣтнаго порога и съ радости устроили великое двойное, генеральное чаепитіе изъ двухъ котловъ.

Вонючій чирусъ опять украшалъ нашу скромную трапезу. Общій любимецъ Н. потѣшилъ своими славными разсказами.

Эпизоды.

— Это случилось,— началъ разскащикъ, — во время дѣла при переправѣ на высотахъ. Я былъ не дѣйствующимъ лицомъ, описываемаго случая, но, тѣмъ не менѣе, могу дать о немъ точныя свѣдѣнія, ибо присутствовалъ при эпилогѣ этой траги-комедіи, доказывающей, что отъ великаго до смѣшнаго— одинъ шагъ.

Рота Волынскаго полка, выславъ отъ себя въ цѣпь стрѣлковъ, двинулась въ гору. Каждый шагъ занимался съ боя. Твердою поступью, безъ оглядки, цѣпь, закрывая роту, пробивала ей дорогу съ самоотверженіемъ русскаго солдата. Огонь непріятеля съ каждой минутой становился все сильнѣе и сильнѣе... становилось какъ-то невыносимо жутко, несмотря и на то, что перестрѣлка все еще шла какъ бы трелью,— залповъ не было. Вдругъ какъ бы все замерло. Нужно было чего-то ждать; но чего? Тишина, неизвѣстность, самое ожиданіе этой неизвѣстности какъ бы принуждали сильнѣй биться солдатскія сердца. Прошло пять, шесть... десять мгновеній. Дымъ и огоньки, прежде вспыхивавшіе на ближайшемъ гребнѣ, исчезли. Вдругъ страшный залпъ огласилъ окрестность, а за нимъ и неистовый взрывъ тысячей голосовъ: «алла!» и такой же крикъ нашихъ... «ура», смѣшавшійся со стонами раненыхъ. Все перепуталось на минуту; но вотъ дымъ разсѣялся и наши молодцы съ догнавшею ротою уже работали за гребнемъ. Много тутъ было пролито православной крови... но не даромъ: противникъ бѣжалъ... Тутъ разскащикъ прервалъ на минуту разсказъ. Господа, началъ онъ, до сихъ поръ шла трагедія—тяжелая, кровавая; теперь перейдемъ къ комедіи. Въ минуту, послѣдовавшую за залпомъ, вся цѣпь, какъ одинъ

человѣкъ, бросилась на ближайшій бугоръ; причемъ лѣво-фланговый уронилъ ружье и, не желая отстать отъ товарищей, бросился съ кулаками на вѣрную смерть. Но почти въ то-же мгновеніе съ бугра бросился на него турокъ, но споткнулся и шлепнулся плашмя къ ногамъ безоружнаго солдата, при этомъ штыкъ его ружья, проткувъ ступень нашего неустрашимаго молодца, загнулся, встрѣтивъ твердое сопротивленіе камня.

«Ахъ ты...» выругался солдатикъ крѣпкимъ русскимъ словцемъ, причемъ одною рукой хватилъ его въ морду, а другой схватилъ за... но за что онъ его схватилъ? Въ этомъ-то и весь комизмъ. Желая взять его за ухо, онъ въ порывѣ усердія запустилъ ему два пальца въ ротъ, остальными же стянулъ ухо и щеку, причемъ съ физіономіею турка произошла до того комическая метамофорза, до того его ужимки были уморительно смѣшны, что остальные бойцы, увидя несчастнаго перепуганнаго поклонника ислама, закатились русскимъ неудержимымъ, простодушнымъ смѣхомъ. «Гляди, гляди, Меркуловъ, какъ онъ его преобразилъ еси; а ну, а ну дай пососать ему соску... ха-ха-хо-хо-го-ги»... раздавалось въ толпѣ, подошедшій было помочь раненому; но тотъ, озлившись на непрошенную помощь, сердито заоралъ на своихъ: «Чего глотку-то дерете? Ишь! съ помощью лѣзутъ; да не хочу ее, вотъ вамъ и сказъ! Самъ предоставлю куда слѣдуетъ». «Да ты чего скобезиси-то», урезонивали его товарищи, «ты вонъ глянь—ружье за собою волочишь». «Ничего, и съ этимъ турецкимъ шехфомъ (шлейфомъ) справимся»; причемъ дѣйствительно онъ манерно, въ родѣ нашихъ дамъ самаго высшаго бонъ-тона, приподнялъ ружье за шейку приклада. Говорятъ, что ни одинъ мускулъ лица его не дрогнулъ, когда поворачивая ружье, онъ, естественно, разрывалъ себѣ рану, не имѣя возможности вынуть штыка изъ ноги. Оно и можно бы было, слова нѣтъ, но вѣдь турку выпустить не хотѣлось; а турка между тѣмъ, испуганный еще болѣе непонятной для него веселостью гяуровъ, продолжалъ корчить самыя уморительныя гримасы. Когда же онъ начиналъ стонать, тогда нашъ сол-

датикъ, предполагая въ немъ желаніе освободиться отъ непріятнаго положенія, еще болѣе стиснулъ его физіономію, причемъ положеніе несчастнаго становилось еще болѣе комично и увеличввало веселость толпы. «Отпусти ему подпруги, ишь онъ комедный; а глазищи-то, братцы, глазищи-то, что сомъ выуженный». Солдатикъ не обращалъ вниманія ни на смѣхъ, ни на совѣты своихъ боевыхъ товарищей; онъ, какъ-то порывисто сопя, одеревенѣвшей рукой велъ своего плѣнника куда слѣдовало и ворчалъ себѣ подъ носъ. «Ишь идолъ, ширяться вздумалъ; я те ширну въ другой разъ, махаметская образина». На этомъ словѣ солдатъ оборвалъ воркотню и быстро повернулъ голову. «Эва, землякъ, да ты никакъ грызнуть собираешься... ну, кусни, кусни, идолова образина... на, кусни», и при этомъ солдатикъ сильно стиснулъ какъ-бы въ наказаніе его физіономію. Послѣдній поневолѣ шелъ о-бокъ съ нимъ, придерживаясь обѣими руками за руку своего неожиданнаго чичероне. Такъ онъ довелъ турку до «куда слѣдовало», гдѣ я и видѣлъ послѣднюю сцену представленія побѣжденнаго побѣдителемъ. Здѣсь комизмъ еще болѣе увеличился, когда бѣдный служака, желая представиться какъ слѣдуетъ начальству и вмѣстѣ съ тѣмъ не желая выпустить свою добычу, не имѣлъ уже больше силъ опустить ружья. Наконецъ, какъ турокъ отъ намордника, такъ и солдатикъ отъ штыка были освобождены. Солдатъ по натурѣ добрый, увидя у турка ротъ разорваннымъ, сжалился надъ нимъ; онъ началъ угощать его сухарями и трубочкой. «Ну кури—вотъ, право слово, ну. . Ишь очумѣлъ; на вотъ, оботри кровь-то. Нѣтъ, бѣды, братцы, совсѣмъ отупѣлъ и съ чего?» Странно: «братцы» вдругъ почувствовали себя какъ бы виновными и смѣхъ затихъ. Животные озлобленные инстинкты улеглись. Заговорило чувство, вложенное Господомъ, и человѣкъ принялъ свой образъ... Вдругъ турокъ сталъ махать, просить чего-то, но съ такимъ дѣтски-грустно молящимъ взоромъ, что солдатикамъ стало жаль его; онъ просилъ пить и нѣсколько человѣкъ захотѣли ему услужить... Отчего-жъ такая перемѣна? А отъ того, что душа каждаго была теперь настроена къ миру, прощенію, забвенію. За услугу, какъ за

прощеніе своей невольной вины, ухватились всѣ. Они душой, а не мозгомъ поняли, что они и страдающій турокъ—люди. Разомъ исполнивъ эту высокую отрадную обязанность, они почувствовали облегченіе, разомъ пропало это непонятное, тяжелое, неловкое настроеніе и всѣ заговорили. И турокъ, прежде угрюмый и неподвижный, началъ улыбаться и заглядывать каждому прямо въ глаза. Добрые солдатики съ своей стороны стали тоже дружелюбно поглядывать на турка. Дѣйствительно глаза есть зеркало души, говорили древніе... Да, я убѣдился въ этой великой истинѣ. Тутъ побѣдители и враги были чужды: по понятіямъ, вѣрѣ, языку, даже они не могли разговаривать; но, читая въ глазахъ другъ друга, они увидѣли—одинъ (турокъ) ихъ сконфуженныхъ, а они поняли добрые, честные, сострадательные русскіе люди его нѣмыя страданія. Слава же русскому солдату! Мало того, что онъ русскій храбрый защитникъ Престола и Царя, но и исполнитель воли Божіей. Вотъ отсюда то справедливо наше христолюбивое воинство носитъ это названіе. Да, русскій солдатъ—Христовъ воинъ!! Прокричимъ и мы ему сердечное «ура», закончилъ разскащикъ.

Разсказъ заинтересовалъ насъ, да и разскащикъ не меньше; мы пристали къ нему съ просьбою — потѣшить ужь насъ на послѣдокъ. «Хорошо», согласился добрякъ, «только, давайте, вскипятимъ чайку, а тамъ съ мокрымъ горломъ будетъ поудобнѣе». «Дѣло», согласились мы. Чай скоро былъ готовъ. Отхлѣбнувъ изъ стакана нѣсколько глотковъ, Н. началъ: «Храбрость, неустрашимость, находчивость русскаго солдата, господа, не подлежатъ никакому сомнѣнію и вамъ это, конечно, болѣе чѣмъ кому-либо извѣстно. Но до чего можетъ дойти безшабашная веселость въ минуты даже смертельной опасности, это не каждому извѣстно. Мнѣ, напримѣръ, капитанъ Р. разсказывалъ про одного солдата слѣдующую исторію.

Рота его была въ цѣпи. Шла она быстро, наступая на непріятеля. Произошло столкновеніе и непріятель былъ опрокинутъ. При преслѣдованіи нашъ солдатикъ увлекся, опередилъ товарищей и, очутившись около самаго непріятеля, только тутъ замѣтилъ, что у него не осталось ни одного патрона.

Тогда онъ обернулся и началъ кричать: «Братцы! дайте патрончикъ... гривенникъ дамъ». Отвѣта не послѣдовало. «Братцы! пятіалтынный, двугривенный; эхъ! ну хоть одинъ... полтинникъ! рубль!» Вскорѣ подоспѣли товарищи и подѣлились съ нимъ патронами.

Еще случай. Вы знаете, что барабанщикъ не особенно обремененъ орудіями защиты своей персоны, но иногда и его пустой барабанъ способенъ оказать услугу. Будучи артистомъ въ душѣ, музыкантъ увлекался игрой во всякое время. Такъ было и во время одной атаки. Наклонивъ голову и молодецки отбивая тактъ, шелъ онъ впередъ. Вдругъ ятаганъ блеснулъ надъ его головою, еще моментъ и барабанщикъ лежалъ-бы съ расколотымъ черепомъ, но тутъ онъ во время увидѣлъ опасность и сообразилъ. Инстинктъ самосохраненія далъ какъ-бы толчекъ всѣмъ фибрамъ его ума. Съ быстротой молніи швырнулъ онъ палки въ сторону и, приподнявъ вверхъ по ремню барабанъ, ловко подставилъ его подъ ударъ ятагана. Затѣмъ съ такою же быстротой выхватилъ свою селедку... (по солдатски «тесакъ») и смертельно въ животъ поразилъ басурмана. «Лежи-жъ, проклятый», проворчалъ онъ, «штрументъ только портить умѣешь...»

— Да, товарищи, послѣ нѣкоторой паузы продолжалъ разсканцикъ,—славный, богатый матеріалъ—русскій солдатъ. Чего-чего изъ него нельзя только сдѣлать?—Турецкій офицеръ, во время дѣла опрокинутый нашимъ солдатомъ, проситъ его о помилованіи. Онъ поспѣшно снимаетъ съ себя золотые часы, кольца и все это предлагаетъ за свою жизнь. Что-жъ дѣлаетъ послѣдній? Онъ схватываетъ все въ руку и съ негодованіемъ бросаетъ далеко въ сторону.

Вотъ вамъ черта, достойная глубокаго уваженія и удивленія. Да здравствуетъ-же наше храброе, блистательное и славное Русское воинство! такъ закончилъ разсканцикъ.

Вечеръ порѣшился прочтеніемъ замѣчательнаго по своей курьезности адреса жены Донскаго казака. Послѣ собственно безграматнаго адреса слѣдовала на конвертѣ подпись: «я жена Антона С..... марку не налепила слѣствіи сказано ниже, что

можно послать безъ марки, отъ мужа я получила письмо». Надо полагать, это письмо, какъ и всякое казачье, имѣло слѣдующее начало: «ляти мой листокъ съ западу на востокъ и гадайка тому, кто милъ сердцу моему; а онъ будить читать и будить плакать гаривать...» Далеко за полночь мы шумно разошлись по своимъ канурамъ, ничуть не помышляя о предстоящемъ походѣ. У всѣхъ на умѣ было—скорѣй изъ Зимницъ!

Второй походъ.

25-го іюня. Переходъ чрезъ Дунай.

Въ этотъ день лошади были осѣдланы съ самаго утра, такъ какъ часъ выступленія былъ неизвѣстенъ. Только въ половинѣ втораго грянула музыка и мы двинулись къ Дунаю. Жаръ и, въ особенности пыль, были адскіе. Не прошло и десяти минутъ, какъ раздалась команда: сначала «подтянись», а потомъ и «маршъ-маршъ!» Никогда не забуду я этой бѣшеной, безумной скачки. Какъ мы не переломали другъ у друга реберъ—одному Богу извѣстно! Дѣло въ томъ, что мы подняли такую страшную пыль, что въ двухъ шагахъ не было ничего видно; а тутъ какъ на зло буераки, канавы и на встрѣчу ѣхавшія повозки. Но, догнавъ Великаго Князя, мы перешли въ шагъ. Пыль разсѣялась и пострадавшихъ не оказалось. Самый переходъ оказался маленькимъ и мы скоро разбили бивуакъ на полянѣ въ лѣсу. «Братцы, а обозъ гдѣ?» взмолился я. «Въ Москвѣ», обозлился сожитель, «паровикомъ что-ли везутъ, чай какъ оглашенные скакали». «А ѣсть что будешь?» «А тютина (тутовое дерево) на что; валяй на дерево...» И не раздѣваясь, мы тотчасъ вскарабкались на самую высь. «Раздолье, по крайности хоть чѣмъ-нибудь набьемъ гуттаперчевую мамону», съострилъ товарищъ, уписывая за обѣ щеки съ листьями еще не спѣлую ягоду. «Вотъ это такъ «à la geurre, comme à la geurre!» крикнулъ я, перекарабкиваясь какъ бѣлка на слѣдующій сучекъ. Наѣвшись, мы слѣзли съ дерева и пошли на поиски за съѣстнымъ болѣе питательнаго свойства. Глядимъ—казачки сухари ѣдятъ. Мы... облизнулись. «А что, станич-

ники, запасъ-то у васъ большой?» освѣдомился дипломатъ-товарищъ «Вотъ постойте, в. бл., заразъ пошелъ казакъ: авось лучку раздобудетъ... Да гляньте—ужъ онъ и несетъ; садитесь, в. бл., чѣмъ Богъ послалъ. Обозъ не раньше завтраго придетъ,—милости просимъ». Подсѣли. «А что, в. бл.», началъ издалека казакъ, «вѣдь вотъ тамъ, сказываютъ, овечки ходятъ, кабысь одну штучкью». «Двадцать пять, другъ, за штучкью-то», подмигнулъ товарищъ. «Оно такъ-то такъ, да подводитъ; эхъ!» и казакъ вздохнулъ «вотъ на маневрахъ въ Красномъ не въ примѣръ было лучше, потому и поджиться можно было, да и не грѣхъ». «Какъ не грѣхъ?» полюбопытствовалъ товарищъ. «Да помилуйте, в. бл , коли кто, значитъ, гривенничекъ, али бо̀што и того больше, для куска насущнаго тайкомъ возьметъ, ей Богу, не судятъ, потому грѣшно: съ голоду не помирать!» «А на маневрахъ?» «Тось и на маневрахъ, гоняютъ, гоняютъ, куда-жъ обозу поспѣть? и черезъ-то голодаешь; а тутъ, глядь бездомная курица бродитъ, ну... и приголубишь, потому не я себѣ нутро создавалъ. Вы сами знаете, в. бл., другаго грѣха окромя этого съ роду у насъ неводилось». «Что вѣрно, то вѣрно», ободрилъ оратора товарищъ. «А какъ позапрошедшій годъ на маневрахъ у первый день, что смѣху было, страсть. Кажись помните, в. бл.?» «Нѣтъ, а что?» «Тоже туго пришлось, почитай сутки не ѣли, что дѣлать, а стояли мы въ лѣсу. Глядь, двѣ куры съ улыбкой на насъ идутъ; эхъ ты грѣхъ какой, и котелки есть; а ну, Господи благослови,—дыхнуть, в. бл., не успѣли, какъ товарыщъ заразъ и приголубилъ ихъ. Вдругъ слышимъ крикъ: выбѣжала баба съ махонькимъ паренькомъ. «Мои, говоритъ, тута куры» и указала вѣдьма на попону. «Сторожь, Митька, приказала парнишкѣ, а я до ихъ начальства сбѣгаю». Попались, думаю, да и гляжу на товарища, а онъ что-сь подъ попоной руками швырко (усердно) работаетъ и все будто не нарокомъ, заглядаетъ. Ну, не болѣе какъ чрезъ минутъ пять явился нашъ поручикъ. «Вы, говоритъ, чего безобразничаете». «Никакъ нѣтъ, в. бл., она вопъ говоритъ, что мы куръ ея въ лѣсу поймали, анъ мы купили». «Врешь», говоритъ. «Никакъ нѣтъ,

в. бл., отвѣтилъ товарищъ, баба напраслину говоритъ, потому, коли куры ее, пусть посмотритъ; мы съ мѣстовъ не сходили, парнишка наглядалъ». Хорошо, открыли попону: старая глядѣла, глядѣла и куръ своихъ не признала. «Не мои, говоритъ, обшиблась», такъ и ушла. А онъ что-же сдѣлалъ, в. бл.,—изъ одной куры, покуда старая ходила, бѣлыя перушки повыдергалъ, а у другой черныя; они и стали Богъ вѣсть на какихъ похожи. Умора, в. бл.! Ну въ тѣ-поры хотѣли и старуху на пиръ пригласить, да водки не было, закончилъ разсказщикъ». — «А все-таки не слѣдуетъ брать, братцы, безъ спросу», вразумительно замѣтилъ товарищъ. — «Эхъ, в. бл., да нешто было у насъ, чтобъ мы безъ нужды брали?..» — «Оно такъ-то такъ», тономъ ниже замѣтилъ С., «а все-таки не слѣдуетъ, поняли?»—«Поняли, в. бл.». Я едва удерживался отъ смѣха и, поблагодаривъ казаковъ, поспѣшилъ отвести въ сторону юнаго педагога.—«А ты, картонный шутъ, обратился я къ нему, на маневрахъ чужую картошку не бралъ?»—«Ну, такъ что-жъ, что бралъ; вѣдь я казакамъ это говорилъ для дисциплины; оно, конечно, въ сущности это преступленіе и не преступленіе... я думаю ты тоже меня понялъ». — «Ужь какъ тебя не понять», засмѣявшись, отвѣтилъ я и потащилъ его спать. Подостлавъ соломки и положивъ въ изголовья по сѣдельной подушкѣ, мы легли рядомъ уже съ храпѣвшими товарищами. Поздно ночью всѣхъ насъ разбудилъ страшный необыкновенный шумъ; всѣ вскочили, какъ-бы по мановенію волшебнаго жезла и схватились за оружіе; думали всѣ, что напали черкесы. Однако нашимъ догадкамъ не суждено было сбыться, вмѣсто черкесовъ, мы увидѣли разъяренную конвойную лошадь, мчавшуюся по коновязи съ оторванною дверью. Лечь снова уже не пришлось: стали сѣдлать коней.

26-го іюня. Бивуакъ близъ деревни Акчаиръ.

Выступивъ съ разсвѣтомъ, полкъ направился на дер. Акчаиръ, достигнувъ которой, сталъ сомкнутой колонной въ ожиданіи Государя. Не прошло и десяти минутъ, какъ къ полку подъѣхалъ Государь Императоръ и, поздоровавшись, сообщилъ

радостную вѣсть о томъ, что гвардейская полурота отличилась при взятіи Тырнова. Подъ самый вечеръ у палатки Главнокомандующаго, въ походной церкви, были отслужены молебенъ и панихида, послѣ которыхъ наша музыка съиграла народный гимнъ и нѣсколько маршей; затѣмъ были вызваны пѣсенники, которые сразу начали любимую пѣсню: «Всколыхнулся, взволновался православный тихій Донъ», отъ которой быстро перешли къ веселой. Слова послѣдней до того были комичны, что Великій Князь попросилъ запѣвалу повторить послѣдніе два куплета.

Не хотимъ жить во станицѣ,
Хотимъ ѣхать за границы,
Бѣлый хлѣбецъ поѣдать
И красны вины попивать.

Вашихъ курочекъ, индюшекъ.
Зачастую перведемъ;
Вашихъ дѣвушекъ Маврушекъ
За собою уведемъ...

отчеканивалъ запѣвало.

27-го іюня.

Въ этотъ день мы выступили нѣсколько позднѣе, имѣя во главѣ Главнокомандующаго. Дорога была убійственная и шла съ горы на гору, такъ что приходилось иногда пробираться въ одиночку по мало замѣтнымъ тропинкамъ. Попадающіяся картины были божественныя. Чебуръ—пахучая трава—коврами покрывала роскошную долину. На вершинахъ горъ въ живописномъ безпорядкѣ красовались палатки, и стоящіе на вершинахъ караулы отдавали честь блистающему поѣзду, чуть виднѣвшемуся въ глубинѣ поросшаго скалистаго оврага. Подъ самый вечеръ, мы, наконецъ, добрели до деревеньки, которая буквально была вся раззорена. Такъ: окна и двери въ хатахъ были разбиты и по всѣмъ комнатамъ валялись клочки изодранныхъ одѣялъ и всевозможной вонючей рухляди. Какъ говорили, въ эти одѣяла турки прятали деньги. Отъ нечего дѣ-

лать, мы осторожно разрыли могилу, гдѣ, по сказаніямъ, долженъ быть кладъ, но мы, какъ и слѣдовало ожидать, ничего не нашли. Подъ вечеръ поднялся страшный вѣтеръ, небо заволоклось тучами и дождь хватилъ какъ изъ ведра. На этотъ разъ мы промокли до костей, такъ какъ самый бивуакъ былъ раскинутъ на совершенно открытой мѣстности; но, попривыкнувъ ко всѣмъ невзгодамъ, мы не обратили вниманія на расходившуюся стихію и вскорѣ заснули богатырскимъ сномъ.

28-го іюня. Бивуакъ д. Иваницы.

Обыкновенно при всѣхъ переѣздахъ Великаго Князя конвой Его (лейбъ-гвардіи Казачій полкъ) шелъ въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди коляски Главнокомандующаго на одну или двѣ версты высылался взводъ, который высылалъ отъ себя головные, боковые и тыльные разъѣзды; непосредственно, тотчасъ за коляской, шелъ другой взводъ, тоже съ боковыми разъѣздами. За этимъ взводомъ шелъ уже полкъ, за которымъ на такомъ же разстояніи, какъ и авангардъ, двигался арьергардъ Переходъ въ д. Иваницы, не смотря на то, что былъ самый громадный, прошелъ какъ-то незамѣченнымъ. Въ проходимыхъ пустыхъ, покинутыхъ деревняхъ оказалось множество куръ, за которыми казаки, съ разрѣшенія начальства, учинили не безъуспѣшную охоту.

Въ деревнѣ Ягожкіой всѣ жители вышли на встрѣчу съ образами и искренними сердечными криками: «здравствуй, братушка!» «да живье Царь Николай!». привѣтствовали наше появленіе. Но веселому настроенію не суждено было продолжиться—стали попадаться истерзанные трупы.

29-го іюня.

Все ближе и ближе подходили мы къ только-что взятому городу Тырнову и къ 6 часамъ вечера стали у большой деревни бивуакомъ. Нигдѣ такъ радушно и задушевно тепло не встрѣчали насъ болгары, какъ на только-что пройденномъ пути. Духовенство въ полномъ облаченіи, съ хоругвями и образами, разукрашенными цвѣтами, выходило изъ всѣхъ де-

ревень на встрѣчу. Народъ, разодѣтый по праздничному, высыпалъ на дороги. Жирныя поля, великолѣпные фруктовые сады, огромныя стада овецъ и всякаго рогатаго скота, все это свидѣтельствовало о полномъ благосостояніи братушекъ. Всѣ мужчины были одѣты въ бѣлыя шаровары и бѣлыя рубахи, охватываемыя широчайшими цвѣтными кушаками; на головахъ были фески безъ кистей, а сверху рубашекъ—безрукавки. Одежда же женщинъ нѣсколько напоминала нашъ малороссійскій костюмъ съ тою только разницею, что какъ дѣвушки, такъ и замужнія женщины въ косы лентъ не заплетали и монистовъ не носили. У дѣтей намъ пришлось замѣтить въ ушахъ сережки въ видѣ лягушекъ; это такъ-называемый подарокъ «на зубокъ». Въ хатѣ послѣдней деревни, куда мы забрели поискать съѣстнаго, насъ ожидалъ радушный пріемъ. Добрые хозяева наварили и напекли всего вдоволь и на столъ поставили цѣлый жбанъ мѣстнаго вина, предварительно бросивъ туда «на заводъ денегъ» кусочекъ хлѣба. За столъ мы пригласили хозяевъ и, перекрестясь, начали безъ церемоніи уписывать за обѣ щеки. Стало вечерѣть и, кончивъ обѣдъ, мы поблагодарили хозяевъ и поспѣшили на бивуакъ. Да и было пора—всѣ остальные товарищи давно уже подзакусили и явились къ полку. «Итакъ, завтра побѣдителями въ Тырновъ», обратился я къ товарищу. «Да», промычалъ тотъ, «а спать все-таки не мѣшаетъ»—и тутъ же, завернувшись въ бурку, захрапѣлъ. Однако я не послѣдовалъ соблазнительному примѣру и, передвинувъ одѣяло ближе ко входу палатки, прилегъ и сталъ слушать разговоры сидящихъ у костра казаковъ. «Да, братъ», продолжалъ разсказчикъ, помѣшивая ложкой въ котелкѣ, «далась мнѣ эта дѣвка! сердце выболѣло; ужъ какъ ворчалъ въ тѣ-поры мой старикъ—не приведи Господи; брось, говоритъ, озарникъ; отбился, въ полѣ работа стоитъ. Махнешь бывало рукой, да и пойдешь куда глаза глядятъ». «Да ты бы заговоръ сдѣлалъ», перебилъ разсказчика молодой казакъ, «такая-сь у станицы есть, противъ матушкиной хаты живетъ, избушка махонькая». «Знаю, ужъ знаю, братцы», продолжалъ казакъ, «ходилъ и къ ней—да толку мало; ну

потомъ присовѣтовали на плетню въ праздникъ у ее хаты заговоръ произвесть». «И что-жъ?» «Да то», засмѣялся станичникъ, «что собакъ натравили, насилу объ одной полѣ удралъ». Раздался дружный смѣхъ. «Да вотъ, вы братцы смѣетесь, а тогды-сь мнѣ было не до смѣху—скрутило». «Ну, а дѣвка-то тебя любила?» полюбопытствовалъ кто-то. Казакъ вздохнулъ. «Любить-то любила, да высокородный ихъ тятенька ей воли не давалъ: сиди, говоритъ, да и баста. Ну у полѣ встрѣтишься, наговоришься всласть; а это разъ встрѣтилъ ее въ лабазѣ, да и говорю: а гдѣ отецъ съ матерью?—На ярмаркѣ, говоритъ; я такъ и вскрикнулъ. Слушай, говорю, отведемъ душу—садись ты на свою кобылу, а я у тятеньки стащу, да и поѣдемъ кручину размыкать. Ну хорошо; заразъ—это, взялъ двѣ плети, одну сабѣ, а другую ей далъ. Поѣдемъ, говорю, у конецъ станицы, тамъ парни собрались, проскачимъ скрозь да и благословимъ кого придется;—смотри не плошай. Ну дѣвка была, одно слово, бой—согласилась. Минуты не прошло, а ужъ мы скакали. Только смотримъ—на лужайкѣ человѣкъ двадцат парней, мы на нихъ; а ужъ смерклось. Ну, братцы, да и свиснулъ я кого-то черезъ лобъ; а она-то, краля, и урони чембуръ, ее и схватили. Вижу дѣло дрянь—вернулся. Отпустите, говорю, братцы, потому мы джигитовали.—Ладно, говорятъ, слѣзай, мы на твоихъ зубахъ поджигитуемъ. Что дѣлать?! думаю. Глядь, а въ карманѣ ножъ; заразъ въ руку, жду. Только парень отвернулся, я чикъ чембуръ, да парня; онъ въ бокъ, я—кобылу да и тягу. Ну хорошо, пріѣхали домой, родителевъ нѣту, я и забрался въ курень. Сидимъ сабѣ балакаемъ; только слышу: ры-ры-ры... это половица, я туда, глядь, а передо мной ея батько съ дубиной. Я назадъ, да въ окно—въ чуланъ, гдѣ кобаки лежали. Не успѣлъ это я заховаться, братцы мои, какъ дверь отворилась и появилась сама стара корга. Ахъ ты грѣхъ какой, думаю... исколотятъ. Схватилъ это я кобакъ, да въ нее, она съ ногъ, я черезъ нее, да въ поле—только и видѣли». «Ну, а потомъ что было?», полюбопытствовалъ одинъ.—«На службу черезъ мѣсяцъ въ гвардію пошелъ». «А дѣвка-то какъ?» «Замужъ говорятъ

вышла; ну... теперича отлегло», лѣниво отвѣтилъ казакъ... «Да давайте, повечеряемъ и спать, о завтра кончимъ исторію». Долго я еще вслушивался въ ихъ небезъинтересные разсказы и только въ часъ ночи захрапѣлъ во всю ивановскую.

Г. Тырново.

Выступивъ въ семь часовъ дня, мы не замѣтили, какъ добрались до скалистой глубокой лощины. Внизу текъ неглубокій хрустальный ручеекъ, надъ которымъ на верхнихъ гребняхъ лощины стояли всѣ въ зелени два православныхъ монастыря. Встрѣча, которую приготовили для Великаго Князя, не оффиціально-торжественная, признаться, поразила меня своею неожиданностью. Уже почти у самаго города Его Высочество Главнокомандующій приказалъ нашему хору трубачей ѣхать впереди. У городскаго въѣзда Великаго Князя стали осыпать цвѣтами, вѣтками миртъ и дарили платками, шитыми золотомъ. На скалѣ, внизу которой протекала рѣка Янтра, было замѣтно рядъ головъ мужчинъ и женщинъ, кричавшихъ «да живе Царь Александра, да живе Князь Николай!» и хлопали въ ладоши. Тутъ же по близости скалы встрѣтилъ Великаго Князя архимандритъ собора съ клиромъ. Его Высочество приложился къ кресту и Евангелію, выслушалъ привѣтствіе и передалъ архимандриту образъ Спасителя, который былъ посланъ Москвой болгарскому комитету. Затѣмъ Его Высочество двинулся дальше, уже предшествуемый духовенствомъ; крики: «здравіе» и «да живе» не прекращались ни на одну минуту. Женщины, не обращая вниманія на коней, бросались къ Его Высочеству и осыпали какъ Его, такъ и все шествіе цвѣтами. Недалеко отъ собора дѣвицы Тырновскаго училища привѣтствовали пѣніемъ Великаго Князя. Послѣ молебна съ многолѣтіемъ, отслуженнаго въ соборѣ, Великій Князь проѣхалъ въ отведенный для Него домъ, отличающійся отъ прочихъ развѣ только обширными комнатами и необыкновенной чистотою. Во время того какъ Князь завтракалъ, молодежь расположилась на дворикѣ, вымощенномъ плитами и любовалась оживленіемъ домашнихъ лицъ обоего пола, усердствовавшихъ при угощеніи

Его Высочества. Великій Князь пилъ за здоровье хозяина, толстяка въ шерстяныхъ чулкахъ и хозяйки старушки, которая отъ волненія только махала руками и бормотала, что все плохо подано. Его Высочество сталъ бивуакомъ подъ тѣнью абрикосовъ въ саду, принадлежащемъ бывшему губернатору Тырновскаго санджака. Чрезъ нѣсколько времени пришли городскія дѣвушки, дочери именитыхъ горожанъ, принесли цвѣтовъ, платковъ и пропѣли двѣ пѣсни, сочиненныя какимъ-то болгарскимъ поэтомъ, томящимся въ Цареградской тюрьмѣ. Все это было сдѣлано просто, безъ ложнаго стыда и располагало къ себѣ своею непринужденною наивностью.

Затѣмъ пришли архимандритъ съ представителями временнаго правительства города. Великій Князь выразилъ имъ надежду, что они сдѣлаютъ все, что возможно, чтобы сохранить порядокъ до установленія правильныхъ учрежденій... Но скоро стало темнѣть и въ окнахъ всего Тырнова замелькали огоньки. Пора была отдохнуть, а намъ въ особенности. «Да, братцы, сущій разсадникъ квѣтовъ (цвѣтовъ),» идя на покой говорилъ казакъ, «пріятныя мамзели!» «Не табѣ, чига, эти фрухты ѣсть... запретныя... не равно шею сломятъ,» огрызнулся товарищъ по палаткѣ. «Толкуй, сюргучъ *)...» «Да чаво тамъ, что съ тобой говорить, неучъ». «Ху! да и Тырновъ, разлюбезное дѣло», наслаждался сидѣвшій у палатки казакъ... Да, дѣйствительно, для людей незнакомыхъ съ войной, для людей, всю жизнь проведшихъ въ комфортабельно обставленныхъ палаткахъ, будетъ непонятенъ тотъ восторгъ, который обуялъ всѣхъ насъ. Послѣ большаго похода и тѣхъ поръ, въ которыхъ зачастую укрывались, мы сразу очутились въ комнатѣ съ деревянными полами, окнами и вообразили, что все это только видимъ во снѣ... такъ ужъ труденъ походъ вообще. Громадный садъ, примыкавшій къ дому, служилъ намъ, что называется, для отвода души; тамъ-то, впродолженіи всего нашего житья-бытья въ новомъ городѣ, зачастую собирались пѣ-

*) Казаки верховьевъ Дона называютъ черкасскихъ казаковъ сюргучами, а черкасскіе верхнихъ- чигою.

сенники, музыканты и пиръ шелъ за полночь. Вообще самый городъ мнѣ не понравился: онъ выстроенъ на покатости горы и кажется, что дома одинъ надъ другимъ. Ночью городъ—точно какой-то стоэтажный домъ. Много народныхъ преданій знаютъ старики о Тырновѣ, о его развалинахъ, о древнихъ болгарскихъ царяхъ, между прочимъ, вотъ что они разсказываютъ. Дикая мѣстность Тырнова покрыта была колючимъ терномъ, отсюда и названіе города. Говорятъ, при царѣ Иванѣ греки разбили болгаръ. Войско болгарское разбѣжалось и царь съ семействомъ тоже хотѣлъ бѣжать въ Будинъ-градъ; но недалеко отъ Сербіи его встрѣтилъ болгарскій пастухъ, который и сказалъ ему: «стыдно царямъ бѣгать отъ непріятеля и оставлять дѣтей своихъ безъ помощи—Богъ накажетъ. Я, продолжалъ пастухъ, найду тебѣ мѣстечко, которое терномъ огорожено и тебя оттуда будетъ не достать!» Пастухъ повелъ царя на то мѣсто, гдѣ нынѣ Тырновъ, и тамъ царь Иванъ собралъ войско и спасъ свою родину... Интересно то, что болгары зазывали къ себѣ въ дома безразлично всѣхъ русскихъ и радушно предлагали имъ свой кровъ и угощеніе, какое только могли выставить по своимъ средствамъ. Жилось намъ вообще до поры до времени не дурно. Но пора было и въ дѣло. Въ ночь, накануне передъ дѣломъ, котораго такъ скоро мы и не ждали, въ комнату, какъ бомба, влетѣлъ товарищъ. «Поздравляю тебя, поздравляю васъ, братцы! на завтра первому эскадрону съ частью втораго въ походъ и въ дѣло.» Представьте-же себѣ, какъ дико и странно звучали эти простыя слова. Да оно и понятно: до сихъ поръ мы хотя и дѣлали большіе переходы, случалось голодали и холодали, но, тѣмъ не менѣе, приходя съ Великимъ Княземъ въ городъ или деревню, пользовались и хорошимъ помѣщеніемъ и доброй пищей; мысль же внезапно очутиться подъ пулями почему-то не приходила въ голову; мы положительно забыли, что на войнѣ. Однако нужно было пробудиться и не позже нѣсколькихъ часовъ, ибо въ четыре часа должны были тронуться къ Османъ-Базару. Зарядивъ револьверы и наложивъ въ сумку патроновъ, я осмотрѣлъ шашку, ремни и, сложивъ все это

подъ голову, съ какимъ-то страннымъ чувствомъ легъ поскорѣй спать... Отъ недавняго пира трещала голова...

Рѣшившись въ своихъ запискахъ чистосердечно разсказать все, что пришлось мнѣ видѣть, слышать и перечувствовать, я постараюсь проанализировать свои чувства какъ передъ дѣломъ, такъ и во время самаго дѣла. Говоря чистосердечно, мнѣ всегда казалось страннымъ, а пожалуй и непонятнымъ, то ледяное спокойствіе, съ которымъ всѣ безъ исключенія такъ охотно шли на войну. Казалось, что ни предстоящіе труды переходовъ, ни ужасы кровавыхъ дѣлъ и адской рѣзни, ни увѣчья, плѣнъ, предсмертная агонія, смерть и всевозможныя пытки операціи, ничто не страшило ихъ. Они или врутъ или притворяются, думалось мнѣ. Однако теперь, переиспытавъ все на себѣ, я понялъ то, чего не понималъ. Тряхнемъ для поясненія стариной. Припоминая дѣтство, невольно припоминаешь свои дѣтскія игры въ разбойниковъ. Какъ храбро, бывало, мы дрались съ временнымъ врагомъ, употребляя въ дѣло камни, вмѣсто гранатъ и кулаки, вмѣсто пуль. Для каждаго изъ насъ, въ тѣ счастливыя времена, война мало того, что не казалось страшною, а напротивъ самой веселой въ мірѣ штукой. Но вотъ годы дѣтскихъ игръ проходятъ, настаетъ безцѣнная юность и война мало-по-малу начинаетъ терять свою прелесть. Наконецъ настаетъ торжественный день, торжественная минута облаченія въ первый офицерскій чинъ. Тогда вовсе перестаешь думать о войнѣ, ибо заранѣе знаешь, случись она—пошлютъ непремѣнно.

13-го мая мы двинулись въ путь. Смертельная грусть царила не долго въ сердцахъ: очнулись и смѣло взглянули впередъ. Такъ, въ первый разъ увидя санитарный поѣздъ, смутились. Но все со временемъ прошло и чортъ не казался страшенъ... И теперь при словѣ въ «дѣло!» могучій, радостный крикъ рванулся изъ спертой груди. Только въ моментъ, когда раздалась команда: «на право, шагомъ маршъ», сквозь охватившую радость, какъ бы невольно, воровски, прорвалась грусть. Снявъ шапки, казаки набожно перекрестились и почти съ полчаса въ рядахъ хранилось глубокое молчаніе—о чемъ-то

думали?.. Но... тишина продолжалась не долго. Вдругъ, точно по какому-то удару, слетѣли мрачныя одежды и замѣнились свѣтлыми, сіяющими. Ужъ гдѣ-то начали подъ носъ мурлыкать пѣсни, да запретили—движеніе началось по незнакомой мѣстности.

Передъ нашимъ выступленіемъ Главнокомандующій Его Императорское Высочество Николай Николаевичъ позвалъ къ себѣ полковника Жеребкова, перекрестилъ его и подавая руку, сказалъ: «Съ Богомъ! Дай Богъ безъ потерь воротиться». Нужно сказать, что въ составъ нашего отряда вошелъ взводъ 2-го лейбъ-казачьяго эскадрона, дивизіонеръ, одинъ офицеръ 2-го эскадрона, полковникъ Генеральнаго Штаба и, въ качествѣ проводника-переводчика, знаменитый болгарскій горный вождь Панаіотъ. Цѣль нашего движенія—открыть во всякомъ случаѣ противника и разузнать сколько у него артиллеріи, кавалеріи и пѣхоты подъ Османъ-Базаромъ. Такимъ образомъ дѣйствовать намъ приходилось въ горахъ малоизвѣстныхъ. Каждую минуту мы должны были быть готовы, что насъ легко могутъ отхватить или отрѣзать совсѣмъ. А все-таки нужно было идти впередъ, впередъ и впередъ!

Вся честь блистательно произведенной рекогносцировки, по праву, принадлежитъ одному начальнику отряда, командиру лейбъ-гвардіи Сводно-Казачьяго полка, флигель-адъютанту полковнику Жеребкову.

Такъ какъ намъ пришлось выступить съ 1-мъ баталіономъ Брянскаго полка, обозъ котораго намъ же и пришлось охранять, то я былъ назначенъ со взводомъ въ арріергардъ. Жара въ этотъ день была дѣйствительно нестерпимая. Движеніе медленное: шагъ—остановка, еще шагъ—снова остановка, а солнышко палитъ да палитъ, вызывая огненныя, красныя пятна на незащищенныхъ одеждою мѣстахъ.

Гдѣ то тамъ, съ боку что-ли дороги, боковые разъѣзды поймали совершенно избитаго молодаго турка и привели ко мнѣ. Я приказалъ его тотчасъ обмыть, перевязать и посадить на возъ. Солдаты начали ворчать: «они-то что дѣлаютъ, в. б., съ нашими—просто страсть». Я, конечно, не преминулъ объ-

яснить солдатамъ, что они не правы; тѣ поняли и, желая исправить свою ошибку, одарили его одеждой и подѣлились послѣдними сухарями. Наконецъ мы достигли деревни Кезарева, гдѣ, со всѣми мѣрами предосторожности, расположились на бивуакѣ. Подъ вечеръ было нѣчто въ родѣ генеральнаго совѣта, послѣ котораго, закусивъ чѣмъ Богъ послалъ, залегли въ повалку на матушкѣ сырой землѣ и крѣпко заснули.

О чувствахъ своихъ передъ сномъ умолчу, ибо настало какое-то глупое, тупое равнодушіе.

Подняли насъ часа въ два ночи, а ровно въ три, вмѣстѣ съ двумя сотнями Баклановцевъ, мы тихо двинулись къ горамъ. Пройдя двадцать верстъ, мы достигли д. Кезарево, бо̀льшая половина которой была населена не мирными турками; но такъ какъ наше появленіе было внезапное, то часть бросила оружіе и сдалась, а другая бросилась въ горы. Было ясно, что всѣ ихъ силы находятся здѣсь же, по близости. Оставшіеся здѣсь турки начали угощать насъ кофеемъ, за чашку котораго нѣкоторые платили по золотому. «Это, значитъ, сначала въ морду, а потомъ по головѣ погладить», усмѣхнулся П., «съ фанатиками въ гуманность вздумали играть; подождите, останитесь довольны», однако на воркотню его, впослѣдствіи оказавшуюся не пустой, никто не обратилъ вниманія.

Мало того, когда одинъ армейскій казакъ ударилъ плетью турка за то, что тотъ не хотѣлъ идти къ нашему начальнику, онъ былъ наказанъ за самоуправство. Мнѣ самому приходилось быть свидѣтелемъ самаго гуманнаго обращенія нашихъ съ турками. Что же касается до обращенія нашего съ болгарами, то по справедливости оно можетъ назваться братскимъ и святымъ. Однако съ горечью доводится читать, что за послѣднее время чуть-ли не ежедневно являются на столбцахъ англійскихъ и мадьярскихъ газетъ оффиціальныя донесенія и корреспонденціи съ театра войны, въ которыхъ описываются жестокости, совершенныя будто бы русскими войсками въ Болгаріи. На основаніи массы имѣющихся фактовъ говорю, что это вопіющая неправда. Русскій солдатъ по природѣ добродушенъ и уже одной дисциплины достаточно, чтобы удер-

жать его отъ правонарушеній... Однако я уклонился отъ нити разсказа... Командиръ отряда приказалъ мнѣ остаться здѣсь со своднымъ взводомъ Лейбъ-Казаковъ и Баклановцевъ, отобрать еще имѣющееся оружіе и во все время охранять тылъ главнаго отряда. При этомъ онъ сказалъ: «со мной связи вы имѣть не будете, а въ помощь вамъ сейчасъ пошлю за пѣхотой». Конечно, первымъ моимъ распоряженіемъ было—отправка разъѣздовъ и разстановка пикетовъ. Нужно же мнѣ было убѣдиться гдѣ я нахожусь и есть-ли поблизости противникъ и въ какомъ числѣ. Надо сказать, что гонецъ уже былъ посланъ въ дер. Кезарево, гдѣ въ то время находился Брянскій полкъ, за помощью. Баклановцы, ясно сознавая всю безвыходность нашего положенія, обратились ко мнѣ со слѣдующими словами: «что же, ваше благородіе, умремъ, живые въ руки не дадимся». Я отдалъ строгое приказаніе оружіе не снимать и лошадей не разсѣдлывать и каждому быть при своемъ мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока отъ посланныхъ разъѣздовъ не выяснится, какой противникъ и въ какомъ числѣ находится у подножія горы, поросшей лѣсомъ и отдѣлявшейся отъ деревни рѣкой, въ бродъ проходимой. На эту-то гору и бросилась большая часть вооруженныхъ жителей. Вскорѣ съ этой стороны прибылъ разъѣздъ, который донесъ, что въ деревнѣ, находящейся за горой, отстоящей отъ дер. Кезарева въ пяти верстахъ, собралось до 500 челов. черкесовъ; спустя полчаса, прибылъ другой разъѣздъ, посланный по направленію къ деревнѣ Кадыкіой. Онъ сообщилъ, что въ разстояніи 10 верстъ отъ деревни Кезарева, находятся еще большія силы противника. Куда не кинешь взглядъ—все турки и турки... Положеніе становилось безвыходнымъ, а помощь не шла. Съ замираніемъ смотрѣлъ я,—не идетъ ли родимая на-встрѣчу. Но надежда была напрасная. Потомъ уже я сообразилъ: какимъ бы образомъ могла пѣхота врѣзаться въ горы, не имѣя никакихъ свѣдѣній о томъ, съ какимъ числомъ противника ей пришлось бы имѣть дѣло и, что самое главное, будетъ ли она имѣть, въ случаѣ неудачи, свободный путь отступленія. Дѣйствительно положеніе было убійственное. Тронуться съ мѣста было невозможно (за это

можно было попасть подъ судъ), а помощи ждать неоткуда. Мало того, выславъ разъѣзды и разставивъ пикеты, я остался съ 10 человѣками передъ грудой наваленнаго оружія и передъ толпой собравшихся турокъ. Что стоило кому-нибудь изъ половины бѣжавшихъ жителей сообщить близь стоящимъ черкесамъ и баши-бузукамъ о такомъ ничтожномъ отрядѣ, да тѣмъ еще болѣе, что самая мѣстность способствовала скрытному пробиранію. «Скоро-ли бѣжавшіе вернутся и сдадутъ оружіе?» съ безпокойствомъ спросилъ я у старшины черезъ переводчика. «Скоро», отвѣтилъ тотъ, какъ-то неувѣренно. Понятно, что при такихъ милыхъ обстоятельствахъ нужно было держать револьверъ въ рукѣ, ибо ничего не могло быть легче, какъ массѣ турокъ броситься на оружіе и, расхватавъ его, передушить всѣхъ насъ. Нельзя сказать, чтобы сердце въ эти минуты было спокойно. Музей Гаснера со всевозможными орудіями инквизиціонныхъ пытокъ такъ и прыгалъ предъ глазами. Вотъ это такъ «дѣло», будь оно проклято, первый блинъ да комомъ! Однако нужно было на что нибудь рѣшиться и я... рѣшился; а именно: занять цѣпью плетень и отстрѣливаться до послѣдней минуты; а тамъ, что Богъ дастъ... въ плѣнъ живыми рѣшились не даться. Не желая болѣе терять драгоцѣннаго времени, я тотчасъ приступилъ къ исполненію возложенныхъ обязанностей. Получивъ приказаніе, во избѣжаніе могущихъ произойти безпорядковъ самолично съ казаками выходить деревню, я взялъ 4-хъ и, сопровождаемый болгарами и турками, отправился на осмотръ. Если случалось ловить турка съ оружіемъ въ какомъ-нибудь погребѣ, его онъ бросалъ, проскакивалъ въ другой выходъ, смиренно складывалъ руки и знаками показывалъ, что мирный. Женщины же, закутанныя въ большіе черные платки, испуганно жались и испускали пронзительные крики.

Продолжая осмотръ, я услышалъ крикъ скачущаго по деревнѣ казака: «гдѣ офицеръ?» Выскакиваю изъ какого-то чулана. «Что такое?»—«Я стоялъ на пикетѣ и увидѣлъ, что у подошвы залегъ турокъ съ ружьемъ!» Не ладно, думаю; надо полагать, тамъ не одинъ. Одного поймали.

Измученный нравственно и физически, я возвратился ко взводу и, пересчитавъ оружіе (пятьсотъ патроновъ и пятьдесятъ ружей и пистолетовъ), прилегъ, и... заснулъ.

Но не прошло и получаса, какъ разбудилъ казакъ.

— Что нужно?

— Ваше благородіе! Вотъ конвертъ командиру Брянскаго полка. Завязалось дѣло. За помощью!

— Нѣтъ словеснаго приказанія?

— Приказали армейскому полувзводу сейчасъ же ѣхать туда.

Надо было видѣть въ эту минуту болгаръ, собравшихся около меня: лица у нихъ вытянулись и они съ недоумѣніемъ глядѣли вокругъ. Но когда полувзводъ сѣлъ на коней и поскакалъ, въ одну минуту площадка очистилась. Стало еще лучше, почти никого не осталось. «Капитанъ, братушка», крича подбѣжали ко мнѣ два болгарина, «дай намъ два пушка, мы гадь-пойдемъ баши-бузуковъ ловить». «Хоть чорта съ рогами», разсердился я и, подумавъ немного, далъ имъ и ружей и казака проводника. Дичь, за которою они собрались на охоту, была дѣйствительно заманчивая — два разбойника баши-бузука, наканунѣ нашего налета ограбившіе церковь и зарѣзавшіе шесть человѣкъ болгаръ. Однако они молодецки исполнили данное порученіе и скрученными привели ихъ ко мнѣ.

Но не прошло и полчаса, какъ я увидѣлъ, что посланный взводъ идетъ рысью обратно, а за нимъ и весь отрядъ. Я подскакалъ къ командиру, который приказалъ разобрать оружіе и присоединиться къ отряду. Оказалось, что отрядъ двинулся прямо на дер. Демирджиларъ. Подходя къ ней, начальникъ отряда узналъ, что здѣсь находится непріятель. Но, не довольствуясь этимъ и желая въ точности произвести рекогносцировку, онъ выскочилъ на бугоръ. Пятнадцать минутъ отрядъ находился подъ огнемъ. По первому же выстрѣлу изъ орудія была разсыпана цѣпь.

У непріятеля оказалось: шесть орудій, четыре баталіона, редутъ и человѣкъ пятьдесятъ кавалеріи. Подробно разузнавъ обо всемъ, отрядъ отступилъ, не понеся никакой убыли.

Во время отступленія, проходя деревни, гдѣ угощали насъ кофеемъ, увидѣли, что изъ нихъ начали стрѣлять.

— Нагуманничались, процѣдилъ сквозь зубы довольный П. Чья правда? Ну и вышла сущая кофейная экспедиція!..

Виноватъ, считаю здѣсь умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о рекогносцировкахъ вообще, произведенныхъ въ турецко-русскую кампанію. Мнѣ не для чего перечислять всѣ произведенныя рекогносцировки; достаточно разсмотрѣть одну, но исполненную блистательно и затѣмъ уже трезво взглянуть на пользу, принесенную ею. Для этого возьмемъ, напримѣръ, рекогносцировку только что описанную и посмотримъ, достигнута-ли при ней главная и основная цѣль. Вспоминая, что въ франко-прусскую кампанію нѣмецкой кавалеріи, удалявшейся съ рекогносцировочными цѣлями на двадцать, тридцать и сорокъ верстъ, пѣлись торжественные гимны, согласимся, что нашимъ небольшимъ отрядамъ, удалявшимся въ русско-турецкую кампанію на пятьдесятъ, семьдесятъ, восемьдесятъ и даже сто верстъ, пѣть должны мы гимны вдвойнѣ; да тѣмъ еще болѣе, что наши рекогносцировки требовали нравственной подготовки, такъ какъ гуманные законы войны мало извѣстны небезъизвѣстнымъ черкесамъ и баши-бузукамъ. Большая разница быть взятымъ въ плѣнъ цивилизованнымъ марсомъ и быть напоеннымъ и накормленнымъ, чѣмъ попасть въ плѣнъ баши-бузукамъ, не отличающимся такою гуманностью въ обращеніи. Но какъ бы то ни было, а большая часть рекогносцировокъ, произведенныхъ въ эту кампанію, была исполнена самымъ добросовѣстнымъ и блистательнымъ образомъ, и только что описанная рекогносцировка можетъ быть взята для примѣра. Итакъ, повторимъ: какая-жь въ самомъ дѣлѣ главная и основная цѣль рекогносцировки вообще?

Эта цѣль—разузнать о противникѣ, т. е. гдѣ онъ находится, сколько у него артиллеріи, пѣхоты и кавалеріи съ тѣмъ, чтобы знать сколько нужно взять войска, чтобы одержать побѣду надъ противникомъ... Прекрасно. Но возможно-ли это при нашихъ обыкновенныхъ рекогносцировкахъ? Возможенъ-ли полный успѣхъ? Достигнута-ли вполнѣ прямая цѣль хоть-бы только

что описанной рекогносцировкой? А отрядъ сдѣлалъ все, что могъ, мало того, что было возможно. Онъ наткнулся на противника и, несмотря на открытый огонь, продержался пятнадцать минутъ и подъ огнемъ ясно увидѣлъ: шесть орудій, четыре баталіона, редутъ и человѣкъ пятьдесятъ кавалеріи. Но, несмотря на все это, можемъ-ли мы знать, находятся-ли еще сзади его войска и сколько ихъ, чтобы знать съ какими силами нужно аттаковать противника, чтобы имѣть полный успѣхъ?

Нельзя. Вотъ почему я вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ военныхъ, утверждающихъ, что во сто разъ было-бы лучше и достижимѣе посылать маленькія партіи по два, по три человѣка съ рекогносцировочными цѣлями тайкомъ въ обходъ надѣясь только на темноту ночи и на скрытное движеніе. Такимъ образомъ, если изъ ста разъѣздовъ, посланныхъ съ одною цѣлью, хоть три, положимъ, достигнутъ желаемаго, т. е. подробно разузнаютъ о противникѣ, то они принесутъ гораздо больше пользы, чѣмъ отрядъ въ триста, пятьсотъ и болѣе человѣкъ. Разспросивъ-же ихъ по-одиночкѣ, можно конечно провѣрить, сличить всѣ показанія и все привести къ одному положительному и точному знаменателю. Вотъ для этого-то и нужны: нравственная подготовка и, такъ сказать, боевое воспитаніе, на что и не мѣшало-бы обратить серьезное вниманіе.

Итакъ «кофейная экспедиція» кончилась для насъ самымъ прекраснѣйшимъ образомъ. Какъ трофеи, достались весьма важныя свѣдѣнія, масса оружія и двое знаменитыхъ разбойниковъ баши-бузуковъ. Слава ихъ дѣйствительно была велика; на пути встрѣчающіяся женщины бросались на нихъ какъ разъяренныя львицы и просили позволенія зарѣзать. Но настроеніе нашего духа нисколько не соотвѣтствовало настроенію ретивыхъ болгарокъ. Послѣ дѣла все казалось въ радужномъ превратномъ свѣтѣ... и курица казалась соловьемъ, бурьянъ прекрасными цвѣтами, хижина дворцомъ, враги и личные и общіе казались намъ друзьями... Однимъ словомъ, весь міръ улыбался... Придя на первый бивуакъ, мы подняли ужасный шумъ, — всякій высказывалъ не стѣсняясь свои ощущенія, курьезные эпизодики и массу небезъинтересныхъ вещей. Все

ликовало, и радовалось. Торжественно, съ чувствомъ собственнаго достоинства, что мы ужъ Богъ вѣсть чего только не сдѣлали—земной шаръ перевернули, возвратились въ Тырновъ и были радостно встрѣчены собравшимися товарищами. «Ну, теперь нашъ чередъ», говорили они. А мы?.. мы витали на седьмомъ небѣ — не было никого счастливѣй насъ. «Другъ!» приставалъ ко мнѣ молодой князь Д., «одолжи шашку на счастье, моя размоталась»! И отказать и дать не хотѣлось... Суевѣренъ я, какъ и всякій казакъ, однако, подумавъ, я далъ. На другой день, какъ и ожидали, былъ объявленъ походъ 2-му эскадрону съ частью перваго. «Когда идете?» спросилъ я. «Завтра подъ вечеръ», весело отвѣтилъ товарищъ. «Сусаниными придете», засмѣялся я, «освобождать осажденныхъ идете; въ добрый часъ»! На другой день, горячо обнявшись, мы простились... Я считаю необходимымъ вновь повторить къ дѣлу идущій и близко касающійся меня и товарищей разсказъ, дополнивъ его необходимыми и небезъинтересными подробностями. Главная задача предстоящаго дѣла (изображеннаго на картинѣ ужъ черезъ-чуръ фантастически и неправильно) заключалось въ томъ, чтобы отогнать отъ города Сельви, занятаго одной сотней полка № 30 и двумя взводами Владикавказскаго полка, три тысячи черкесовъ и баши-бузуковъ, упорно осаждавшихъ городъ,—разбить, уничтожить, очистить всю мѣстность до самой Ловчи и постараться войти въ связь съ полковникомъ Тутолминымъ, командующимъ кавказскою бригадой и находящимся на лѣвомъ флангѣ 9-го корпуса, только что взявшаго штурмомъ крѣпость Никополь. Великій Князь командировалъ въ отрядъ къ полковнику Жеребкову двухъ своихъ адъютантовъ—полковника Орлова и штабъ-ротмистра Муханова.

4-го іюля, въ пять часовъ вечера, отрядъ, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника Жеребкова, въ составѣ одного эскадрона л.-гвар. Казачьяго полка, сотни № 23 полка и взвода 6-й Донской конной батареи, тронулся изъ Тырнова по шоссе на Сельви. Было еще довольно жарко, но когда прошли верстъ десять по живописной мѣстности, вечеръ съ

закатомъ солнца сдѣлался дивно хорошъ. Веселый разговоръ офицеровъ и казаковъ, жаждущихъ свято исполнить волю Главнокомандующаго, надежда на скорую встрѣчу съ турками, все это придавало особенную оживленность отряду. Не доходя десяти верстъ до Сельви, около полуночи, отрядъ остановился для отдыха.

Въ восемь часовъ утра, 5-го іюля, отрядъ, въ составѣ 2-го эскадрона л.-гв. Казачьяго полка, двухъ сотенъ Донскихъ № 30 и 23 полковъ при двухъ орудіяхъ, двинулся съ бивуака при пожеланіяхъ товарищей и благословеніяхъ жителей.

Отрядъ слѣдовалъ въ боевомъ порядкѣ, имѣя въ авангардѣ сотню 30 полка, за нею 2-й эскадронъ лейбъ-гвардіи Казачьяго полка и два орудія, а въ арьергардѣ сотню № 23 полка. Разъѣзды слѣдовали по боковымъ кручамъ, имѣя между собою и отрядомъ «глаза», то-есть одиночныхъ людей, идущихъ параллельно отряду во ста саженяхъ отъ него. На случай встрѣчи съ противникомъ, флигель-адъютантъ полковникъ Жеребковъ распредѣлилъ слѣдующимъ образомъ командованіе частями: лѣвымъ флангомъ (сотня № 30 полка) руководилъ полковникъ генеральнаго штаба Паренсовъ, центромъ—адъютантъ Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго полковникъ Орловъ, правымъ флангомъ лейбъ-гвардіи Казачьяго полка полковникъ Мандрыкинъ. Общее же командованіе надъ отрядомъ и веденіе всего дѣла осталось за полковникомъ Жеребковымъ. Обогнувъ гору Акенджпларъ и пройдя турецкое селеніе того же имени, на семи-верстномъ разстояніи отъ Сельви, отрядъ былъ встрѣченъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Турки засѣли въ кустахъ и виноградникахъ, по склонамъ горы и на шоссе. Немедленно былъ выдвинутъ взводъ 6-й Донской батареи, и первый выстрѣлъ изъ орудія разрывною гранатой попалъ въ средину турецкаго расположенія, прицѣлъ былъ поставленъ на пять-сотъ саженъ. Давъ нѣсколько послѣдовательныхъ выстрѣловъ изъ орудій, полковникъ Жеребковъ, не давая опомниться туркамъ, приказалъ быстрою аттакой сбить турокъ съ позиціи. Казаки понеслись въ аттаку. Для достиженія мѣста, занятаго непріятелемъ, первоначально надо было

проскакать саженей сто по шоссе, потомъ повернуть влѣво по узкой дорогѣ, ведущей на гору, занятою баши бузуками и черкесами. Справа по шести неслись казаки по шоссе, по боковой же подъемной горѣ пришлось скакать справа по три, и только по срединѣ горы можно было построиться лавой. Вся террасообразная возвышенность огласилась молодецкимъ «ура! Турки дрогнули, и все, что было застигнуто въ лѣсу, рубилось и кололось; болѣе пятидесяти тѣлъ осталось на мѣстѣ; аттака была до того быстра и смѣла, что турки не могли при отступленіи захватывать тѣлъ своихъ убитыхъ. Первый влетѣлъ и врубился корнетъ князь Дадишкильяни. Блеснула шашка, и страшная окровавленная голова скатилась съ плечъ на землю. Еще моментъ... раздался пронзительный крикъ казака: «сторонись, в. б., цѣлятъ по васъ». Добрый конь, послушный волѣ ѣздока, немного приподнялся и ахнулъ въ сторону. Грянулъ выстрѣлъ и пуля свиснула надъ ухомъ. Что-то блеснуло въ воздухѣ и снова покатилась голова. «Впередъ, братцы, за мной!» восторженно кричалъ юный герой. Ура!... взмахъ... еще, еще и вновь двѣ головы кровью обрызнули землю... Пока лѣвый флангъ рубилъ въ лѣсу, центръ и прикрытіе артиллеріи на рысяхъ шли по шоссе, огибавшему гору, чтобы принять на себя уходившаго непріятеля; отрядъ, подвигаясь впередъ по извилистому до крайности шоссе, взойдя на возвышенность, увидѣлъ въ пяти верстахъ разстоянія быстро удалявшагося непріятеля. Отрядъ собрался, пересчиталъ своихъ; раненыхъ былъ одинъ казакъ въ лѣсу: онъ вонзилъ пику въ турка, но раненый турокъ успѣлъ сдѣлать по немъ выстрѣлъ; пуля попала въ плечо; казакъ доѣхалъ до своихъ, кровь струилась изъ раны, виднѣвшейся изъ подъ разстегнутаго мундира и изорванной рубашки. «Эхъ, братцы, поганый меня ранилъ, да зато же и я его зарубилъ»,—вотъ слова, съ которыми молодчина, сидя на конѣ, обратился къ товарищамъ. Онъ хотѣлъ самъ слѣзть съ лошади, но отъ потери крови ослабъ, и его сняли; тутъ же прискакалъ докторъ и сдѣлалъ перевязку; рана опасная, на вылетъ, съ раздробленіемъ кости. Положили казака на носилки и помѣстили на

повозку. Подъ полковникомъ Паренсовымъ была ранена лошадь выстрѣломъ въ упоръ. Въ слѣдующемъ лѣскѣ разъѣздъ напалъ на слѣдъ нѣсколькихъ отступавшихъ баши-бузуковъ; покончивъ съ ними и взобравшись на возвышенность, съ которой отлично была видна вся окрестность, отрядъ расположился на часовой отдыхъ въ тѣни небольшой дубовой рощи. Всѣ поздравили другъ друга съ первымъ крещеніемъ. Такіе подвиги самоотверженія солдатъ и казаковъ можно видѣть на каждомъ шагу; надо близко знать солдата, знать его молодецкую, по истинѣ рыцарскую натуру, чтобы не удивляться, встрѣчая чуть-ли ни на каждомъ шагу случаи самоотверженій: это дѣлается не изъ разсчета, нѣтъ, тутъ весь русскій солдатъ, вся его чистая, безкорыстная душа. Оживленно провели часъ отдыха, необходимаго лошадямъ, жара была нестерпимая, дѣло было горячее, скакать пришлось въ гору значительное разстояніе при охватѣ непріятеля.

Въ половинѣ втораго, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, отрядъ поднялся съ бивуака, слѣдуя по дорогѣ на Ловчу.

Нѣсколько верстъ прошли безпрепятственно и мы предполагали, что непріятель, послѣ неудавшейся попытки отразить наступленіе, до самой Ловчи не дастъ намъ отпора; въ Ловчѣ же, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ намъ болгарами, находились части низама.

Полковникъ Жеребковъ шелъ во главѣ отряда, полковники Орловъ и Мандрыкинъ ѣхали съ передовыми казаками отъ авангарда, какъ вдругъ, на одномъ изъ изгибовъ шоссе, при выходѣ дороги на болѣе открытое мѣсто, передовые были осыпаны градомъ пуль. Немедленно дано было знать полковнику Жеребкову, который уже летѣлъ на мѣсто и послалъ за артиллеріей. Орудія маршъ-маршемъ понеслись впередъ для занятія позиціи; сняться съ передковъ и дать выстрѣлъ потребовалось меньше времени, чѣмъ писать эти строки. Донцы 6-й батареи, необращая вниманія на пули, направленныя на нихъ, были всецѣло поглощены опредѣленіемъ дистанціи. Позиція, занятая турками, была сильна; дорога шла между двумя лѣсистыми горами, которыя были заняты непріятелемъ, опредѣ-

лить количество турокъ было трудно: линія ихъ огня тянулась на версту. Огонь нашихъ двухъ орудій снова намъ помогъ. Послѣ двухъ первыхъ выстрѣловъ дистанція была опредѣлена, и снаряды начали разрываться въ рядахъ турокъ. Минутъ двадцать продолжался огонь артиллеріи. Нѣсколько лошадей было ранено, одинъ артиллеристъ былъ раненъ въ ухо (оставался до конца боя въ строю); у лейбъ-казаковъ раненъ одинъ опасно въ ногу, ранено и убито нѣсколько лошадей. Считая, что огонь артиллеріи достаточно подготовилъ успѣхъ аттаки, полковникъ Жеребковъ приказалъ казакамъ спѣшиться и цѣпью направилъ ихъ на взятіе возвышенности, находившейся противъ нашего лѣваго фланга; сотня 23-го полка составила правый флангъ, а центръ, съ оставшейся отъ прикрытія артиллеріи полусотней Донцовъ, одновременно двинулся на возвышенность съ фронта; огонь непріятеля участился, но, благодаря Бога, за исключеніемъ нѣсколькихъ лошадей никто не былъ раненъ. Жажда была страшная; на половинѣ горы утомленіе людей было большое. Видя это съ возвышенности, съ которой наблюдалъ, полковникъ Жеребковъ послалъ штабъ-ротмистра Муханова, который и передалъ приказаніе сѣсть на коней и аттаковать. Маршъ-маршемъ полетѣли казаки на турокъ, оставлявшихъ нестройными толпами возвышенность. Отступленіе ихъ было въ разсыпную; а потому, чтобы сберечь силы коней, казаки были удержаны отъ погони за отдѣльными группами. Снова былъ собранъ нашъ маленькій отрядъ и, такъ-сказать, на плечахъ отступающаго непріятеля двинулся впередъ. Не доходя Ловчи, какъ послѣ оказалось, всего двухъ верстъ, глазамъ нашимъ представилась большая гора, покрытая, какъ всѣ предъидущія горы, лѣскомъ и виноградниками; дорога шла въ гору, огибая ее съ правой стороны, и снова отрядъ былъ встѣченъ выстрѣлами, направленными изъ ложемента и окоповъ. Наши орудія открыли свой мѣткій огонь, но лошади и казаки были до крайности утомлены. Съ горячею теплою рѣчью обратился флигель-адъютантъ полковникъ Жеребковъ къ своимъ казакамъ. «Напрягите, братцы, ваши усилія, еще три версты и городъ

вашъ! Спасибо нашего Главнокомандующаго ждетъ васъ. Исполнимъ его приказаніе, прогонимъ турокъ и завладѣемъ городомъ». «Ура!» дружное, восторженное «ура!» отвѣчало ему. Но задача была нелегкая: сбить съ фронта было трудно — ложементъ былъ занятъ ротою низама; звуки сигнальныхъ рожковъ ясно указывали намъ на присутствіе регулярной пѣхоты. 2-й л.-гв. казачій эскадронъ былъ направленъ частью для дѣйствія цѣпью, а половина людей конными въ обходъ праваго фланга непріятельской позиціи, сотня 23-го полка должна была взять непріятеля съ лѣваго его фланга, а центръ, когда лейбъ-казаки сдѣлаютъ обходное движеніе, аттаковать съ фронта. Лѣвому нашему флангу досталась трудная задача: на утомленныхъ лошадяхъ приходилось идти на рысяхъ верстъ пять до подножія горы, а подъемъ на гору затрудненъ виноградниками. Взбираясь на кручу, спѣшенные казаки полѣзли впередъ, зацѣпивъ ногой поводъ лошади и мѣтко стрѣляя изъ своей дорогой берданки. Не доходя саженей 100 до ложемента, казаки, увидя приближеніе коннаго полуэскадрона, вскочили на коней и съ громкимъ «ура» бросились на турокъ, выбивая ихъ изъ окоповъ. Центръ во время поддержалъ и дружнымъ натискомъ опрокинулъ турокъ. Выбитые изъ окоповъ турки быстро отступили; орудія вскочили на высоту и съ этого мѣста открыли убійственный огонь по бѣжавшимъ туркамъ. Разъѣзды преслѣдовали до сумерокъ.

Никогда никто изъ отряда не забудетъ картины, представившейся нашимъ глазамъ, когда мы вскочили на вышку горы. Съ перевала дорога шла съ одной стороны прислоняясь къ стѣнѣ, съ другой имѣла обрывъ и рѣку, у которой расположенъ большой городъ, казавшійся земнымъ раемъ. Спускаясь по крутому шоссе, на полдорогѣ полковникъ Жеребковъ былъ встрѣченъ болгарами, объявившими, что турки, составляющіе семь-десятыхъ населенія, простирающагося до 10 т., оставили городъ, забирая все, что можно взять съ собою; въ турецкомъ населеніи города паника была страшная: отступающій низамъ и бѣгущіе баши-бузуки распространили слухъ, что громадная сила русскихъ двигается на Ловчу. Оставивъ ору-

дія на высотѣ для пораженія отступающихъ и на случай сопротивленія оставшихся въ городѣ турокъ, полковникъ Жеребковъ торжественно, окруженный народомъ, вступилъ на площадь. Духовенство отслужило краткій благодарственный молебенъ съ провозглашеніемъ многолѣтія Императору Александру, всѣ цѣловали крестъ и евангеліе, народъ прикладывался къ нашимъ ногамъ, цѣловалъ руки казакамъ, несли вина, бросали изъ оконъ цвѣты, женщины подносили платки. вышитые по краямъ цвѣтнымъ шелкомъ, прося принять на память какъ знакъ ихъ сочувствія къ нашей усталости.

Восторгъ народа былъ громадный *).

Прислушиваясь послѣ дѣла къ говору казаковъ, я съ сердечною радостію услышалъ отзывъ о другѣ. «Ну, да и нашъ молодчина князь... ей Богу, огонь! Доведись намъ, мы бы его спереди и сзади увѣшали крестами». Вотъ доподлинныя слова казаковъ.

Самъ Императоръ, увидѣвъ его спустя нѣкоторое время. улыбаясь обратился съ слѣдующими словами: «Ну что, рука еще не устала рубить?» «Никакъ нѣтъ, Ваше Императорское Величество», счастливый и веселый отвѣтилъ корнетъ Дадешкильяни. Помяну добрымъ словомъ и нашего стараго товарища боеваго кавказскаго офицера, нынѣ полковника Мандрыкина: молодцемъ и онъ показалъ себя, съ явнымъ равнодушіемъ покуривая подъ огнемъ коротенькую трубочку.

Прошло нѣсколько дней и мы снова зажили прежнею жизнью. Какъ-то разъ ѣздилъ я, по приказанію Великаго Князя, разузнавать о причинѣ раздавшихся не въ далекѣ отъ Тырнова двухъ орудійныхъ выстрѣлахъ. Но тревога оказалась напрасной: выстрѣлы пастуховъ изъ ружей большаго калибра были приняты за орудійные. Однако эта поѣздка стоила мнѣ очень дорого: я сильно простудился и слегъ. Прошла еще недѣля и снова нашъ первый эскадронъ былъ посланъ верстъ за сорокъ отъ Тырнова для держанія связи между двумя от-

---

*) Корреспонденція Тырнова 14-го іюля. Бой подъ Ловчей 8-го іюля (дополненная).

рядами. Мы провели тамъ цѣлую недѣлю, снимая планы и безпощадно дуясь въ засаленныя карты.

Чрезъ три дня я выпросилъ позволеніе у начальника отряда отправиться въ близлежащую деревню, съ цѣлью отобрать еще имѣющееся оружіе. При моемъ внезапномъ появленіи турки въ страхѣ заметались во всѣ стороны. Но я ихъ поспѣшилъ собрать и объявилъ, за чѣмъ пріѣхалъ. Однако они наотрѣзъ сказали, что оружія нѣтъ никакого. Тогда-то я употребилъ сильныя вымогательныя средства: я выстроилъ передъ турками всѣхъ казаковъ и приказалъ на глазахъ последнихъ зарядить ружья. Здѣсь я имѣлъ случай вновь убѣдиться въ молодцоватости и храбрости турокъ: за исключеніемъ только старика, который какъ-то дико застопалъ, всѣ стояли гордо, спокойно глядя на страшныя дула. Сомнѣваться болѣе въ справедливости ихъ словъ было невозможно. Я тотчасъ приказалъ казакамъ разрядить ружья и, подойдя къ туркамъ, ласково проговорилъ: «Добре, добре, турка». Они тотчасъ же развеселились, подружились и натащили всякихъ явствъ. Разстались мы друзьми. Прошло еще нѣсколько дней и мы получили письменное приказаніе: немедленно форсированнымъ маршемъ идти въ деревню по близости Болгарени, для соединенія съ полкомъ.

22-го іюля весь нашъ полкъ былъ уже въ Чаушъ-Махалѣ, куда вскорѣ прибылъ Великій Князь, съ цѣлью осмотрѣть наши позиціи, послѣ несчастнаго перваго Плевненскаго погрома и ободрить войска. 23-го іюля, въ восемь часовъ утра, съ сборнымъ взводомъ отъ 1-го лейбъ-Казачьяго эскадрона и со значкомъ Главнокомандующаго, я выступилъ изъ дер. Чаушъ-Махала на д. Болгарскій—Карагачъ, куда въ этотъ день долженъ былъ прибыть Главнокомандующій. Дорогой я разговорился съ болгариномъ Христи, тѣлохранителемъ Великаго Князя, который сообщилъ мнѣ, между прочимъ, слѣдующее. Недавно изъ деревни Лыжанъ бѣжалъ при вступленіи нашихъ войскъ знаменитый турецкій разбойникъ Кадиръ-Хожа. Еще въ молодости, когда учился въ г. Ловчѣ, онъ влюбился въ одну турчанку изъ очень богатаго и аристократическаго дома

и похитилъ ее. Продержавъ недѣлю, онъ прогналъ ее къ родителямъ. Родные дѣвушки и все турецкое общество не оставили его безъ преслѣдованія. Они просили разрѣшенія у султана послать отрядъ, чтобы поймать разбойника. Это до такой степени раздражило Кадира, что онъ открыто перешелъ на сторону болгаръ и съ этихъ поръ сталъ мстить туркамъ. Поселившись въ лѣсу близъ дер. Лыжанъ, онъ взялъ подъ свое покровительство деревни: Лыжанъ, Болгарени, Махала, Стрижировъ и Казаръ-Бѣлинъ, и объявилъ, что за убитаго болгарина будетъ убивать десять турокъ. Само турецкое правительство боялось его; болгары-же просто боготворили. И дѣйствительно, эти деревни остались нетронутыми, тогда какъ другія деревни были раззоряемы. Съ турками Кадиръ-Хожа поступалъ жестоко: онъ рѣзалъ ихъ, какъ барановъ. Удивляешься, слушая разсказы болгаръ. А они говорили, что Кадиръ-Хожа никогда не обижалъ болгаръ, не трогалъ ихъ имѣній и горой стоялъ за женщинъ.

Когда онъ бѣжалъ, то домъ и все свое состояніе отдалъ болгарамъ; самъ жилъ въ лѣсу, иногда показывался съ шайкой, доходившей до ста человѣкъ. Достаточно сказать: «здѣсь Кадиръ-Хожа», чтобы баши-бузуки и черкесы обращались въ бѣгство. Семь лѣтъ онъ скрывался. Много денегъ было обѣщано за его голову, но онъ какъ кладъ не давался. Турки до того боялись его, что приводили въ лѣсъ безпрекословно всѣхъ, на кого онъ указывалъ, была-ли это мать, сестра или жена. Горе тому, кто позволялъ себѣ ослушаться. Вотъ случай, доказывающій его непонятную храбрость. Жена его дяди бѣжала къ Кадиръ-Хожѣ съ жалобой на мужа; тотъ принялъ ее и сказалъ, что убьетъ за это притѣснителя. Тогда жена, испугавшись, возвратилась домой и сообщила слышанное. Дядя не сробѣлъ и публично объявилъ, что самъ убьетъ Кадиръ-Хожу. Разбойникъ, услыхавъ это, два дня ждалъ своего врага, но когда и послѣ этого онъ не пришелъ, разбойникъ взялъ ружье и отправился къ нему самъ. Здѣсь онъ встрѣтилъ его сына, который сообщилъ, что отца нѣтъ дома. Тогда Кадиръ-Хожа приказалъ сходить за нимъ и сказать, что

Кадиръ-Хожа ждетъ его, что-бы бралъ ружье и шелъ-бы къ нему.

Отправивъ мальчика, разбойникъ началъ бродить вблизи этого мѣста и совершенно неожиданно увидѣлъ своего врага, который шелъ съ ружьемъ и, казалось, не замѣчалъ его. Недолго думая, Кадиръ-Хожа подошелъ къ нему и сказалъ: «Я слышалъ, что ты хотѣлъ убить меня. Посмотримъ, какъ ты стрѣляешь—бей первый». У несчастнаго затряслись руки, онъ схватилъ ружье и выстрѣлилъ; пуля слегка зацѣпила плечо; тогда Кадиръ-Хожа улыбнулся и съ величайшимъ хладнокровіемъ проговорилъ: «Ну нѣтъ, братъ, такъ не стрѣляютъ!» и, схвативъ ружье, вскрикнулъ: «вотъ какъ!» и положилъ его на мѣстѣ. Самъ Кадиръ-Хожа говорилъ: «скорѣе-бы русскіе пришли, я-бы всѣхъ турокъ перерѣзалъ».

Но этого ему не удалось, такъ какъ посланный имъ болгаринъ въ гор. Систовъ съ просьбой о помилованіи запоздалъ и наши войска показались по близости дер. Лыжанъ. Знаменитый разбойникъ бѣжалъ и скрылся въ горахъ.

Имя его надолго сохранится въ памяти всѣхъ болгаръ, знавшихъ его. Добрымъ словомъ и теперь они вспоминаютъ знаменитаго разбойника.

Разговаривая и разспрашивая объ этомъ человѣкѣ, я незамѣтно достигъ назначенной деревни. Около д. Болгарскій-Карагачъ въ это время расположилась на отдыхъ часть войскъ, бывшая подъ Плевной. Подстрекаемый любопытствомъ узнать подробнѣе о дѣлѣ подъ Плевной, я пошелъ сначала въ расположеніе 32-й дивизіи.

Настроеніе солдатъ было замѣчательное: они острили и смѣялись.

— Ну, что, братцы, какъ дѣло-то было? обратился я къ нѣсколькимъ разговаривающимъ между собою.

— Да что, ваше благородіе, оружіе у нихъ ужь очень славное, бьетъ здорово, въ самые резервы такъ и жаритъ.

— А что больше всего обидно, — это обманъ ихъ. Какъ въ какой ни на есть ложементъ заберемся, начнемъ стрѣлять,— заразъ заслышимъ «ура!» какъ есть возлѣ насъ; мы оттуда,

думаемъ, свои подошли, въ штыки сейчасъ, и какъ только вылѣземъ—сейчасъ по насъ залпъ. А это что значитъ? У нихъ есть много такихъ, что по-русски говорятъ, ну и соберутся, да и кричатъ «ура»...... А то еще ругаются по-русски.... это уже совсѣмъ обидно.

Здѣсь отъ офицеровъ я узналъ, что солдаты, идя на штурмъ, на ходу срывали арбузы и ѣли... Да то-ли еще было?!!... Одинъ генералъ, бывшій подъ Плевной, расказывалъ слѣдующее: «На другой день послѣ Плевненскаго дѣла, нѣсколько человѣкъ генераловъ, командиръ корпуса и я сидѣли у одной хатки. Видимъ ѣдетъ солдатъ на ослѣ и сидитъ по дамски; его сопровождаетъ какой-то болгаринъ. Когда онъ подъѣхалъ къ намъ поближе, мы увидѣли, что голова его была очень распухши.

— А гдѣ тутъ наши? обратился онъ къ намъ.

— Какіе ваши?

— Да наши солдаты, значитъ.

— Ты раненъ, что ли?

— А вотъ (и онъ указалъ на щеку) сидятъ двѣ пули, да еще вотъ и въ самомъ бедрѣ еще пуля. Мы его тотчасъ сняли съ осла и посадили на землю. Онъ былъ очень доволенъ и, не обращая за тѣмъ на насъ никакого вниманія, началъ самъ съ собою, набивая трубочку, разсуждать.

— И удивительная вещь! вѣдь пуля вотъ какая маленькая (и онъ указалъ, какая дѣйствительно она маленькая), а на корточки сѣсть не могу—удивленіе!

— А откуда-же ты досталъ осла?

— Да тамъ-же скомандовалъ.

— Какъ скомандовалъ?

— Очень просто. Какъ меня ранили, я упалъ, потомъ всталъ и пошелъ. Смотрю, какая то женщина у самой деревни стоитъ. Сударыня, говорю, вотъ въ какое мѣсто раненъ, пожалуйте осла. Она и разстаралась.

Еще примѣръ терпѣнія. На перевязочномъ пунктѣ послѣ Плевнинскаго дѣла общее вниманіе обратилъ на себя одинъ раненый солдатъ, который, заложивъ руки назадъ, ходилъ

за докторомъ и смотрѣлъ какъ дѣлали перевязку другимъ, терпѣливо выжидая своей очереди. Когда его осмотрѣли, оказалось, что пуля прошла чрезъ языкъ, нижнюю челюсть и выскочила черезъ горло.

Во время разсказа прискакалъ конвойный офицеръ и привезъ войскамъ благодарность отъ Императора. Подъ вечеръ пріѣхалъ самъ Главнокомандующій и объѣхалъ войска. Нужно было видѣть въ эти тяжелыя для насъ минуты Великаго Князя и видѣть Его при объѣздахъ позицій, видѣть Его въ госпиталяхъ, видѣть Его окруженнаго восторженными солдатами и офицерами, слышать Его теплыя задушевныя рѣчи. Въ эти минуты я былъ безотлучно около него, какъ ординарецъ. Обыкновенно, подъѣзжая къ какой нибудь позиціи, Великій Князь громкимъ голосомъ звалъ къ себѣ солдатъ и офицеровъ. «Молодцы, ко мнѣ, ко мнѣ скорѣе!» «Ура»! Нужно было видѣть какъ цѣлыя тучи солдатъ бросались, перегоняя и сбивая другъ друга съ ногъ, и окружали сидящаго на лошади Главнокомандующаго. «Молодцы», такъ обыкновенно начиналъ Великій Князь, «Государь Императоръ поручилъ Мнѣ передать вамъ Его Царское спасибо за вашу вѣрную, молодецкую службу.» «Ура»! «Спасибо вамъ и отъ Меня», продолжалъ Главнокомандующій. «Я надѣюсь, что вы и впередъ будете такими же молодцами и вновь пришедшимъ молодымъ сообщите вашъ геройскій духъ и научите ихъ драться также славно и лихо. Братцы, мы еще расколотимъ врага и этимъ докажемъ, что геройски умѣемъ стоять за славу, Царя и дорогое отечество! Еще разъ душевное Мое спасибо всѣмъ, а за службу жалую по два Георгіевскихъ креста на роту». «Ура!» При обходѣ госпиталей Главнокомандующій точно также сообщалъ духъ воодушевленія и замѣчательно ободрялъ пострадавшихъ. «Здорово, голубчики», входя въ палату говаривалъ Главнокомандующій.—«Здравія желаемъ, Ваше Императорское Высочество!», дружно и громко отвѣчали раненые.

— Эхъ ты милый, ишь какъ хватила, задушевно обращался Главнокомандующій къ какому нибудь раненому.

— Да ничего, Ваше Императорское Высочество, Богъ

дастъ, поправлюсь, тогда снова на турку,—вѣчный отвѣтъ добряка солдата. Не забуду я остроумнаго отвѣта солдатика, котораго пуля хватила въ тотъ моментъ, когда онъ кричалъ «ура». «Проглотилъ?» смѣясь спросилъ Главнокомандующій. «Проглотилъ», также смѣясь отвѣтилъ солдатъ. «Ну что же вкусно?»

— Да, какъ галушка съ масломъ, отрѣзалъ молодецъ.

Осмотръ продолжался до самаго вечера, а на другой день Великій Князь объѣзжалъ войска первой линіи. На ночлегъ мы возвратились въ дер. Болгарени, откуда, по прошествіи нѣсколькихъ дней, тронулись въ достославный Горный-Студень.

Вотъ здѣсь то наша жизнь потянулась крайне однообразно. Мы расположились въ полѣ у самой деревни, недалеко отъ ставки Главнокомандующаго, и на время укрылись отъ непогоды въ крайнихъ избушкахъ, откуда, впрочемъ, насъ скоро выгнали. Но мы нисколько не упали духомъ и, доставъ въ ближайшей рощѣ деревьевъ, построили шалаши. Сюда-же перетащили злосчастнаго маркитанта, и первое время ѣли щи съ дождемъ, но потомъ и ему устроили навѣсъ и зажили припѣваючи... Съ болгарами жили довольно недружно, да и трудно было—здѣсь они были какіе-то грубые и жадные; бывало дощечка понадобится, такъ вѣдь у него валяется, а попробуйте взять, чуть съ ножемъ не погонится; а ужъ какъ драли съ насъ, упаси Боже! Служба наша, какъ конвоя Главнокомандующаго, была пока легкая. Ежедневно назначался къ Великому Князю на сутки, въ качествѣ ординарца, одинъ офицеръ и нѣсколько рядовыхъ казаковъ. Жили первое время, просто не зная что дѣлать отъ скуки. Только изрѣдка наѣзжали въ Систовъ за продуктами или такъ, кое-какъ, коротали скучное время. Погода стояла такъ себѣ, ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга, чрезъ что и день казался еще длиннѣе. Въ картишки пока не играли и весь день лежали на боку. Казаки же расположились въ маленькихъ палаткахъ по всѣмъ правиламъ боевой стоянки, все чинили одежду, да мурлыкали подъ носъ пѣсни.

Только съ пріѣздомъ Государя все какъ будто оживилось. Императоръ занялъ небольшой домикъ въ двѣ комнаты, изъ которыхъ одна изображала Его кабинетъ, а другая спальню. Обыкновенно Государь вставалъ около восьми часовъ утра и затѣмъ пилъ кофе. Какъ бы ни былъ Онъ утомленъ наканунѣ, какія бы заботы и дѣла не изнуряли Его, Онъ не мѣнялъ этого часа. Если же случалось, что докторъ замѣчалъ, что Онъ почивалъ мало, то Государь говорилъ: «Я не могу вставать позже, потому что не успѣю иначе сдѣлать всего». Послѣ кофе Государь прогуливался, потомъ садился за чтеніе полученныхъ телеграммъ, журналовъ, слѣдилъ за военными дѣйствіями и изучалъ ихъ. За телеграммами Государь слѣдилъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ, ибо каждое извѣстіе принималъ близко къ сердцу. Если же телеграммы получались ночью, то Его немедленно будили; такъ, во время боя на Шипкѣ, Государя приходилось будить нѣсколько разъ въ ночь.

Въ 12 часовъ былъ завтракъ, къ которому собиралась вся свита; накрывался завтракъ въ большомъ шатрѣ, и Государь садился въ срединѣ стола Обыкновенно Онъ много говорилъ и всегда былъ любезенъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда что нибудь особенно заботило или печалило Его. Послѣ завтрака Онъ садился работать и работалъ нѣсколько часовъ сряду, разсматривалъ бумаги и доклады, присылаемые изъ Петербурга, все внимательно прочитывалъ, дѣлалъ на поляхъ замѣчанія и полагалъ резолюціи. Въ то-же время Онъ принималъ доклады министровъ и другихъ лицъ, имѣющихъ у Него доклады. Въ день отправленія курьеровъ въ Петербургъ онъ приготовлялъ почту и въ это время былъ наиболѣе занятъ. Ничто не измѣняло этого порядка. Были такіе жаркіе дни, что термометръ стоялъ въ тѣни на 32 градуса. Государь обливался потомъ, но продолжалъ работать, не смотря на изнуряющій жаръ, разслаблявшій тѣло и заставлявшій многихъ жаловаться на духоту. Никто никогда не слышалъ изъ устъ Государя жалобы ни на жаръ, ни на утомленіе, ни на другія неудобства лагерной жизни. За завтракомъ Государь прочитывалъ свитѣ телеграммы; иногда теле-

грамма получалась раньше или позже, и Государь призывалъ кого нибудь изъ свиты и прочитывалъ извѣстіе непремѣнно самъ. Передъ обѣдомъ, отъ четырехъ до пяти часовъ, Государь отдыхалъ и затѣмъ дѣлалъ прогулку въ коляскѣ въ лагерь и лазаретъ, расположенный въ нѣсколькихъ палаткахъ. Это была его ежедневная прогулка. Трудно представить себѣ сколько теплоты и нѣжности обнаруживалъ Государь при посѣщеніи раненыхъ. Это былъ не Императоръ обширной имперіи, являвшійся во всемъ своемъ блескѣ, а человѣкъ глубоко чувствовавшій страданія этихъ бойцевъ, искавшій въ своемъ сердцѣ всѣхъ средствъ, которыя могли бы облегчить эти страданія. Здѣсь Царское величіе являлось въ царственной простотѣ, въ глубокомъ добродушіи, въ сердечномъ чувствѣ, въ этомъ дрожащемъ отъ слезъ голосѣ, которымъ Государь, растроганный до глубины души, говорилъ иногда, и слезы текли изъ его глазъ и онъ напрасно старался скрыть ихъ. Никогда обращеніе Царя и народа не являлось столь близкимъ, столь теплымъ и задушевнымъ, какъ здѣсь. Цѣлыя легенды создастъ эта война, и имя Государя еще глубже проникнетъ въ народную душу и никогда не изгладится изъ народной памяти. 21-го августа Государь прибылъ въ лазаретъ съ цѣлымъ ворохомъ подарковъ для раненыхъ. Тутъ были ситцевыя, полотнянныя и ксандрицкія рубашки, кисеты для табаку, портъмоне, ножи, книги, гармоники и проч. Все это несли за Государемъ сестры милосердія. Онъ заранѣе зналъ тѣхъ, которые умѣли играть на гармоникѣ, и спрашивалъ раненыхъ, курятъ ли они, или нѣтъ, грамотные, или нѣтъ. Подарки распредѣлялись сообразно этому. «Императрица прислала вамъ гостинцевъ», говорилъ Государь, входя въ палату, и раздавалъ по два, по три подарка каждому, причемъ справлялся о здоровьи, о ходѣ раны, о дѣлѣ, въ которомъ получена рана. Раненые цѣловали у Государя руку, принимая подарки, и онъ ласково говорилъ съ ними, ласкалъ рукою по лицу, какъ ласкаютъ любимыхъ дѣтей. Раненые отвѣчали на вопросы Государя совсѣмъ не стѣсняясь, очевидно они привыкли къ этому

сердечному обхожденію съ ними Государя и чувствовали всю его искренность, всю теплоту душевную.

Иногда при этомъ разыгрывались до того комичныя сцены, что Императоръ не могъ удержаться отъ смѣха. Войдя, кажется, въ седьмую палату и держа двѣ книги въ рукѣ, Государь ласково обратился къ солдатамъ: «а кто здѣсь грамотный?» Тотчасъ же отозвались два солдатика, которымъ Государь и передалъ книги духовнаго содержанія. Остальнымъ Государь сталъ раздавать различныя вещи. Когда же солдаты начали разбирать кисеты, вынимая то одну, то другую вещичку, у солдатика, получившаго книгу, лицо вдругъ сдѣлалось такимъ печальнымъ, что когда Императоръ подошелъ къ нему и спросилъ: «а ты уже получилъ?» Онъ, чуть не плача, произнесъ: «да, книгу получилъ, Ваше Императорское Величество!» Ну до того его физіономія была комично-печальна, что Государь разразился смѣхомъ. «Вижу, вижу, братъ, тебѣ хочется кисетъ получить... ну вотъ тебѣ; возьми,» Когда же Государь вышелъ изъ палатки, то другой солдатъ, получившій книгу, чуть не заплакалъ.

— Братцы, ну что я буду съ этой книгой дѣлать и за чѣмъ я Царю батюшкѣ сказалъ, что я грамотей?

Въ это время Государь Императоръ стоялъ около музыки, окруженный сестрами и ранеными.

— А гдѣ тотъ, спросилъ Государь, что на гармоникѣ хорошо играетъ? Кликнули. Вышелъ солдатъ съ перевязанной лѣвой рукой и, ставъ передъ Государемъ, лихо отхватилъ комаринскаго. Государь прослушалъ до конца, улыбнулся и, обратившись къ музыкантамъ, весело сказалъ: «ну, теперь вы съиграйте».—Помню я несчастнаго страдальца, у котораго обѣ ноги были отрѣзаны; обыкновенно при перевязкахъ онъ ужасно мучился и крикъ его слышенъ былъ во всѣхъ палатахъ; но съ того момента, какъ Государь подарилъ ему гармонику, онъ пересталъ стонать и вмѣсто того съ утра до поздняго вечера разыгрывалъ на гармоникѣ. Вотъ какъ чудотворно вліяло ласковое слово Государя на нашего добраго солдата.

Государь обошелъ нѣсколько палатъ, и каждый раненый получилъ подарокъ. Офицерамъ онъ раздавалъ, между прочимъ, свои фотографическіе портреты, нѣкоторымъ раненымъ солдатамъ и офицерамъ Георгіевскіе кресты. Осмотрѣвъ комнаты, отведенныя для сестеръ милосердія, которыя только наканунѣ прибыли, Государь вошелъ на площадку, гдѣ стояли его коляска и хоръ музыкантовъ. Раненые высыпали наружу, кто въ шинели въ накидку, кто просто въ лазаретной рубашкѣ, кто въ шапкѣ, кто безъ шапки.

Въ это время пріѣхалъ ординарецъ Великаго Князя и подалъ Государю депешу. Онъ быстро ее развернулъ и началъ читать. Прочелъ разъ, прочелъ другой, потомъ сталъ складывать, потомъ опять развернулъ и опять прочелъ. Подозвавъ къ себѣ князя Суворова, Государь съ улыбкой сообщилъ ему содержаніе депеши, сѣлъ въ коляску, простился съ ранеными и уѣхалъ въ лагерь. Музыканты заиграли народный гимнъ. Всѣ сняли шапки.

Обѣдалъ Государь въ семь часовъ, въ томъ же шатрѣ, гдѣ подавался завтракъ. Великій Князь Главнокомандующій пріѣзжалъ обыкновенно разъ или два въ день, прямо къ завтраку или обѣду, иногда вечеромъ къ чаю, который подавался въ половинѣ десятаго. Въ это время читались выписки изъ иностранныхъ и русскихъ газетъ, присланныя министромъ иностранныхъ дѣлъ—изъ иностранныхъ газетъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ—изъ русскихъ. Чтеніе продолжалось часъ; выписки составлялись, сколько я слышалъ, очень разнообразно, полно представляя положеніе дѣлъ и отзывы газетъ о текущихъ событіяхъ въ Россіи и заграницей. Государь внимательно слушалъ, дѣлалъ замѣчанія, обращался къ кому-нибудь съ вопросомъ: «Такъ ли это?» Обладая замѣчательною памятью, Государь иногда поражалъ присутствовавшихъ знаніемъ мельчайшихъ историческихъ фактовъ и необыкновенно мѣткими сужденіями о военныхъ и политическихъ событіяхъ. Кто бы ни пріѣхалъ въ это время, чтеніе не прекращалось. Около одиннадцати часовъ расходились и Государь уходилъ къ себѣ и работалъ еще до часу...

Въ одинъ изъ прекрасныхъ дней, передъ домомъ Государя Императора собрались всѣ деревенскія дѣвушки. Онѣ устроили нѣчто вродѣ хоровода, и безъ всякаго стѣсненія танцовали и пѣли предъ Государемъ, за что и получили въ подарокъ по золотому. Кажется въ этотъ же день Государь сдѣлалъ пожертвованіе и въ Горно-Студенскую церковь. Болгары были счастливы и ликовали *).

15-го августа подъ Плевной было тихо. 19-го же турки изъ Плевны аттаковали нашу позицію у Пелишата и Сгалевицы.

Въ этотъ день мы были въ тревожномъ состояніи; однако извѣстіе, что наши перешли въ наступленіе и окончательно отбросили турокъ, вполнѣ успокоило насъ. 25-го августа, съ наступленіемъ темноты, наши войска западнаго отряда придвинулись къ Плевнѣ, устроили ночью батареи на высотахъ окружающихъ турецкія укрѣпленія; турки этого не замѣтили и въ шесть часовъ утра на другой день наши осадныя батареи открыли огонь, предварительно сдѣлавъ залпъ. Началась канонада, продолжавшаяся цѣлый день. На другой день мы узнали, что наши батареи придвинулись ближе къ Плевнѣ, и что Гривицы уже заняты. Въ простотѣ душевной я полагалъ, что скоро и Плевна будетъ наша и въ первое же свое посѣщеніе раненыхъ сообщилъ имъ свои курьезныя догадки. Славно онѣ оправдались!?! 30-го августа всѣ въ главной квартирѣ были напряжены: съ разсвѣтомъ наши войска пошли на штурмъ и ровно въ три часа были взяты Скобелевымъ три редута на южномъ фронтѣ и генераломъ Родіоновымъ большой Гривицкій редутъ.

Въ этотъ страшный день, страшный потому, что наши потери одними ранеными были громадны (болѣе пяти тысячъ человѣкъ), Государь Императоръ и Великій Князь стояли на горѣ за такъ называемой «долиной смерти» и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за ходомъ дѣла. Всѣ мы ждали полнаго,

---

*) Нѣсколько измѣненная и дополненная корреспонденція «Русскаго Міра».

блистательнаго успѣха, всѣ мы думали, что порадуемъ Высокаго тезоименитаго гостя. Не сбылись только наши теплыя, сердечныя желанія!!!

Въ этотъ же день мнѣ довелось совершенно негаданно окреститься страшнымъ огнемъ. Не думалъ я и не гадалъ попасть въ дѣло экспромтомъ.

За курганомъ, на которомъ наблюдали Государь Императоръ и Великій Князь, въ нѣсколькихъ шагахъ стоялъ конвой Главнокомандующаго—Лейбъ-казаки.

Ровно въ два часа 1-й дивизіонъ получилъ приказаніе отъ самого Главнокомандующаго выставить впереди цѣпь. При этомъ первый эскадронъ, выдвинувшись приблизительно на версту впередъ, разставилъ посты, а 2-й составилъ резервъ. Начальникомъ дивизіона былъ храбрый полковникъ Мандрыкинъ.

Не прошло и получаса, какъ мы получили приказаніе отъ командира полка еще подвинуться впередъ, однако такъ, чтобы не очутиться въ сферѣ огня.

— Какъ-же это такъ! развелъ руками полковникъ. И впередъ—и внѣ огня!.. да это невозможно, мы на рубежѣ.

— Г. поручикъ! спросилъ онъ снова присланнаго офицера,—повторите приказаніе. Тотъ повторилъ. Тогда полковникъ, немедля ни минуты, двинулся впередъ всей цѣпью и сталъ въ «долинѣ смерти», шагахъ въ ста отъ румынскихъ батарей. «Теперь ладно», засмѣялся онъ, и какъ-бы въ отвѣтъ, передъ цѣпью шлепнулась граната. Ровно въ три часа сзади насъ быстро стали подходить пѣхота и артиллерія. Вотъ она поровнялась съ нашею цѣпью и бѣгомъ устремилась впередъ. Съ обѣихъ сторонъ поднялась ужасная, страшная канонада. Въ это мгновеніе къ цѣпи подлетѣлъ какъ вихрь полковникъ Мандрыкинъ. Его я не узналъ. Шапка была передвинута козырькомъ назадъ, лицо сіяло и въ рукахъ былъ бѣлый платокъ.

— Братцы, голубчики! крикнулъ онъ какимъ-то необыкновеннымъ голосомъ, сегодня день торжественный, порадуемъ и мы Императора и хоть лепту принесемъ на благо общаго святаго дѣла.

— Поручикъ!!! обратился онъ ко мнѣ, соберите цѣпь. Я крикнулъ, и человѣкъ двадцать казаковъ сгруппировались около насъ. «Съ мѣста маршъ-маршъ!» Въ это мгновеніе, шагахъ въ сорока, взлетѣлъ зарядный ящикъ и шальная граната хватила подъ лошадь лихого командира. Никогда не забуду я выраженія его лица. Онъ какъ-то славно улыбнулся, повернулся къ намъ и громко крикнулъ: «Не бойсь, братцы... Господь пощадитъ меня», и дѣйствительно, граната заглохла. Чистосердечно признаюсь, что въ первый моментъ, какъ только бросились впередъ, какъ-бы пронизавъ пѣхоту, я положительно ошалѣлъ — точно растопленнымъ желѣзомъ полыхнули мнѣ прямо въ лицо. О! чудный, божественный и страшный мигъ — не забуду тебя! Почти вслѣдъ затѣмъ, я ни съ того ни съ сего, зарычалъ какъ животное и страшно и радостно застучало сердце въ груди. Я бы зубами готовъ былъ вцѣпиться хоть въ горло турка, лишь-бы скорѣй, скорѣй добраться до него. А что онъ мнѣ сдѣлалъ, я и самъ не зналъ. Ненавистенъ онъ былъ, да и только. «Братцы! милые! впередъ! ура!!» кричалъ я точно въ бреду. А со всѣхъ сторонъ ревѣли орудія, пули визжали, матушка земля вздрагивала, слышались стоны, крики... адъ! кромѣшный адъ со всѣхъ сторонъ!! Мы проскочили деревню Гривицы и разсыпной аттакой бросились впередъ, какъ-бы нахально вызывая огонь. Мы мечтали о вынесенной за валъ батареѣ, мы мечтали взять ее съ боя. Но вотъ турки понизили орудія и хватили въ насъ шрапнелями и картечными гранатами.

— Братцы, голубчики, крикнулъ командиръ... не тронетъ насъ... впередъ... съ нами Богъ!

Смѣясь и съ сжатымъ сердцемъ летѣли впередъ! Тр-р-р-а-хъ!!! Залпомъ встрѣтила насъ выскочившая пѣхота, а за ней показалась и кавалерія.

— Стой, крикнулъ Мандрыкинъ... прикройся! Мы бросились въ боковыя къ счастію подвернувшіяся канавы и наклонились, только онъ одинъ спокойный, веселый, остался на мѣстѣ.

— Эхъ!! мало насъ, чуть не заплакалъ полковникъ, ун-

теръ-офицеръ! кто есть! скачи за нашими, скажи, что ждемъ,— скорѣй, скорѣй. Поручикъ, ко мнѣ! давайте покуримъ... Я бросилъ прикрытіе и подъѣхалъ къ нему.—Есть табакъ? спросилъ онъ.

— Есть. Сейчасъ скручу, и началъ дѣлать папиросу... раза два поклонился. «Ничего, попривыкнешь», ласково сказалъ старый кавказецъ.

Здѣсь мы простояли минутъ съ десять и дождались посланныхъ унтеръ-офицеровъ. Отвѣтъ былъ неутѣшительный, ибо остальныхъ они не нашли. Въ это-же самое время справа загремѣла перестрѣлка, и наша пѣхотная цѣпь поравнялась съ нами. Ждать болѣе не приходилось и мы, подъ огнемъ непріятеля, стали отступать рысью. Послѣднимъ ѣхалъ полковникъ и два раза слѣзалъ съ лошади и подымалъ оброненную казакомъ шинель.

Раненыхъ по пути было очень мало, и въ нѣсколькихъ мѣстахъ деревня пылала; какъ разъ посрединѣ ея среди пламени, въ разнесенномъ дворѣ стояла болгарка съ распущенными волосами и испускала какіе-то страшные крики. Чуть-чуть подальше, съ искаженнымъ лицомъ, опершись о заборъ, стоялъ раненый солдатъ, возлѣ котораго валялись — убитая лошадь, остатки взорваннаго ящика и осколки гранатъ. Вотъ здѣсь-то подъ выстрѣлами я побратался съ лихимъ командиромъ и выпилъ съ нимъ воды на брудершафтъ изъ глиняннаго кувшина. Побродивъ минутъ пять, мы наткнулись на своихъ, которые до этого времени съ обнаженными шашками оберегали румынскую батарею, выжидая случая броситься въ аттаку. Снова соединившись, мы цѣлымъ эскадрономъ двинулись впередъ и залегли не далеко отъ своей цѣпи, въ лощинѣ. Пули летали черезъ головы и не причиняли вреда. Между тѣмъ, Государю, стоящему на курганѣ, было послано извѣстіе отъ начальника пѣхоты, что появилась сотня казаковъ, которая произвела аттаку.

— Какіе казаки? спросилъ Государь.

— Лейбъ-казаки, отвѣтилъ посланный.

— Не утерпѣли, подъ пули пошли, замѣтилъ командиру полка Великій Князь.

Я позабылъ упомянуть о томъ, что когда мы соединились съ остальной частью эскадрона, то полковникъ Мандрыкинъ послалъ меня къ командиру полка просить позволенія въ счастливомъ случаѣ броситься въ аттаку. Однако разрѣшенія не послѣдовало.

Много безспорно храбрыхъ личностей породила турецко-русская война. Много ихъ улеглось на полѣ честной брани. Много именъ осталось для насъ неизвѣстными. Неизвѣстность эта обидна.

Извѣстно такъ-же всѣмъ и каждому, что быть лично храбрымъ большая заслуга; но брать на себя отвѣтственную иниціативу въ дѣлахъ успѣха военныхъ дѣлъ—задача не легкая, да и не всякій способенъ достигнуть ее, ежели не обладаетъ извѣстною долею нужныхъ для того качествъ.

Сотникъ Галдинъ, какъ неимѣющій еще чина, дающаго право на самостоятельное командованіе отдѣльною частью, не могъ вначалѣ своей боевой дѣятельности выказать во всемъ блескѣ тѣ способности, которыя разомъ поставили его на степень героя. Нужно было прежде добиться права на эту самостоятельность; онъ и добился ее. И добился не тѣмъ путемъ, какъ добиваются бездарныя личности, а исключительнымъ способомъ—это проявленіемъ на каждомъ шагу самой отчаянной храбрости, находчивостью, умѣньемъ въ самыхъ критическихъ положеніяхъ пользоваться обстоятельствами и даже самыя неблагопріятныя изъ нихъ обращать въ свою пользу...

Одною изъ его замѣчательнѣйшихъ способностей была увѣренность въ себѣ, въ своихъ дарованіяхъ, въ успѣхѣ предпринимаемаго дѣла, какъ-бы не казалось оно на видъ невозможнымъ, умѣнье заразить этой увѣренностью и своихъ подчиненныхъ боевыхъ товарищей — все это-то и дѣлало его такимъ всемогущимъ, неотразимымъ и сильнымъ.

Вотъ доказательства вышесказаннаго... 30-го іюня, по приказанію своего командира, уже успѣвшаго оцѣнить боевыя качества этого офицера, Галдинъ съ сотнею казаковъ двинулся по направленію къ Балканамъ и затѣмъ, переночевавъ въ м. Травно, на другой же день выступилъ къ возвышенности Бе-

декъ, куда и добрался послѣ пятичасоваго перехода. Возвышенность эта представляетъ гору до половины покрытую сплошнымъ лѣсомъ.

Только одна вершина представляетъ, ничѣмъ кромѣ травы не покрытую, выпуклость, за которою и расположились турки лагеремъ, выставивъ пикеты почти на самой вершинѣ.

Силы турокъ, сравнительно съ горстію отряда Галдина, были громадны — одной пѣхоты было до двухъ тысячъ человѣкъ. Численность-же черкесовъ и баши-бузуковъ была неизвѣстна.

Прежде, чѣмъ схватиться съ врагомъ, Галдину нужно было побѣдить другаго, болѣе сильнаго врага—природу, которая поставила ему бездну препятствій: лѣсъ, покрывающій гору, былъ до того сплоченъ, до того густъ, что нужно было пробираться шагъ за шагомъ, побѣждая преграды, представляемыя густо переплетенными вѣтвями и лежащими поперегъ пути цѣлыми деревьями, которыя приходилось или обходить, или вырубать шашками.

Кромѣ того, почва была покрыта жесткой и скользкой травой, ослизлой отъ росы. Нога скользила по ней и не было никакой возможности держаться на ней иначе, какъ ухватившись за сучья и вѣтви деревъ, которыя хлестали въ лицо и рвали не только платье, но царапали руки и ноги до крови. Но ничто не остановило молодца, ободряющій голосъ котораго оживлялъ казаковъ...

«Впередъ, братцы, дружно, выгонимъ эту орду!»

Увѣренность начальника сообщилась подчиненнымъ и спустя не много отрядъ миновалъ лѣсъ и очутился въ виду скрытаго непріятеля, до котораго оставалось не болѣе трехъ сотъ шаговъ.

Здѣсь дорога сдѣлалась еще труднѣе: держаться было незачто, приходилось ползти на четвереҥькахъ, хватаясь за траву и вонзая руки въ разрыхленную землю. Выставленные непріятелемъ пикеты, замѣтивъ приближающихся враговъ, до того были поражены неожиданностью ихъ появленія, что, бросивъ ружья отъ паническаго страха, оставили посты и бро-

сились съ горы къ лагерю. Нѣсколько выстрѣловъ, послѣдовавшихъ съ нашей стороны, поразили двухъ бѣглецовъ. Пользуясь минутнымъ смятеніемъ, Галдинъ быстро бросился на вершину, на которой показались уже стройныя колонны аттакующаго непріятеля. Отступать правильно по такой мѣстности было невозможно, а идти впередъ было безумно—это значило идти на вѣрную смерть. Въ это время на возвышенности, между стоящими отрядами, показался табунъ лошадей. Тогда Галдинъ, не желая упустить добычу, съ двумя казаками бросился къ лошадямъ, которыя, повернувъ, бросились на своихъ; но лихой сотникъ съ быстротой молніи обогналъ ихъ и погналъ въ свою сторону. По смѣльчакамъ было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ, но безуспѣшно; Галдинъ только на ходу повернулся къ непріятелю и погрозилъ кулакомъ. Послѣдовала страшная ружейная канонада со стороны взбѣшеннаго врага, но и она не принесла урона. Вслѣдъ затѣмъ, со стороны турокъ раздался сигналъ наступленія, на который сотникъ Галдинъ отвѣтилъ своимъ сигналомъ наступленія. Насталъ дѣйствительно страшный моментъ! При каждомъ шагѣ противника Галдинъ дѣлалъ залпъ, и непріятель какъ-бы невольно останавливался. Продержавшись такимъ образомъ довольно долгое время, Галдинъ снова приказалъ протрубить сигналъ наступленія и подъ прикрытіемъ трехъ казаковъ, невидимо для непріятеля, сталъ быстро отступать.

Догадавшійся непріятель, видя себя одураченнымъ, открылъ пальбу залпами, но наши были уже внѣ выстрѣла. На другой день, Галдинъ въ виду непріятеля объѣзжалъ такъ лихо захваченныхъ коней.

Врагъ бѣсился и ничего не могъ подѣлать. Но вотъ въ турецкомъ лагерѣ, какъ донесли казаки, оставленные на опушкѣ, стало замѣтно какое-то дѣятельное движеніе. Турки стали окапываться. Предполагая, что они хотятъ втащить орудія въ ложементы, Галдинъ двинулся обходнымъ движеніемъ по ту сторону, оставивъ часть сотни для присмотра за отбитымъ табуномъ. Какъ и въ первый разъ, движеніе по лѣсу было сопряжено съ большими затрудненіями. Но убѣдившись,

что у непріятеля нѣтъ артиллеріи, Галдинъ, перекрестившись, быстро развернулъ фронтъ, пошелъ чрезъ лагерь врага, не ожидавшаго его съ противоположной стороны, желая тѣмъ сократить себѣ путь. Врагъ до того растерялся, что, не сдѣлавъ и выстрѣла, пропустилъ храбрецовъ.

На третій день отъ командира полка, полковника Орлова, пришло предписаніе немедленно увѣдомить его о случившемся, а также прислать свѣдѣніе о численности непріятеля, о возможности обхода и дорогахъ. На все это Галдинъ, какъ истинный герой, отвѣтилъ:

«Горы охраняютъ тысяча пятьсотъ челов. низама, черкесы и башибузуки; обходъ возможенъ, дороги есть».

Сообщивъ пока только факты и описавъ по возможности всѣ тѣ случаи, гдѣ Галдинъ доказалъ свою недюжинную способность, какъ храбраго бойца и дѣятельнаго начальника, я перейду къ результатамъ той пользы, какую принесло его дѣло.

Узнавъ изъ донесенія Галдина о численности и, стало быть, превосходствѣ силъ непріятеля, начальство выслало на другой день подкрѣпленіе, состоящее изъ двухъ ротъ Орловскаго полка (1 и 2). Рѣшено было взять гору приступомъ. Галдину, какъ уже испытанному бойцу и распорядительному начальнику, было поручено главное командованіе колонною, назначенною во фронтъ непріятеля, состоящей изъ второй роты, первой части и пяти казаковъ его сотни. На лѣвый ложементъ (ихъ было три) — хорунжій Долговъ съ двадцатью однимъ казакомъ и командиръ первой роты съ семьюдесятью солдатами. На правый — двадцать-восемь казаковъ, подъ командою урядника Темникова. Двигаться приходилось гуськомъ по одному, за трудностью пути. Какова аттака! Шли до тѣхъ поръ, пока не миновали лѣсъ и не вышли на опушку, гдѣ Галдинъ развернулъ фронтъ; между тѣмъ, слѣдующая за нимъ рота успѣла только выдти своимъ первымъ взводомъ. На правомъ флангѣ казаки уже построились въ боевой порядокъ, ожидая только сигнала къ рѣшительному натиску. Наконецъ всѣ части выстроились какъ

было условлено, но тутъ случилось неожиданное обстоятельство: болгаринъ, служившій проводникомъ правому отряду казаковъ, наткнувшись на передовой турецкій патруль, растерялся и выстрѣлилъ, чѣмъ и произвелъ тревогу, и наши были открыты. Завязалась страшная ожесточенная перестрѣлка, отъ которой болѣе всѣхъ страдалъ отрядъ Галдина, какъ подвергнутый перекрестному огню Опасаясь, стоя на мѣстѣ, безполезно терять людей, онъ скомандовалъ: «впередъ, на приступъ!» Быстро взобрались молодцы до окопа, но тутъ пѣхота отъ страшнаго залпа дрогнула. Видя это, неустрашимый предводитель, съ обнаженной шашкой въ одной рукѣ и съ солдатскимъ ружьемъ въ другой, забѣжалъ впередъ аттакующей колонны и закричалъ потрясающимъ голосомъ: «Отступленія нѣтъ Кто сдѣлаетъ шагъ назадъ—размозжу голову». Онъ и исполнилъ бы угрозу, но магически подѣйствовавшій голосъ начальника, вернулъ на мѣсто долга позабывшихъ пѣхотинцевъ, и они снова, уже не разбирая и не страшась вражьихъ пуль, бросились и ворвались на завалъ. Галдинъ же, обогнавъ свой отрядъ, ринулся на перевѣсъ въ самый адъ свалки и работалъ какъ простой рядовой, то шашкой, то штыкомъ, то отнятымъ у враговъ оружіемъ.

Въ воздухѣ стоялъ стонъ. Уже не стрѣляли, шла нѣмая штыковая работа. Сражающіяся стороны только тогда оглашали воздухъ криками, когда падали израненные — не могши удержать послѣдняго предсмертнаго стона.

Галдинъ былъ нѣсколько разъ окружаемъ. Казалось не было ему спасенія: вотъ пять человѣкъ окружили его, уже замахнувшись на него штыками—вотъ она смерть!...

Не тутъ-то было, подавшись назадъ, онъ бросается какъ разъяренный левъ, сноситъ голову одному, прорвавшись и схвативъ ружье у упавшаго турка, онъ вонзаетъ штыкъ въ животъ другому и сваливаетъ прикладомъ третьяго. Остальные два бѣгутъ, а онъ за ними.

Врагъ выбитъ совсѣмъ, но надо идти на помощь къ другимъ. Собравъ свой отрядъ, Галдинъ ведетъ его къ лѣвому ложементу: «стой, не стрѣляй, своихъ побьешь», раздается го-

лось изъ завала. Галдинъ, предполагая, что дѣйствительно выстрѣлилъ въ своихъ, оставляетъ этотъ ложементъ и двигается на правый, гдѣ бой идетъ съ неменьшимъ ожесточеніемъ; по прибытіи Галдина, турки бросаются въ разсыпную, провожаемые нашимъ огнемъ. Работа была кончена, ибо получено предписаніе оставить преслѣдованіе и вернуться къ ложементамъ. Въ то время, какъ отрядъ лѣваго фланга на возвратномъ уже пути сталъ подвигаться съ тылу къ заваламъ, онъ былъ встрѣченъ неожиданнымъ жестокимъ залпомъ. Оказалось, что раздавшееся: «стой, не стрѣляй, своихъ побьешь», было произнесено однимъ изъ черкесовъ, говорившимъ по-русски. Догадавшись, наши бросились туда и уже пощады не было.

Остервененіе дошло до того, что когда Галдинъ съ своимъ отрядомъ сталъ подходить къ ложементу, то нашъ лѣвый отрядъ, не разглядѣвъ своихъ, угостилъ ихъ двумя залпами, къ счастію не причинившихъ никакого вреда.

Такъ была взята гора Бедекъ!

Что Галдинъ оказалъ громадную услугу, открывъ первый эту позицію, пріобрѣлъ важный стратегическій пунктъ, но и кромѣ того, онъ принялъ на себя всю тягость отвѣтственности въ случаѣ неудачи и, такимъ образомъ, своею собственною грудью прикрылъ отъ огня остальную часть войска—личное участіе въ этомъ дѣлѣ не требуетъ поясненія. Его храбрость говоритъ за него.

Дай же Богъ побольше Галдиныхъ, смѣло безъ оглядки идущихъ на врага въ 10 разъ сильнѣйшаго. Не считая черкесовъ и баши-бузуковъ, въ только что описанномъ дѣлѣ, на каждаго человѣка отряда Галдина пришлось по 10 человѣкъ турокъ, а на самаго Галдина число ихъ опредѣлить невозможно, ибо самъ храбрецъ билъ ихъ не считая. Но, несмотря на все превосходство врага, Галдинъ и его отрядъ не понесъ особенно большой потери, нанеся вмѣстѣ съ тѣмъ врагу сравнительно громадный ущербъ.

Разсказавъ объ этомъ подвигѣ, нельзя умолчать и о другомъ.

7-го числа того-же мѣсяца, Галдину было поручено двинуться къ Ловчѣ, для охраненія лѣваго фланга при дер. При-

сякахъ. Какъ и всегда, онъ немедленно двинулся въ путь. Несмотря на сильное утомленіе почти не отдыхавшаго отряда (Галдинъ все время несъ разъѣздную службу), онъ скоро прибылъ къ мѣсту назначенія. Каково же удивленіе храбраго начальника, когда онъ засталъ деревню занятую врагомъ. Не раздумывая, онъ скомандовалъ «впередъ», ринулся въ деревню и выгналъ турокъ, причемъ захватилъ 500 штукъ рогатаго скота и 1,500 овецъ. Пріобрѣтеніе, важное въ высшей степени, когда продовольствіе войскъ въ бѣдной, ограбленной странѣ представляетъ такія трудности; не говоря уже о томъ, что подобныя побѣды подрываютъ не только матеріальныя, но и нравственныя боевыя силы врага. Плохо воевать на пустой желудокъ! Занятую Галдинымъ деревню, въ виду движенія главнаго отряда Скобелева, пришлось оставить. Когда же его отрядъ снова двинулся къ Ловчѣ, Галдину приказано было занять оставленную деревню. Онъ и занялъ ее, какъ всегда — съ боя, ибо не добравшись еще до половины пути, встрѣтилъ 70 вооруженныхъ черкесовъ. На этотъ разъ сотникъ взялъ 15 человѣкъ, ударилъ въ пики, смялъ и погналъ передъ собою. Между тѣмъ вдали онъ заслышалъ перестрѣлку и, догадавшись въ чемъ дѣло, съ 10 человѣками бросился на перерѣзъ, чтобы отрѣзать пути отступленія къ Ловчѣ. Черкесы, видя себя свободными отъ преслѣдованія, спѣшились и открыли огонь. Галдинъ спѣшилъ своихъ и огнемъ прогналъ послѣднихъ.

Вернувшись на бивуакъ, онъ опять засталъ черкесовъ; но и эти не долго держались—молодецкимъ натискомъ заставилъ ихъ скрыться.

Многое еще можно было бы сказать, пересчитывая подвиги Галдина.... но всего не перескажешь.

Одно еще можно сказать и сказать утвердительно, что ни въ какихъ случаяхъ Галдинъ не отступалъ отъ грозившей опасности. Никакое утомленіе, ни кажущаяся невозможность не останавливали его на пути... Численное превосходство врага, какъ бы ни было оно велико, только увеличивало его стойкость и храбрость. Когда нужно было разузнать мѣстность,

сосчитать силы непріятеля, никто лучше Галдина не съумѣлъ бы этого сдѣлать, какъ это, напримѣръ, сдѣлалъ онъ при наступленіи всего отряда Скобелева на Ловчу, гдѣ съ двумя сотнями онъ подлетѣлъ такъ близко къ непріятелю, что явилась возможность переговариваться съ нимъ. Его встрѣтили тремя залпами, но онъ, не обращая на нихъ вниманія, сдѣлалъ свое дѣло: преспокойно разъѣзжая передъ фронтомъ и на флангахъ непріятельскаго расположенія, разсмотрѣлъ и опредѣлилъ силы врага, привезъ самыя точныя свѣдѣнія, а именно: что у противника 15,000 пѣхоты.

Ежели нужно было подать куда нибудь быструю рѣшительную помощь, Галдинъ являлся тутъ какъ тутъ, рискуя собою самымъ беззавѣтнымъ образомъ.

Примѣръ самоотверженнаго мужества: помощь Кубанцамъ, оказанная имъ во время общаго наступленія на Ловчу бригады Тутолмина. Весь огонь непріятеля онъ отвлекъ на себя давъ такимъ образомъ возможность выбраться Кубанцамъ изъ критическаго положенія... Нынѣ офицерскій Георгій украшаетъ грудь молодого воина. Самъ Императоръ пожелалъ лично видѣть не только храбраго Галдина, но и всѣхъ казаковъ, которые были подъ его начальствомъ. Картина эта не можетъ быть ни описана, ни разсказана. Когда Государь подъѣхалъ къ Галдину и подалъ ему свою державную руку, послѣдній до того былъ пораженъ высокою милостью, что, никогда въ бѣдѣ не терявшій головы, при видѣ этой отеческой ласки Монарха, смутился и не могъ выговорить ни слова...

Вотъ самая высшая награда, какой можетъ удостоиться русскій воинъ. Мнѣ, какъ казаку, выпала большая честь говорить о подвигахъ донца-сослуживца. Насколько выполнилъ я эту задачу—не мнѣ цѣнить, я желалъ быть искреннимъ и правдивымъ... пусть и другіе не обходятъ молчаніемъ такихъ заслугъ, какъ заслуги Галдина и ему подобныхъ, ибо обязанность истинно-русскаго состоитъ не только въ душевной признательности героямъ, проливающимъ кровь за великое

дѣло, но и сохранить ихъ имена для будущей исторіи нашей святой войны.

* *
*

Честно и свято передъ Богомъ и людьми сослужили Донскіе казаки Царю и отечеству. Знать, не рыбья кровь течетъ въ ихъ жилахъ, знать вспомнили они вожаковъ своихъ славныхъ и кровавой тризной помянули павшихъ прадѣдовъ и дѣдовъ!...

Солдатъ подчуетъ и угощаетъ казака: знаетъ шельма—казакъ на часахъ, и спитъ онъ спокойно. Ужъ не подкрадется черкесъ, ужъ не срубитъ удалой, безшабашной башки... Вотъ офицеръ пѣхотный ѣдетъ, за нимъ казакъ.

— Стой! сбились съ дороги—ищи, казакъ, слѣдъ потеряли.

— Не сумлевайся, ваше благородіе, заразъ найдемъ.

Моментъ,—свистнула нагайка и казакъ пропалъ.

— Трогай! кричитъ онъ Богъ вѣсть откуда,—дорога есть, до свѣту доберемся.

* *
*

Длинный, предлинный тянется обозъ. Возницы дремлютъ. Толкните одного, надъ ухомъ крикните, что турки. Зѣвнетъ только, да съ просонокъ пробормочетъ: «казаки съ нами».

Чу, зарево! То станція горитъ. Съ громомъ летятъ взорванныя шпалы и рельсы. Казаки работаютъ: приказано дорогу разрушить...

— Съ дороги сбились, кричитъ начальникъ части.

— Тута, тута, раздается среди гробовой ночной тишины голосъ проводника-казака, правѣе.... осторожнѣй — обрывъ. Теперь гладко,—трогай по маленьку.

Тихо, стройно подвигается впередъ линія разсыпанныхъ казаковъ.

Вотъ въ туманѣ блеснула пика, еще, еще... послѣдняя скрылась... Вотъ выстрѣлъ, другой: то казаки завязали дѣло.

— Пѣхота впередъ! «Ура!», и бой гремитъ.

Казачье ухо, да казачій глазъ и въ пѣсню вошли.

— Ваше благородіе! обращается казакъ къ офицеру.

— Что нужно?

— В-о-н-ъ, что на тѣхъ горахъ, турецкая силища ходитъ.

Офицеръ смѣется.

— Морочь другаго, станичникъ, почитай верстъ двадцать будетъ,—ври!

— Никакъ нѣтъ, упорствуетъ казакъ,—это точно басурманъ.

Раздумье беретъ офицера. Достаетъ онъ бинокль, смотритъ и не вѣритъ глазамъ. Казакъ не ошибся!

* *
*

На нашихъ глазахъ совершается фактъ перерожденія Донскихъ боевыхъ казаковъ въ мирныхъ землепашцевъ—гласитъ учебникъ.

Ну, взгляните-жъ теперь на пахарей: Галдина, Антонова, Дукмасова и другихъ; взгляните на простыхъ казаковъ: Аведикова, Микулина, Олферова и увидите, что славные они землепашцы. Только не плугами они землю роютъ, не навозомъ удобряютъ ее—нѣтъ! Завѣтной дѣдовской шашкой бороздятъ ее, переворачивая все вверхъ дномъ; удобряютъ кровью басурмановъ, тризну справляютъ среди дыма и пламени. Вотъ гдѣ казаки! въ нихъ оплотъ дорогой отчизны!

— Казакъ любитъ пограбить... безтолковые твердятъ. Казакъ близко—держи ухо востро.

— Нѣтъ! съ бою возьметъ; своего не отдастъ. Казну найдетъ—подѣлится.

— Что дѣлаемъ? спрашиваютъ казаки у солдата, а сами дѣлятъ съ боя отбитую казну.

— Не знаю, отвѣчаетъ солдатъ.

— Проходи!

— Что дѣлаемъ? обращаются снова къ другому солдату.

— Казну дѣлите.

— Садись! бери и ты!

Вотъ казаки!

Когда-же среди пламени.—это было въ Адріонополѣ,—появилась женщина, съ воплемъ простирающая руки:

— Да гдѣ-же? гдѣ дѣти мои?

Лейбъ-казаки минуту спустя вынесли ихъ на подушкахъ, ихъ грубыя руки ласкали дѣтей!

Не бейте-же казака камнемъ, лучше бросьте въ сторону, подойдите къ нему; онъ разскажетъ вамъ про свое житье-бытье на нѣкогда богатомъ Дону. Скажетъ, какъ и чѣмъ собирается на службу, какъ продаетъ послѣднюю корову, да покупаетъ шашку, которою онъ свято оберегаетъ священныя права и честь дорогаго отечества; разскажетъ вамъ какъ прощается съ хатой, какъ цѣлуетъ жену и на ухо шепчетъ: «Господь не безъ милости—приду, заработавъ и долги заплачу». Долго смотритъ казачка вслѣдъ милому, слеза за слезой, и только ближе прижимаетъ къ сердцу осиротѣвшихъ дѣтей.

А съ братомъ придется идти, ужъ не покинетъ его. Погибнетъ одинъ, затоскуетъ другой и пѣсеньку сложитъ на память.

„Въ опушкѣ дремучихъ зеленыхъ лѣсовъ
И между вѣтвистыхъ цвѣтущихъ кустовъ
Калина сухая, безъ листьевъ, стоитъ,
Подъ нею въ могилѣ младъ Яша зарытъ.
У корня, въ травѣ, свирѣль Яши лежитъ,
Увядшій вѣнокъ промежъ вѣтокъ виситъ.
Уныло журчитъ подъ калиной ручей,
Порою печально поетъ соловей.
Гуляя въ дубравѣ весенней порой,
Ходилъ недалеко тутъ Саша младой,
Уставши, въ лѣсу отдохнуть захотѣлъ,
Къ калинѣ пришелъ, у могилы онъ сѣлъ,—
И Саша съ тоской на калину взглянулъ,—
И грустно, отъ сердца, глубоко вздохнулъ;
Окинулъ онъ взоромъ её до корней,
И жизни остатокъ замѣтилъ онъ въ ней.
Сухія ей вѣтви обрѣзалъ до сока,
Живительной мазью ей раны закрылъ,
Водой ключевой ея корень полилъ,

И вѣтеръ цѣлебный повѣялъ съ востока.
И Саша къ калинѣ всякъ день приходилъ
Съ усердьемъ, съ надеждой ей раны лечилъ,
Ручейной водой онъ её поливалъ
И томную пѣснь на свирѣли игралъ.
Явились бутоны,—калина ожила,
Кудрявыя вѣтви пустила вокругъ,
И листьемъ широкимъ одѣла ихъ вдругъ,
И густою тѣнью могилу укрыла,
И снова зардѣлись кораллы на ней,
И стала калина красою полей,
Красою дубравъ и зеленыхъ лѣсовъ,
И стала царицей сосѣднихъ кустовъ.
Тутъ Саша у корня цвѣтовъ насажалъ,
И, радости полный, калинѣ сказалъ:
„Расти-же калина и взоры плѣняй,
„И тѣнью могилу всегда осѣняй!
„Я Яшу любилъ и твоей жизни радъ
„Твой Яша мнѣ другъ и онъ рòдный мой братъ“.

Бываетъ и придетъ онъ домой, рублей сто принесетъ, купитъ быка, и, перекрестясь, пойдетъ въ поле и до кроваваго пота съ утра начнетъ онъ работать. Было на Дону когда-то время золотое, да прошло безвозвратно...

Петръ Архиповичъ Дукмасовъ, хорунжiй 26-го Донскаго казачьяго полка, вмѣстѣ съ послѣднимъ, 25-го iюня перешелъ Дунай. Съ этого момента начинается славная боевая дѣятельность юнаго офицера.

Съ первыхъ дней послѣ перехода, полкъ занялъ аванпостную цѣпь противъ черкесовъ, сосредоточившихся у Бѣлы и Тырнова. Понятное дѣло, что кромѣ стычекъ быть ничего не могло. Дукмасовъ скучалъ и все стремился куда-то впередъ. Вскорѣ мечтамъ его суждено было осуществиться. Отрядъ генерала Гурко, въ составъ котораго вошелъ и 26-ой полкъ, двинулся къ Тырново и взялъ его съ боя. Въ первый-же моментъ, т. е. до входа войскъ, Гурко приказалъ одной сотнѣ 26-го полка на рысяхъ войти въ городъ и осмо-

трѣться. Тамъ былъ и Дукмасовъ. Странную встрѣчу горожане приготовили казакамъ.

Между тѣмъ какъ съ одной стороны дѣвушки бросали букеты, съ другой стрѣляли изъ домовъ; хорунжій, упоенный встрѣчей, не обращалъ никакого вниманія и ѣхалъ впереди.

— Дьяволы! осерчалъ казакъ, каблукъ да подошву сбили, почитай гологановъ на восемь убытку понесу. Чумбуръ перебили, нехристь треклятая.

При послѣднихъ словахъ казакъ пошатнулся: пуля ударила въ плечо...

Пройдя городъ, сотня остановилась на площадкѣ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній. Спустя значительный промежутокъ времени, подъѣхало два орудія.

— Вы куда? спрашиваетъ Дукмасовъ.

— Генералъ прислалъ насъ для преслѣдованія непріятеля

— А прикрытіе гдѣ? засмѣялся хорунжій.

— Надо полагать на васъ разсчитывали, замѣтилъ офицеръ.

Круто повернувъ коня, Дукмасовъ подскакалъ къ сотенному.

— Генералъ приказалъ мнѣ вмѣстѣ съ двумя присланными орудіями броситься преслѣдовать непріятеля.

— Возьмите полусотню и съ Богомъ, отвѣтилъ сотенный.

Не прошло и пяти минутъ,—полусотня летѣла.

Далеко опередивъ своихъ казаковъ, Дукмасовъ вдругъ сразу налетѣлъ на какую-то кавалерійскую часть, которую принялъ за драгунъ.

— Вотъ тебѣ разъ, мелькнуло у него въ головѣ. Что за преслѣдованіе, когда драгуны здѣсь? Стой, полусотня!

Но одинъ казакъ, не разслышавшій команды, вынесся впередъ.

— Куда тебя чортъ несетъ? крикнулъ Дукмасовъ.

Мнимые драгуны остановились, заслышавъ за собой погоню. То были арнауты, которые не замедлили въ отвѣтъ дать нѣсколько залповъ.

— А бей ихъ! радостнымъ голосомъ крикнулъ Дукмасовъ артиллеріи и самъ, бросившись къ казакамъ, разсыпалъ часть.

Въ каррьеръ заѣхала артиллерія, и хватила въ арнаутовъ картечью.

Тѣ струсили и, бросившись въ сторону, открыли за ней скрывавшуюся пѣхоту.

Послѣдняя же, бросивъ ружья, ранцы и мѣшки, обратилась въ бѣгство.

Но въ это время одно непріятельское орудіе выѣхало на позицію и открыло пальбу. Ей отвѣчала наша артиллерія, направляя огонь и въ массы, которыя не замедлили сгруппироваться возлѣ орудія.

Немыслимо было съ такою горстью людей броситься на пѣхоту... и минуту спустя Дукмасовъ бросился на нихъ съ двумя казаками. Убивъ нѣсколько человѣкъ, онъ вернулся опечаленный.

— Экая жалость, чуть не плача проговорилъ онъ,—кабы полкъ!

Къ вечеру казаки собрались и выставили аванпосты.

Отрядъ генерала Гурко двинулся дальше. 26-ой же полкъ вскорѣ свернулъ на деревню Хаскіой, съ цѣлью отрѣзать путь отступленія непріятелю.

Снова является Дукмасовъ съ 6-ю казаками и, по приказанію генерала Чернозубова, летитъ занять дер. Хаскіой.

У самой деревни у него оказывается только одинъ казакъ,—остальные-же посланы съ донесеніемъ. Но и съ однимъ казакомъ онъ ворвался въ деревню и понесся по главной улицѣ. Въ страхѣ передъ нимъ бѣжали вооруженные турки и баши-бузуки. У моста, въ концѣ деревни, произошла слѣдующая сцена.

Баши-бузукъ бросился за дерево и, подпустивъ Дукмасова на десять шаговъ, поднялъ ружье и прицѣлился.

Удалой хорунжій остановился, какъ бы презирая кремневку...

Грянулъ выстрѣлъ—мимо!

— Врешь! вскрикнулъ Дукмасовъ,—я тебя по своему,— и соскочилъ съ лошади.

Пуля подоспѣвшаго казака хватила турка на повалъ.

— Лежи! такъ-то лучше будетъ, проворчалъ сквозь зубы казакъ.

Въ это самое время показалась 2-я сотня, которой командовалъ Полухинъ.

Баши-бузуки же собрались за деревней.

Хорунжій сталъ на правый флангъ сотни и вмѣстѣ съ ней врубился въ ряды баши-бузуковъ. Тѣ дрогнули и, бросивъ обозъ, бѣжали.

Полухинъ, занявъ такимъ образомъ деревню, разсыпалъ казаковъ по опушкѣ. Аттаковать-же таборъ, въ которомъ находилась пѣхота и артиллерія, не рѣшился.

Стало тихо,— Дукмасову скучно; и вотъ, взявъ четырехъ казаковъ, онъ отправился въ другую деревню на поиски. На полудорогѣ онъ наткнулся на восемь человѣкъ баши-бузуковъ, которые засѣли въ кукурузѣ и открыли пальбу. Тогда, остановивъ казаковъ въ двадцати шагахъ отъ нихъ, Дукмасовъ вынулъ револьверъ и тотчасъ-же приказалъ казакамъ начать стрѣльбу.

— По казачьему—чья добрѣй?!

На раздавшіеся выстрѣлы къ нему подъѣхалъ ротмистръ Мартыновъ съ трубачемъ отъ генерала Чернозубова, узнать причину тревоги. Дукмасовъ, вмѣсто отвѣта, показалъ рукой на баши-бузуковъ. Мартыновъ вмѣстѣ съ трубачемъ присоединились къ нему.

Двѣ минуты спустя бой былъ конченъ: турки до одного были перебиты, а трубачъ смертельно раненъ въ животъ.

26-й полкъ, разбивъ турокъ на всѣхъ пунктахъ, выставилъ цѣпь.

Нѣсколько дней спустя хорунжій участвовалъ въ усиленной рекогносцировкѣ подъ Эни-Загрой.

Отрядъ, состоящій изъ пяти сотенъ, подъ командой Мартынова, блистательно исполнилъ возложенное порученіе. Когда-же, неожиданно для молодцовъ, изъ лощины пока-

залась пѣхота, а артиллерія открыла ужасный огонь,—они не смутились и перешли въ тихое отступленіе. Какъ ни старались черкесы насѣсть,—имъ не удалось; казаки щетинились. Зарвались молодцы, да и вырвались; лошадей раненыхъ и то подобрали.

«Зачѣмъ бросать», думали казаки, «за шкуру, чего добраго, рубль дадутъ сами же братушки—возьмемъ».

Слѣдующее дѣло, въ которомъ участвовалъ Дукмасовъ, было подъ Эски-Загрой, когда черкесы въ количествѣ эскадрона вздумали было снова ворваться въ городъ. Хорунжій встрѣтилъ ихъ съ восемнадцатью человѣками залпами и аттаковалъ. Видимо существенную помощь оказали ему человѣкъ четыреста собравшихся болгаръ, которые въ первый моментъ аттаки крикнули «ура!» Черкесы отступили. Послѣ этого онъ неоднократно ѣздилъ на рекогносцировки дорогъ, проходящихъ черезъ Малыя Балканы, за что и получалъ благодарность.

По прошествіи нѣкотораго времени, отрядъ, состоящій изъ дивизіона драгунъ, шести сотенъ и двухъ орудій, былъ посланъ Его Высочествомъ Николаемъ Максимиліановичемъ съ цѣлью испортить желѣзную дорогу у станціи Кичарли (не далеко отъ Акбунаръ) и уничтожить запасы. Другой отрядъ, не менѣе сильный, былъ посланъ съ тою-же цѣлью слѣва.

Въ авангардъ былъ назначенъ хорунжій Дукмасовъ съ двадцатью казаками, который и исполнилъ одинъ всю задачу, за что и получилъ искреннюю благодарность отъ Его Высочества Николая Максимиліановича.

Съ своимъ отрядомъ онъ распорядился такъ: десять человѣкъ подъ командою урядника онъ отправилъ слѣва, по направленію къ станціи, а съ остальными десятью онъ направился вправо. Вскорѣ первый, собственноручно, испортилъ телеграфъ, повалилъ будку и показалъ казакамъ, какъ нужно портить шпалы; самъ-же направился по полотну желѣзной дороги и какъ бомба влетѣлъ на станцію начальника. Перепуганный смотритель тотчасъ передалъ въ его руки казну, къ которой Дукмасовъ приставилъ часоваго. Затѣмъ онъ показалъ казакамъ, посланнымъ слѣва, какъ портить шпалы,

рельсы и колодезь. Минуту спустя всѣ строенія были объяты пламенемъ...

Далѣе хорунжій участвовалъ въ дѣлѣ подъ Ловчей, гдѣ съ десятью человѣками задержалъ черкесовъ, прогналъ ихъ, зорко наблюдая за движеніемъ отряда.

Подъ Плевной, 27-го августа, съ полусотней на Зеленой горѣ занималъ аванпосты и, во время аттаки Калужскаго полка, шелъ впереди, отбросилъ черкесъ и затѣмъ въ концѣ, за неимѣніемъ роли, переносилъ раненыхъ.

Послѣ участія въ дѣлахъ 28, 29, 30 и 31-го сильно заболѣлъ тифозной горячкой и принужденъ былъ отправиться въ Яссы.

Проболѣвъ мѣсяцъ, онъ въ первыхъ числахъ октября вернулся въ отрядъ генерала Скобелева и участвовалъ въ послѣднемъ актѣ кровавой драмы подъ Плевной.

Съ этого момента начинается его ординарческая служба у генерала Скобелева 2-го.

26-го декабря совершилъ геройскій подвигъ, за который и получилъ орденъ св. Георгія.

При спускѣ съ Балканъ отряда генерала Скобелева, Казанскій баталіонъ, ушедшій слишкомъ впередъ, былъ отрѣзанъ и окруженъ турками Отстрѣливаясь мало-по-малу, онъ залегъ въ углубленной дорогѣ. Вскорѣ положеніе ухудшилось, такъ какъ сто человѣкъ турокъ взобрались на гору, чуть не прилегающую къ дорогѣ и, пользуясь закрытіями, стали бить на выборъ: тотъ, кто показывался, моментально падалъ сраженный. Такъ офицеръ, посланный на выручку генераломъ Скобелевымъ, едва показался, какъ былъ раненъ...

— Дукмасовъ! крикнулъ Скобелевъ, — возьмите молодцевъ и выбейте турокъ во что-бы то ни стало!· Задача невозможная, всѣ ждали... Двадцать человѣкъ казаковъ-охотниковъ, имѣя впереди себя лихаго хорунжаго, выскочили и направились на правый флангъ непріятельскаго расположенія. Съ неимовѣрными усиліями, цѣпляясь за камни, кусты, взобрались на гору охотники, и сбросивъ дерзкаго врага, погнали его какъ стадо барановъ. Слѣдствіемъ молодецкой рѣ-

шимости вся дорога до Иметли была очищена. Казанскій баталіонъ вздохнулъ. Онъ былъ спасенъ...

Отрядъ двинулся впередъ и снова остановился. Турки построили траншеи и усилились на слѣдующей горѣ, тоже близко отстоящей отъ дороги.

На разсвѣтѣ, 28-го числа, Дукмасову дана была рота солдатъ съ приказаніемъ отъ Скобелева — выбить и этихъ турокъ съ позиціи. Генералъ зналъ кому поручалъ дѣло. Съ полуротой хорунжій устремился впередъ, разсыпавъ предварительно цѣпь, другая полурота осталась въ резервѣ. Турки открыли ужасную пальбу... въ ста шагахъ Дукмасовъ остановился, передохнулъ, подтянулъ силы... и, съ крикомъ «ура!» — ударилъ въ штыки. Противникъ дрогнулъ... и бѣжалъ.

Самъ Скобелевъ любовался на эту чудную картину безстрашія. Наконецъ, передъ шейновскимъ дѣломъ, генералъ послалъ удалаго къ генералу Радецкому съ приказаніемъ. «Только онъ и можетъ исполнить это!» говорили всѣ. Это была бѣшеная скачка вблизи противника вокругъ горы Св. Николая. Ровно черезъ двѣнадцать часовъ блистательно было исполнено и это приказаніе. Затѣмъ, подъ Шейновымъ, Дукмасовъ участвовалъ въ качествѣ ординарца генерала Скобелева... Честь и слава героямъ.

31-го августа, мы больше не аттаковывали, а обстрѣливали съ близкаго разстоянія всѣ турецкія укрѣпленія и городъ, который около четырехъ часовъ дня загорѣлся; кромѣ того, было замѣчено два большихъ взрыва въ турецкихъ укрѣпленіяхъ. Турки отвѣчали на огонь мало, напротивъ, всѣ усилія были обращены противъ нашего лѣваго фланга, угрожавшаго ихъ тылу. Пять ожесточенныхъ аттакъ было отбито Скобелевымъ, но къ вечеру, послѣ шестой аттаки, онъ принужденъ былъ оставить взятыя имъ 30-го августа укрѣпленія.

Съ самаго начала боя до перваго часа дня 31-го августа привезено на перевязочные пункты шесть тысячъ раненыхъ.

Считаю умѣстнымъ разсказать здѣсь два прекрасныхъ боевыхъ эпизода, случившихся — одинъ 30-го августа подъ дер.

Яблоницей, а другой 31-го августа на лѣвомъ флангѣ подъ Плевной.

1) Подъ Яблоницей, 30-го августа, два солдата изъ стрѣлковой бригады отправились изъ дер. Яблоницы, гдѣ стояла ихъ бригада, на фуражировку за сѣномъ. Зайдя очень далеко, версты три впередъ,—они совершенно неожиданно наткнулись на пять человѣкъ турокъ, которые не замедлили открыть по нимъ стрѣльбу. Долго не думая, солдаты схватили ружья и съ крикомъ «ура!» бросились въ аттаку. Тѣ до того растерялись, что, оставивъ одно ружье, обратились въ постыдное бѣгство. Побѣдители-же, захвативъ ружье и забравъ сѣно, вернулись домой, явились къ своему начальнику и отрапортовали, что разбили турокъ и, какъ трофей, захватили ружье.

2) 31-го августа, во время непріятельской аттаки на взятый нами редутъ, находящійся на лѣвомъ флангѣ (подъ Плевной), вся прислуга у одного орудія, за исключеніемъ рядоваго 4-й батареи 2-й артиллерійской бригады, была перебита. Этотъ молодецъ не покинулъ орудія и одинъ, безъ посторонней помощи, бѣгалъ за снарядами, заряжалъ орудіе, наводилъ его и стрѣлялъ довольно мѣтко въ наступающія колонны.

«Ваше превосходительство! кричалъ онъ между дѣломъ сидящему на траверсѣ генералу: — отойдите-съ въ сторону, — турки цѣлятъ сюда!»

И дѣйствительно: едва генералъ успѣлъ отойти, какъ граната угодила на указанное мѣсто. «Молодцы, хорошо!» одабривалъ лихой артиллеристъ. «А ну, испробуй теперь нашего гостинца; динарцію привѣтъ посылаю,—ѣшь».

Раздавался выстрѣлъ и въ рядахъ противника замѣчалось смятеніе. Въ то время, когда наводчикъ несъ зарядъ, молодой солдатикъ пригнулся, заслышавъ свистъ гранаты.

«Не гнись», треснувъ по затылку, внушительно замѣтилъ артиллеристъ: — коли свиснула, — значитъ пролетѣла. Но въ это мгновеніе взлетаетъ на воздухъ зарядный ящикъ, а молодецъ артиллеристъ и тутъ не смутился; онъ быстро подбѣжалъ къ орудію и, съ прибауточками зарядивъ его картечью, ахнулъ, что называется, въ самую середину. Затѣмъ, видя, что

въ редутѣ никого не осталось, онъ бросился къ орудіямъ, повытаскивалъ замки и разбросалъ по сторонамъ. Послѣ этого онъ снова вернулся къ орудіямъ и, не обращая вниманія на близость противника, собралъ кольца Бродвеля, нанизалъ на руку и послѣднимъ вышелъ изъ редута. За истинно геройскій подвигъ онъ награжденъ знакомъ св. Георгія.

Послѣдующія событія могутъ быть изложены въ слѣдующемъ порядкѣ.

Перваго сентября, и 2-го—до 6 часовъ вечера, наши батареи усиленно обстрѣливали Плевну. Турки не отвѣчали, ибо берегли снаряды на случай штурма. Въ 6 часовъ вечера 2-го сентября, они открыли ужасную кононаду по Гривицкому редуту, вслѣдъ затѣмъ аттаковали его; но, понеся значительный уронъ, были отбиты при содѣйствіи нашихъ и румынскихъ резервовъ; все это продолжалось три часа. По свѣдѣніямъ, къ вечеру 2-го сентября, черезъ всѣ перевязочные пункты прошло, съ 26-го августа, раненыхъ офицеровъ 239 и нижнихъ чиновъ 9,482; число убитыхъ около 3,000; точной цифры опредѣлить невозможно. Вся наша потеря около 300 офицеровъ и 12,500 нижнихъ чиновъ. Румынская армія до утра 2-го сентября потеряла около 60 офицеровъ и 3000 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными. Духъ войскъ, какъ нашихъ, такъ и румынскихъ, былъ превосходенъ; молодыя румынскія войска дрались отлично.

3-го сентября Великій Князь, въ сопровожденіи конвоя, объѣзжалъ позиціи, выбиралъ новыя мѣста для батарей и производилъ рекогносцировку непріятельскаго расположенія.

4-го сентября мы были съ Великимъ Княземъ въ главной квартирѣ князя Карла Румынскаго. Любезность румынъ, по отношенію ко всѣмъ сопровождавшимъ Главнокомандующаго, была необычайная,—нѣсколько оркестровъ прекрасной музыки играли въ продолженіи того времени, пока сидѣли за столомъ.

Передъ этимъ князю Карлу былъ пожалованъ орденъ св. Георгія 3-й степени и генералу Чернату—4-й степени. Наконецъ, 5-го сентября, мы, окончивъ объѣздъ плевненскихъ позицій, возвратились съ Великимъ Княземъ въ Горный Студень.

До 10-го сентября все было тихо. Только 10-го числа было получено въ главной квартирѣ крайне печальное донесеніе о томъ, что около 10-ти тысячъ турецкой пѣхоты съ артиллеріей, шедшихъ изъ Софіи, пробились сквозь нашу кавалерію въ Плевну... Вотъ и все. Въ дни спокойствія я почти каждый день отправлялся къ раненымъ и носилъ виноградъ. Тамъ шло по старому. Днемъ раздавались крики и стоны отъ мучительныхъ операцій, подъ вечеръ играла музыка и пріѣзжалъ Государь. Первый раненый, съ которымъ я познакомился, былъ молодой офицеръ К., раненый въ обѣ ноги и руку. Странный онъ былъ человѣкъ—бывало то стоналъ, то распѣвалъ романсы во все время сложной мучительной перевязки.

Вообще лирическій безпорядокъ замѣчался во всемъ.

— Вѣдь я мать-то надулъ,—какъ-то разъ сказалъ онъ мнѣ.

— Какимъ образомъ?

— Да очень просто... Она бѣдная думала, что я до сихъ поръ какой-то инвалидный начальникъ какого-то лазарета въ мѣстечкѣ С... А я удралъ сюда... да вѣдь вотъ видите, не посчастливилось... и службу теперь приходится бросать.

— Зачѣмъ? въ недоумѣніи спросилъ я, вѣдь вы еще поправитесь...

— Да, оно такъ-то такъ, засмѣялся онъ, да обмундировываться снова. На полѣ все оставилъ и саблю, и пистолетъ, а мундиръ и шаровары разрѣзали на перевязочномъ пунктѣ. Что-жъ прикажете дѣлать... я человѣкъ бѣдный,—вздохнувъ проговорилъ онъ,—мать гроши получаетъ, изъ-за хлѣба на квасъ выручаетъ. Да я... ей Богу, Государю скажу—онъ мнѣ поможетъ.

И дѣйствительно, на другой день Государь пожаловалъ ему 1000 рублей, узнавъ о бѣдственномъ положеніи.

На другой день я былъ на перевязочномъ пунктѣ. Но... описывать не берусь. Привожу отрывокъ изъ корреспонденціи.

«Былъ полдень и солнце страшно пекло. На дорогѣ, передъ большими, чистыми на видъ палатками, лежали трупы раненыхъ русскихъ, ожидающихъ пріема или очереди для осмотра. Это была тяжелая картина. Люди лишь легко ра-

неные терпѣливо сидѣли по сторонамъ дороги, очевидно, желая дать возможность своимъ раненымъ товарищамъ поскорѣе получить первую медицинскую помощь. Тутъ сидѣли они, задумчиво-молчаливые, вспоминая, можетъ быть, о далекихъ друзьяхъ, о друзьяхъ, которыхъ они, можетъ быть, никогда не увидятъ. Люди, болѣе тяжело раненые, лежали растянувшись на землѣ, покорно и смиренно ожидая очереди. Ихъ окровавленныя рубашки и панталоны, когда-то бывшія бѣлыми, придавали сценѣ мрачный видъ, а стоявшіе около дороги открытые ящики съ перевязками и другими врачебными принадлежностями, изъ которыхъ сестры милосердія и санитары поспѣшно брали все, что требовали врачи, показывали, что сегодняшній день—день усиленной работы для врачебнаго персонала. Войдя въ первую палатку, среди которой врачъ перевязывалъ серьезную артиллерійскую рану въ ногу, я увидѣлъ разложенными на соломѣ до 40 раненыхъ. Они казались спокойными и довольно удобно положенными, и внимательно слѣдили за тѣмъ, что дѣлала маленькая группа врачей и сестеръ милосердія въ центрѣ палатки. Въ слѣдующей дѣлалась ампутація и, слушая жалобные крики больнаго, у васъ сердце обливается кровью. Тщетно внимательныя сестры старались ободрить несчастнаго страдальца. Его стоны и крики можно было слышать по всему маленькому лагерю и, вѣроятно, измучили не одного храбраго солдата. Остальные раненые въ той палаткѣ, казалось, были слишкомъ больны, чтобъ ихъ могло что-либо взволновать; на своихъ соломенныхъ постеляхъ они лежали неподвижно. Третья палатка представляла еще болѣе тяжелый видъ. Тамъ, во всевозможныхъ положеніяхъ, лежала на полу масса раненыхъ, которые, очевидно, не были еще осмотрѣны докторомъ. Они только что поступили въ походные лазареты и были перемѣщены въ палатку до тѣхъ поръ, пока освободившійся врачъ будетъ въ состояніи осмотрѣть ихъ. Стоны этихъ людей были дѣйствительно ужасны; многіе изъ нихъ даже катались по полу отъ невыносимой боли. Я никогда не забуду выраженія лица одного несчастнаго, который вошелъ шатаясь въ палатку, когда

я собирался уходить изъ нея. Падая, онъ надѣлъ свою шинель и, обхвативъ рукою одинъ изъ громадныхъ кольевъ палатки, попробовалъ держаться за него. Я сильно желалъ сдѣлать что-нибудь для него, но не зналъ, что ему нужно и, уходя изъ палатки нѣсколько минутъ спустя, я оставилъ его все еще уцѣпившимся за колъ и съ тѣмъ же самымъ выраженіемъ на лицѣ. Нѣтъ словъ для выраженія того самоотверженія, съ которымъ русскій солдатъ переноситъ самую ужасную боль, его мужество на полѣ битвы вполнѣ равняется терпѣнію, которое онъ обнаруживаетъ въ госпиталѣ».

. . . .

Зачастую на этихъ пунктахъ происходятъ непереносимо-тяжелыя сцены. Однажды, это было 29-го августа, на румынскій перевязочный пунктъ пріѣхалъ для работъ молодой докторъ Пастія, только что окончившій курсъ. Стали привозить съ батарей раненыхъ. Онъ первый бросился туда и первый, кого онъ снялъ съ лазаретной фуры—былъ его родной братъ, тяжело раненый. Молодой медикъ, увидѣвъ опасную рану, дрожащими руками началъ перевязывать брата, и невольно слезы полились по загорѣвшему лицу. Инспекторъ Давиля, не зная причины слезъ молодаго врача, строго напомнилъ ему его обязанности.

Раненый въ эту минуту спросилъ:

— Въ какомъ положеніи наши войска?

— Въ очень хорошемъ, отвѣтилъ медикъ.

— Такъ я могу умереть спокойно, поцѣлуй меня!—прощай!

И затѣмъ онъ впалъ въ безпамятство и умеръ на рукахъ брата...

Сколько высокаго мужества выказываютъ русскіе солдаты, говоритъ корреспондетъ «Monit Univ»: черкесскій офицеръ раздробляетъ солдату лѣвое плечо выстрѣломъ изъ револьвера; тогда солдатъ, дѣйствуя одною правою рукою, штыкомъ повергаетъ на землю врага. Несмотря на мучительную боль отъ полученной раны, онъ все-таки снимаетъ съ черкеса шашку, папаху, приноситъ и складываетъ эти трофеи на перевязочный пунктъ, и улыбаясь, показываетъ ихъ товарищамъ. А вотъ

принесли на носилкахъ стрѣлка, пораженнаго тремя пулями. Докторъ разспрашиваетъ его о ранѣ, а солдатъ отвѣчаетъ: «Раны, ваше высокоблагородіе, это бы еще ничего, одно только досадно: ни разу не удалось выпалить». Спустившись въ лощину, я увидѣлъ, что подъ деревьями лежитъ множество раненыхъ. Въ это время 31-я дивизія, перестроившись въ штурмовыя колонны, скорымъ шагомъ проходила мимо раненыхъ, которымъ офицеры салютовали саблями, и солдаты кричали: «Ну, ребята, мы за васъ расквитаемся!» Раненые отвѣчали крикомъ «ура». Одинъ молодцоватый фельдфебель, при видѣ знамени Казанскаго полка, съ трудомъ приподнимается и, опираясь на саблю, отдаетъ воинскую честь знамени и затѣмъ падаетъ изнеможенный на землю.

Слѣдуя за этою дивизіею, я нѣсколько шаговъ прошелъ съ однимъ молодымъ офицеромъ, который разстегнулъ сюртукъ и показалъ мнѣ свою израненную грудь. Перевязавъ на скоро рану, онъ спокойно возвратился къ своему батальону. «Тамъ такое идетъ дѣло», сказалъ онъ, указывая мнѣ на лощину, гдѣ кипѣлъ бой, «я необходимо долженъ идти туда».

Нѣкоторые изъ турокъ, стоявшихъ на парапетахъ своихъ укрѣпленій, на нашихъ глазахъ были убиты выстрѣлами. Но какъ только кто-нибудь изъ этихъ смѣльчаковъ сваливался въ ровъ, на его мѣсто являлись другіе. Русскіе солдаты, что меня чрезвычайно тронуло, умѣли цѣнить мужество враговъ и были въ восторгѣ. «Ваше благородіе», говоритъ артиллерійскій солдатъ капитану,—«этимъ бы молодцамъ просто хоть Георгіевскіе кресты!»

Къ пяти часамъ вечера генералу Скобелеву удалось овладѣть вторымъ редутомъ, влѣво отъ люнета, который онъ занялъ утромъ. Первый приступъ двухъ русскихъ полковъ былъ отбитъ. Вдругъ генералъ Скобелевъ становится передъ полкомъ, бывшимъ въ головѣ колонны. «Что это ребята? Полкъ, впередъ! За мною! Музыканты впередъ!» вскричалъ онъ. Подобно урагану, ринулись солдаты—и въ одинъ мигъ взлетѣли на парапеты укрѣпленія.

Въ Гривицу, гдѣ я находился, начали подвозить ране-

ныхъ. Одинъ молоденькій русскій подпоручикъ предложилъ мнѣ отправиться вмѣстѣ съ нимъ по пути въ походный госпиталь общества Краснаго Креста. «Только, сказалъ онъ, я попрошу васъ ѣхать рысью, потому что дѣло у меня спѣшное». На всемъ протяженіи четырехъ верстъ онъ не переставалъ разговаривать, даже шутилъ и, пріѣхавъ въ госпиталь, распростился со мною и сошелъ съ коня. Я уже и не думалъ объ этомъ, но, войдя въ палатку раненыхъ офицеровъ, къ удивленію увидѣлъ молодаго подпоручика, который сидѣлъ на матрацѣ и ждалъ очереди, чтобъ у него вынули пулю изъ ноги.

30-го августа въ госпиталь было уже доставлено около 1,000 раненыхъ, и всѣ почти они принадлежали къ 1-й бригадѣ 5-й дивизіи. Въ восемь часовъ принесли на носилкахъ полковника Шлиттера, который не приходилъ въ чувство съ того времени, какъ получилъ рану. Профессоръ Силишинъ зондируетъ рану и печально покачиваетъ головою. Нѣтъ надежды...

Никогда не забуду я этой грустной сцены, едва освѣщаемой трепетнымъ свѣтомъ фонаря, и прекраснаго мужественнаго лица полковника, неподвижнаго въ своемъ флигель-адъютантскомъ мундирѣ...

Вотъ въ одномъ углу лежитъ раненый солдатъ, мрачный и грустный. Кто-то спросилъ у него, что съ нимъ? Но онъ не о себѣ отвѣтилъ. «Землячка одного моего убили, жалко!» отвѣтилъ солдатъ, а между тѣмъ у него самаго въ рукѣ сидѣли двѣ пули, но объ этомъ онъ даже и не упомянулъ. Въ другой палаткѣ одинъ изъ раненыхъ по временамъ стоналъ. «Послушай, братецъ, говорилъ ему сосѣдъ, зачѣмъ ты это все стонешь? Самъ ты видишь, что меня задѣли почище твоего, а я молчу, чтобъ другихъ не тревожить. Есть, братъ, кого задѣло и почище насъ съ тобой!» Прибавлять что-нибудь ко всему этому излишне. . . . .

19-го и 20-го сентября мы конвоировали Великаго Князя, Карла и Тотлебена, при объѣздѣ ими всѣхъ нашихъ и румынскихъ позицій и батарей. Въ эти дни всѣ работы,

какъ наши, такъ и румынскія, значительно подвинулись впередъ.

21-го же сентября, изъ Плевны вышелъ на рѣку Видъ для фуражировки отрядъ изъ пяти батальоновъ, четырехъ эскадроновъ съ артиллеріею и отправился къ деревнѣ Дольней-Метропольѣ. Но кавалерія отряда генерала Чернозубова, дѣйствуя мѣткимъ огнемъ и огнемъ спѣшенныхъ драгунъ, а также удачными кавалерійскими аттаками драгунъ, казаковъ, кубанцевъ и румынъ, заставила непріятеля вернуться въ Плевну. Наша конная артиллерія дѣйствовала отлично: зажгли деревню, взорвали зарядные ящики и тѣмъ принудили турокъ поспѣшить отступленіемъ.

21-го Великій Князь посылалъ парламентера уговориться на счетъ порядка уборки раненыхъ и погребенія убитыхъ подъ Плевною на будущее время, и достигъ соглашенія. А на другой день полковникъ Левизъ-офъ-Менаръ съ владикавказцами отбилъ у деревни Радомирцы турецкій транспортъ съ солью, хиною и лекарствами, болѣе 1,000 головъ скота и 80 лошадей, а также разрушилъ мостъ у Радомирцы и возстановленную турками телеграфную линію.

Счастье, какъ будто стало улыбаться и подъ вліяніемъ наплывшихъ радостныхъ чувствъ мы, вмѣстѣ съ товарищемъ, отправились сначала въ Систово, а потомъ и въ Зимницу. Въ Систовѣ, однако, мы пробыли всего нѣсколько часовъ и совершенно случайно попали на болгарскую свадьбу. Идя по улицѣ, я услышалъ, что на одномъ дворѣ играетъ музыка. Меня это заинтересовало тѣмъ болѣе, что нашихъ музыкантовъ здѣсь быть не могло, а странствующіе были рѣдкость. Въ это время у калитки стояло нѣсколько солдатъ, которые, вытянувъ шеи, съ любопытствомъ засматривали во дворъ. Я подошелъ и спросилъ, что такое?

— Свадьба ихняя, очень любопытна.

Вхожу; довольно большой, чистый дворъ, въ заднемъ углу котораго находился двухъ-этажный домъ съ балкономъ. Около дома скамейки, на которыхъ возсѣдали гости, съ одной стороны женщины, съ другой — мужчины. Женщины

были одѣты очень мило, не безъ нѣкотораго кокетства... Невѣста была въ зеленомъ платьѣ, перехваченномъ узорчатымъ кушакомъ; голова была убрана цвѣтами.

Женихъ былъ одѣтъ во все черное, бѣлый жилетъ и галстухъ.

Остальные мужчины были въ сюртукахъ, а шаферъ, не знаю ужъ почему, былъ безъ сюртука. Въ сторонѣ сидѣли музыканты—2 скрипки, 1 кларнетъ, солдатскій рожокъ и нѣчто въ родѣ гитары. Когда мы вошли, всѣ засуетились и подали намъ стулья.

При входѣ нашемъ женихъ находился на балконѣ, а невѣста внизу. Но лишь только мы сѣли, какъ невѣста встала и подошла къ жениху. Къ намъ подсѣло нѣсколько болгаръ, которые старались занять насъ разговоромъ. Затѣмъ насъ начали угощать. Сначала намъ поднесли дульчецъ (варенье) и 4 стакана воды. «Во здравіе», поклонившись сказали болгары. Потомъ подошелъ женихъ съ какой-то сладкой водкой, которую пить не было никакой возможности: она жгла ротъ. Какъ-бы въ видѣ десерта, поднесли 2 тарелочки съ конфектами и раззолочеными плющевыми вѣтками. Намъ показали, что вѣтки мы должны наколоть на грудь. Мы такъ и сдѣлали. Еще при входѣ я спросилъ у солдатъ: «а что они — пляшутъ?»—«Отлично, ловко, ваше благородіе». Но, къ сожалѣнію, намъ не удалось видѣть этого ловкаго плясанія, мы торопились. Раскланявшись и поблагодаривъ радушныхъ хозяевъ, мы распростились съ ними, и часъ спустя плелись по невылазной грязи въ Зимницу. Хотя путь былъ недалекій, но крайне затруднительный и тяжелый. Почти весь берегъ Дуная былъ усѣянъ трупами околѣвшихъ отъ натуги лошадей и сломанными телѣгами, чрезъ которыя намъ приходилось пробираться. Но вотъ койкакъ мы добрались до моста, перевели лошадей въ поводу и, полчаса спустя, въѣхали въ Зимницу, въ данный моментъ изображавшей настоящее столпотвореніе Вавилонское. Главная улица съ большимъ угловымъ, грязнымъ и подозрительнымъ ресторaномъ, кишѣла самымъ разношерстнымъ людомъ.

Кого-кого здѣсь только не было?... а больше — мазуриковъ и негодяевъ, съѣхавшихся обирать довѣрчивыхъ русскихъ офицеровъ, наѣзжавшихъ поразвлечься изъ окрестныхъ стоянокъ. На этой же улицѣ, въ сплошную, по обѣимъ сторонамъ расположились въ маленькихъ, недавно выстроенныхъ лавкахъ, продавцы револьверовъ, чемодановъ, часовъ, посуды, одежды и другихъ вещей. Въ этотъ день грязь была ужасная и время отъ времени хлесталъ дождь, на который ни солдаты, ни офицеры, ни продавцы и мошенники не обращали никакого вниманія. Какъ разъ на углу улицы, поближе къ кухмистерскимъ палаткамъ, стояли два сѣроватыхъ невзрачныхъ дома, изъ которыхъ одинъ изображалъ игорный домъ и притонъ шуллеровъ, а другой—постоялый дворъ съ разными увеселительными штучками и мамзелями низшаго пошиба.

Было 7-мь часовъ, когда, поднявшись по грязной и отвратительной лѣстницѣ, я очутился въ единственной большой комнатѣ съ бесчисленнымъ множествомъ дверей, ведущихъ въ аршинныя коморки, то-есть нумера для пріѣзжающихъ. Это и былъ постоялый дворъ. Въ одномъ углу залы, а именно, въ лѣвомъ отъ входа, помѣщался буфетъ; въ слѣдующемъ за тѣмъ простая печь съ плитой, около которой стояли—лохань и нѣсколько опорожненныхъ бутылокъ. Посреди залы, если можно такъ назвать, стояло нѣсколько простыхъ некрашенныхъ столовъ, за которыми, въ сообществѣ съ какими-то грязными оборвышами и двумя дѣвками въ засаленныхъ ситцевыхъ платьяхъ, возсѣдало нѣсколько человѣкъ офицеровъ. По стѣнамъ съ одной стороны висѣли лубочныя картины въ какихъ-то порыжѣлыхъ рамахъ, а съ другой—около печки віолончель, сковорода и скрипка. Публики пока было немного, и грязные нумерные, какъ бы пользуясь этимъ, безъ церемоніи носили черезъ зало лохани и вычищенные сапоги. Съ самаго начала между столами шлялся жидъ-лотошникъ и продавалъ разныя мелочныя вещи. Вскорѣ появились музыканты и, усѣвшись въ углу, хватили какъ-то дикимъ взвизгиваніемъ, общеизвѣстный избитый постильенъ. Крикъ «человѣкъ, пива!» сталъ раздаваться все чаще и чаще.

Сквозь табачный дымъ такъ и выдѣлялись нахальныя, испитыя рожи проститутокъ, и лукавыя—карманныхъ и карточныхъ жуликовъ. Противъ меня сидѣлъ какой-то, не то съумасшедшій, не то упившійся до чертиковъ, отвратительный оборвышъ и испускалъ непонятные хриплые звуки. Весь деревянный дырявый полъ, когда-то бѣлый, покрылся слоемъ сѣроватой грязи и издавалъ гнилой отвратительный запахъ. Сквозь недолгія паузы отчаяннаго оркестра, время отъ времени, раздавалась самая площадная брань, подвыпившихъ солдатъ... Какая-жъ въ самомъ дѣлѣ ужасная, развратная картина, и ей, къ сожалѣнію, было радо скучающее офицерство. Я не могъ здѣсь оставаться и отправился полюбопытствовать въ игорный домъ. Войдя въ первую залу, помѣщающуюся въ нижнемъ этажѣ, я увидѣлъ, какъ разъ по срединѣ, большой билліардъ, на одной сторонѣ котораго была устроена фортунка-лотерея, а на другой — почтамтская лавка со всевозможными корреспонденціями и письмами. По стѣнамъ стояли круглые столы, за которыми, въ перемежку съ какими-то подозрительными на видъ цилиндрами неизвѣстныхъ націй, сидѣли офицера и угощались пивомъ. Бѣдно освѣщенная зала насквозь была пропитана табачнымъ дымомъ, за которымъ я едва могъ различить небольшую дверь, отворять которую, не желающимъ пробовать счастья, запрещала строгая надпись: «Абониментусъ. Входъ неиграющимъ— недозволяется». Для меня все стало яснымъ. Въ первой комнатѣ подпаивали простячковъ, а во второй снимали послѣднюю рубашку. Я, конечно, не обратилъ никакого вниманія на незаконную, кѣмъ-то сочиненную надпись и, толкнувъ дверь, вошелъ въ кромѣшный адъ. Первое, что мнѣ бросилось въ глаза, были цѣлыя груды золота, наваленнаго на столахъ шуллеровъ-банкометовъ. Нѣсколько человѣкъ офицеровъ, блѣдныхъ отъ ужаснаго волненія, играли у столовъ. Въ этой небольшой комнаткѣ, замѣчательно ярко освѣщенной, такъ-же какъ и въ залѣ, было сильно накурено. Бѣдные офицера!... они проиграли то золото, которое было имъ нужно или для

того, чтобы доѣхать до своей части, или чтобы добраться до родины, до родной семьи за ранами...

Разсказывали, что одинъ офицеръ, проигравшійся до тла, при послѣдней ставкѣ вынулъ револьверъ и направилъ его прямо въ лобъ шуллера. Блѣдное, взволнованное лицо офицера не предвѣщало шутки. Злосчастный банкометъ передернулъ съ необыкновенною ловкостью и началъ бить свои собственныя карты. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока на столѣ не осталось ни одного золотаго.

Пробывъ здѣсь съ четверть часа, я отправился на постоялый дворъ искать убѣжища. Но такъ-какъ хозяинъ объявилъ, что всѣ нумера заняты, то мы (зная, что онъ лгалъ), сдвинувъ безъ церемоніи обѣденные столы и подостлавъ шинели, легли преспокойно спать. На другой день, едва только забрезжился свѣтъ, мы осѣдлали лошадей и поспѣшили какъ можно скорѣй выбраться изъ помойной ямы. Пріѣхавъ домой, то-есть въ Горный Студень и, распросивъ о новостяхъ, случившихся послѣ насъ, мы поспѣшили въ свои родимые шалаши и, растянувшись на походныхъ кроватяхъ, вздохнули легко—мы были дома!

Остатокъ сентября мы провели довольно спокойно, забиваясь въ глубь своихъ дворцовъ отъ холода и ненастья.

Подъ вечеръ 31-го августа Его Высочеству Главнокомандующему, въ присутствіи князя Карла, представлено было турецкое знамя, взятое вчера въ Гривицкомъ редутѣ румынскимъ егеремъ Григоромъ Іованомъ. Представилъ этотъ трофей самъ Іованъ, вмѣстѣ съ двумя помогавшими сослуживцами.

Великій Князь приказалъ повергнуть взятое знамя къ ногамъ князя Карла, причемъ наши конвойные казаки и роты Староингерманландскаго батальона прокричали троекратное «ура». Князь Карлъ, въ отвѣтъ на эту любезность, замѣтилъ, что «таковая почесть должна быть воздана не ему, а самому Великому Князю, какъ Главнокомандующему соединенными арміями»; и прибавилъ, «что если онъ не предупредилъ подобнымъ дѣйствіемъ Великаго Князя, то единственно потому, что это еще первое знамя, которое беретъ у непріятеля молодая

румынская армія, а поэтому понятно, что ей не былъ еще знакомъ военный обычай, какъ поступать съ непріятельскими трофеями». Отказываясь отъ почести и замѣтивъ еще разъ, что она по всѣмъ правамъ принадлежитъ князю Карлу, Его Высочество выразилъ полную увѣренность, что это первое знамя далеко не будетъ послѣднимъ, въ числѣ трофеевъ румынской арміи.

Румынскіе солдаты, взявшіе знамя, были тутъ же награждены знаками отличія военнаго ордена.

Начало октября взглянуло на насъ веселѣй.

Ежегодно 4-го октября, въ память блистательнаго дѣла подъ Лейпцигомъ въ 1813 году, лейбъ-гвардіи казачій Его Величества полкъ празднуетъ свой полковой праздникъ. Въ обыкновенное мирное время, этотъ день празднуетъ дивизіонъ, постоянно находящійся въ Петербургѣ, и рѣдко на долю лейбъ-казаковъ выпадаетъ счастіе видѣть въ этотъ день среди себя Августѣйшаго своего шефа, Государя Императора, такъ какъ это время совпадаетъ большею частью со временемъ отсутствія Его Величества изъ столицы. Въ нынѣшнемъ же году, празднованіе лейбъ-казаками своего полковаго праздника было обстановлено особенною торжественностію: предъ праздникомъ, къ 1-му дивизіону, находившемуся уже въ дѣйствующей арміи, присоединился, прибывшій изъ Петербурга, 2-й дивизіонъ.

Въ день полковаго праздника, къ 10-ти часамъ утра, полкъ, въ составѣ наличныхъ двухъ дивизіоновъ, имѣя на правомъ флангѣ Терскій эскадронъ Собственнаго Его Величества конвоя, тоже празднующій 4-го октября свой праздникъ, былъ выстроенъ въ пѣшемъ строю, впереди полевой церкви, и ожидалъ прибытія Императора.

Въ 10½ часовъ утра прибылъ къ полку Августѣйшій Главнокомандующій, Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій, въ мундирѣ лейбъ-гвардіи казачьяго полка. Поздравивъ полкъ съ праздникомъ, Его Высочество занялъ мѣсто для встрѣчи Его Величества. Ровно въ 11-ть часовъ изволилъ прибыть Государь, въ лейбъ-казачьемъ мундирѣ, окруженный блестящею свитой и иностран-

ными представителями. Его Величество, объѣхавъ ряды, сталъ впереди фронта и въ слѣдующихъ словахъ обратился къ полку:

— Поздравляю васъ съ полковымъ праздникомъ! въ этотъ день полкъ оказалъ такое отличіе подъ Лейпцигомъ, какого исторія не забудетъ.

Громкое, восторженное «ура» было отвѣтомъ на поздравленіе Монарха. Затѣмъ, по повелѣнію Императора, военный министръ генералъ-адъютантъ Милютинъ прочиталъ только-что полученную телеграмму отъ Главнокомандующаго Кавказскою арміею, слѣдующаго содержанія:

«Счастливъ, что могу поздравить Ваше Императорское Величество съ блистательной побѣдой, одержанной нашими войсками надъ турками. Мухтаръ-паша разбитъ на голову и отрѣзанъ отъ Карса».

По окончаніи чтенія, Его Величество, обратясь къ полку, произнесъ: «Поздравляю васъ съ побѣдой; Ура!» Громкое, неумолкаемое «ура» раздалось не только по фронту, но и по всему бивуаку.

Послѣ того было скомандовано «на молитву» и начался молебенъ. Во время многолѣтія Государю Императору былъ сдѣланъ, тутъ же расположенною, 1-ю донскою конно-горною батареею 21 выстрѣлъ изъ орудій; во время молитвы за упокой павшихъ за Вѣру, Царя и Отечество воиновъ, Его Величество и всѣ присутствующіе стояли на колѣняхъ. По окончаніи Божественной службы, Императоръ вновь обратился къ полку съ слѣдующими словами: «Благодарю 1-й дивизіонъ за блистательную службу, которую онъ уже на дѣлѣ доказалъ и явилъ себя достойнымъ своихъ предковъ. Надѣюсь, что, если случай представится, то и 2-й дивизіонъ покажетъ себя такими же молодцами, какъ ихъ товарищи». Пропустивъ полкъ церемоніальнымъ маршемъ по-взводно, Его Величество изволилъ, затѣмъ, отправиться къ накрытымъ между бараками столамъ. Надобно сказать, что, не смотря на походную жизнь, обѣдъ для нижнихъ чиновъ вышелъ вполнѣ праздничнымъ: на бѣлыхъ скатертяхъ, разостланныхъ на землѣ, красовались бутылки съ мѣстнымъ виномъ и водкою, яйца, жареные гуси и

утки, бѣлый хлѣбъ и прочія яства. Его Величество подошелъ къ столику возлѣ лейбъ-эскадрона и, взявъ чарку, произнесъ:

— Пью за здравіе Своего молодецкаго полка!

Громкимъ и дружнымъ «ура» огласился бивуакъ. Его Величество снова произнесъ:

— Пью за здоровье вашего атамана и втораго шефа полка, Наслѣдника Цесаревича!

Послѣ того, Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ, какъ старшій изъ лейбъ-казаковъ, провозгласилъ тостъ:

— За драгоцѣнное здоровье Государя Императора, нашего Августѣйшаго шефа!

Тогда Его Величество, поднявъ чарку, изволилъ сказать:

— Пью за здоровье Главнокомандующаго, нашего однополчанина.

Эти тосты были встрѣчены лейбъ-казаками восторженно. Послѣ этого, Его Величество изволилъ подойти къ накрытому столу для нижнихъ чиновъ, чтобы откушать пищи. Но тутъ вышелъ слѣдующій эпизодъ: на столѣ, около котелковъ со щами, не было ложекъ, ибо нижніе чины имѣютъ ихъ при себѣ.

— Ребята, дайте ложку! крикнулъ Главнокомандующій.

Казаки стали переминаться.

— Эхъ, да у нихъ и ложки-то нѣтъ! сказалъ Государь.

Это заставило близъ-стоящаго казака полѣзть за голенище и достать ложку.

Вынувши ее, казакъ вытеръ своими пальцами и подалъ Государю. Монархъ, видя все это, улыбаясь, взялъ ее и началъ кушать казачьи щи. По окончаніи всего, Императоръ осчастливилъ офицеровъ приглашеніемъ къ Себѣ на завтракъ.

За завтракомъ Его Величество, поднявъ стаканъ съ виномъ, произнесъ:

— За здоровье славнаго Моего полка!

Въ этотъ день лейбъ-казаки получили слѣдующія телеграммы:

От Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, изъ дер. Трестеника:

«От души поздравляю казаковъ Его Величества съ полковымъ праздникомъ. Сожалѣю, что полкъ не у Меня и что такъ давно не видалъ его. Пьемъ за здоровье полка.

Цесаревичъ Александръ».

На эту телеграмму командующій полкомъ, флигель-адъютантъ полковникъ Жеребковъ, имѣлъ счастіе отвѣчать Его Высочеству:

«Лейбъ-казаки Его Величества приносятъ Вашему Высочеству сердечную благодарность за особое милостивое вниманіе Августѣйшаго атамана и втораго шефа полка.

«Усердно молились за здравіе и долгоденствіе Государя Императора и Ваше, прося Всевышняго, о дарованіи Вашему Высочеству побѣды».

От войсковаго атамана войска донскаго:

«От имени войска донскаго поздравляю съ полковымъ праздникомъ донцовъ-молодцовъ гвардейцевъ; да поможетъ вамъ Богъ въ честной и славной службѣ вашей!»

На эту телеграмму былъ посланъ слѣдующій отвѣтъ:

«Лейбъ-казаки, въ лицѣ вашего превосходительства, благодарятъ тихій Донъ за память и, помня завѣтъ предковъ, пьютъ за здоровье Ваше и славу войска донскаго».

Лейбъ-казаки завершили праздникъ на своемъ бивуакѣ, куда, часовъ около восьми, собралась вся полковая семья и съѣхались младшіе братья—Терцы и Кубанцы, съ представителемъ ихъ, генераломъ Скобелевымъ 1-мъ, а также многіе гости изъ свиты и военные агенты—шведскій и американскій. Всѣ грѣлись у зажженныхъ костровъ. Явились вино и шашлыкъ *), и тутъ вся семья дружно пила за Царя и славу полка, за все дорогое Дону, Тереку, Кубани, за отсутствующихъ товарищей—лейбъ-казаковъ и кубанцевъ Собственнаго Его Величества конвоя, въ этотъ день праздновавшихъ свой

*) Говядина, жареная на вертелѣ (палкѣ).

праздникъ подъ выстрѣлами непріятеля, находясь на рекогносцировкѣ по софійской дорогѣ.

Долго и дружно бесѣдовала казачья семья, и только восходящее солнце напомнило ей, что 4-е октября прошло и полковому празднику конецъ!

Съ 4-го числа октябрь нахмурился: настали слякоть и дождь; палатки и постели промокли, платье хоть выжми. Небо сдѣлалось сѣроватымъ, и съ сѣвера поползли все новыя и новыя тучи.

Въ Горномъ Студенѣ стали оказываться диссентеріи, а въ лазаретахъ раны стали обращаться отъ холода въ гангрену и, по той же причинѣ, ампутаціи стали не удаваться—то и дѣло стали умирать подъ ножемъ. Вообще, «благословенный небомъ климатъ Болгаріи», какъ называютъ его англійскіе корреспонденты, оказался къ намъ не милостивымъ. Положеніе какъ нашего лагеря, такъ и другихъ, въ эту пору было по истинѣ ужасное. Но съ войсками судьбу ихъ дѣлили квартиры—Императорская и главная, онѣ точно также испытывали неудобства осенней стоянки—и мы не роптали. Но какъ бы то ни было, а среди наставшаго затишья становилось скучновато. Казалось, одни раненые не скучали и по обыкновенію были веселы. Однажды на вопросъ: «писалъ-ли что-нибудь домашнимъ? Раненый отвѣчалъ:

— Какъ же, батюшка, писалъ.

— Небось написалъ: слава Богу живъ и здоровъ? пошутилъ спрашивающій.

— Нѣтъ, отвѣчалъ кротко солдатъ: написалъ—слава Богу, молъ, получилъ, чего желалось.

Любопытный не понялъ и спросилъ, чего же ему хотѣлось?

— Я не желалъ, чтобъ меня убили—умереть не хотѣлось, а желалось посмотрѣть, чѣмъ кончится эта война—дастъ-ли Богъ намъ добить турку такъ, чтобы впередъ не пришлось страдать православнымъ.

Солдатъ изъ Воронежской губерніи, родомъ крестьянинъ, раненъ въ лѣвую руку пулею подъ Плевной 18-го іюля.

Слова его переданы буквально.

Ужъ кое-какъ мы старались коротать скучное осеннее время. Бывало, соберемся подъ отчаяннымъ шалашемъ нашей столовой, какъ разъ среди поля, завернемся въ непромокаемые плащи, да и переливаемъ изъ пустаго въ порожнее. Зачастую къ намъ заходилъ драгоманъ Главнокомандующаго Великаго Князя, г. Мокѣевъ, и отъ-нечего дѣлать тоже болталъ съ нами. Привожу подробный разсказъ о его свиданіи съ адъютантами Османа-паши и о переговорахъ въ турецкомъ лагерѣ.

Согласившись на принятіе рускаго парламентера, турки раскинули у самой своей цѣпи палатку, въ которой и ожидали прибытія г. Мокѣева. Обмѣнявшись съ нашимъ драгоманомъ взаимными любезностями, турки ввели г. Мокѣева въ палатку и спросили его, чѣмъ они могутъ ему служить.

Г. Мокѣевъ сказалъ на это, что Великій Князь приказалъ ему вести переговоры съ самимъ Османъ-пашею, и потому онъ настоятельно проситъ у Османа-паши аудіенціи. Одинъ изъ находившихся въ палаткѣ адъютантовъ Османа попросилъ Мокѣева подождать немного времени, а самъ, сѣвъ верхомъ на лошадь, поѣхалъ къ Осману, чтобы передать желаніе нашего драгомана.

Нѣсколько человѣкъ турецкихъ офицеровъ, оставшихся въ палаткѣ съ г. Мокѣевымъ, начали разспрашивать его о томъ, какъ ему живется и, вообще, какъ живется всѣмъ русскимъ въ Болгаріи въ такую сырую и холодную пору.

— Намъ-то ничего,— отвѣчалъ Мокѣевъ: — мы въ Россіи такъ привыкли къ холоду, что только теперь, въ холодъ, и оживаемъ. А вамъ каково? — переспросилъ онъ турка.

— Намъ очень сыро, — отвѣчали простодушно турецкіе офицеры. — А какъ вы обѣдаете и гдѣ достаете хорошую пищу?— продолжали спрашивать офицеры.

— Я обѣдаю за столомъ Великаго Князя. А вы гдѣ?

— Мы?— каждый у себя.

— Отчего же вы не обѣдаете у Османа-паши?

— Да онъ не приглашаетъ къ своему столу; съ нимъ обѣдаютъ его двое адъютантовъ и больше никого. А у вашего Великаго Князя много садится за столъ?

— Человѣкъ если не полтораста, то 160 или 170,—отвѣчалъ не задумавшись г. Мокѣевъ.

— А много у Россіи нашихъ плѣнныхъ?

— Тысячъ пятнадцать будетъ, пожалуй и больше.

— А у васъ много нашихъ?

— Нѣтъ, не много.

— Ну, а сколько? Человѣкъ сорокъ будетъ?

— Нѣтъ, и того нѣтъ.

Между тѣмъ пріѣзжаетъ адъютантъ Османа-паши и передаетъ г. Мокѣеву, что паша извиняется, что не можетъ его принять, такъ какъ чувствуетъ себя нездоровымъ, и проситъ передать содержаніе порученія г. Мокѣева ему, адъютанту. Г. Мокѣевъ передаетъ. Адъютантъ уѣзжаетъ снова и г. Мокѣевъ остается въ палаткѣ съ прежними турецкими офицерами.

— Къ намъ пріѣзжали какіе-то молдаване и валахи съ переговорами объ уборкѣ труповъ,—продолжали турецкіе офицеры прерванный разговоръ:—разсказывали, что они пріѣхали изъ румынскаго лагеря, а мы никакихъ румынъ не знаемъ; слышали, правда, что къ русскимъ присоединилось нѣсколько человѣкъ валаховъ, но намъ до нихъ нѣтъ никакого дѣла.

— Однако,—замѣтилъ на это г. Мокѣевъ,—на нашемъ лѣвомъ флангѣ румыны дали вамъ почувствовать свое присутствіе.

Турецкіе офицеры промолчали на это замѣчаніе г. Мокѣева.

Возвратившійся вскорѣ адъютантъ Османа-паши передалъ г. Мокѣеву, что паша согласенъ на русское предложеніе, но съ тѣмъ, что на правомъ русскомъ флангѣ турки не могутъ допустить русскихъ собирать трупы.

— Трупы вашихъ солдатъ лежатъ за Гривицкимъ редутомъ, такъ близко къ нашимъ позиціямъ, — сказалъ адъютантъ,—что ваши санитары легко увидятъ расположеніе нашихъ позицій. Лучше мы сами похоронимъ тамъ вашихъ убитыхъ. А ежели вы желаете совершить надъ ними погребальный обрядъ, то мы позовемъ болгарскаго священника.

Разъ, какъ-то, еще мнѣ разсказывали про курьезный эпи-

зодъ, случившійся съ Куропаткинымъ, начальникомъ штаба дивизіи генерала Скобелева 2-го, и я захохоталъ какъ сумасшедшій. Курьезъ заключался въ слѣдующемъ: однажды Куропаткинъ получилъ «Московскія Вѣдомости», и каково было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ въ газетѣ свой собственный некрологъ? Въ некрологѣ описывалась его жизнь, перечислялись заслуги и высказывалось сожалѣніе, что такой молодой и заслуженный офицеръ такъ рано похищенъ смертью. Къ счастію, чтеніе этого некролога только разсмѣшило капитана...

Съ 5-го по 12-е октября въ главной квартирѣ было спокойно. Произведенныя за все это время аттаки румынъ были отбиты. Но вотъ 12-е октября... Положеніе турецкой арміи въ Плевнѣ, казалось, до того ухудшилось, что Осману-пашѣ нужно было непремѣнно сдѣлать попытку прорваться черезъ русско-румынскія линіи. Нужно сказать, что число больныхъ и смертность въ турецкой арміи были гораздо значительнѣе, чѣмъ въ русскихъ и румынскихъ войскахъ; да, кромѣ того, присоединилось еще то обстоятельство, что русскіе могли бы пополнить свою убыль, а армія Османа-паши не только не могла достать подкрѣпленій, но она и не могла вывезти изъ Плевны своихъ больныхъ и раненыхъ. Вотъ почему и стали появляться почти ежедневно дезертиры.

Помнится мнѣ, что въ то время стали сильно поговаривать о томъ, что 1,400 быковъ и 700 повозокъ съ жизненными припасами отправлено будто бы къ Осману изъ Виддина. Но это, дѣйствительно непріятное, извѣстіе не сильно безпокоило насъ, ибо мы знали, что въ самомъ Виддинѣ жизненныхъ припасовъ мало, а потому и не обратили на этотъ слухъ особеннаго вниманія.

12-го октября было дѣло подъ Дубнякомъ, кончившееся для насъ довольно удачно, почти съ равной потерей съ обѣихъ сторонъ, а именно—до 2,500 человѣкъ. Плѣнныхъ офицеровъ было до 80-ти и трофеи: знамя и четыре пушки. На другой день мы, вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ, объѣзжали поле сраженія у Горнаго Дубняка и осматривали занятыя нами

съ бою позиціи. Нечего говорить о томъ, что войска сильно были воодушевлены только-что одержанной побѣдой. Русскіе лагери были расположены по большей части весьма живописно: они были раскинуты, главнымъ образомъ, на высотахъ, и такъ какъ близъ Плевны есть только горы и долины, а равнинъ нѣтъ и слѣда, то холмистая мѣстность, покрытая повсюду палатками, имѣла видъ прелестной декораціи. Почти во всѣхъ долинахъ протекали рѣчки и тамъ, гдѣ есть источники, турки устроили фонтаны. Въ настоящее время эти фонтаны служили мѣстами для водопоя и близъ нихъ были расположены походныя кухни. Послѣднія представляли ничто иное, какъ нѣсколько ямъ, выкопанныхъ въ землѣ; число ямъ измѣнялось сообразно численности расположенныхъ вблизи войскъ. Когда кушанье было готово, то каждый солдатъ подходилъ съ своей посудой и получалъ полагающуюся ему порцію супа, мяса и овощей. Когда аппетитъ удовлетворялся, то солдаты принимались за работу. Впрочемъ, военными работами были заняты только тѣ войска, которыя находились на передовыхъ позиціяхъ, на батареяхъ или въ ложементахъ; остальныя же занимались домашними работами, словно жили еще на родинѣ. Одинъ чинилъ платье, другой сапоги, третій, наконецъ, мылъ бѣлье и очищалъ грязь со своей одежды. Словомъ, и миръ, и война! ...

Не входя въ подробности уже сто разъ описаннаго дѣла, я только сообщу нѣсколько характерныхъ, прекрасныхъ эпизодовъ, слышанныхъ отъ очевидцевъ.

1) Во время жаркой перестрѣлки 12-го октября, нѣсколько смѣльчаковъ, находившихся въ это время въ цѣпи шаговъ въ 200—300 отъ редута, стремительно бросились къ укрѣпленію и подъ градомъ пуль сначала ворвались въ ровъ, а потомъ вскочили на берму. Какія ихъ были намѣренія, пока было загадкой. Но вотъ ошалѣлые турки поправились отъ страха и начали продѣлывать уморительныя штуки. Они высовывались изъ-за бруствера и, наклонивъ ружья, стрѣляли въ солдатъ. Послѣднимъ пришлось поневолѣ туго, такъ какъ они очутились подъ двойнымъ огнемъ и не имѣли возможности

ни отступить, ни идти впередъ. Но солдатъ смѣтливъ: сложивъ въ одно мѣсто ружья, они схватились за лопаты и расположились по бермѣ. Едва какой-нибудь турокъ высовывалъ голову, какъ близъ-стоящій солдатъ бросалъ ему землю прямо въ лицо и потомъ уже безъ труда выхватывалъ ружье. Такимъ образомъ имъ удалось перетащить до 40 ружей и, дождавшись момента общей аттаки, вмѣстѣ съ товарищами ворвались въ непріятельское укрѣпленіе.

2) Передъ самой аттакой на редутъ, наша стрѣлковая цѣпь залегла въ шоссейной канавѣ, на очень близкомъ разстояніи отъ укрѣпленія. Противникъ, понятно, постарался употребить энергическія средства, чтобы отдалить близость непріятнаго знакомства. Для чего и выслалъ орудіе изъ редута съ цѣлью расположить его такъ, чтобы продольнымъ, амфиладнымъ огнемъ поражать стрѣлковъ. Но въ тотъ моментъ, когда въѣхало орудіе, мѣтко пущенная пуля стрѣлка убила лошадь на повалъ. Всѣ находящіеся при орудіи стремительно бросились отпрягать; но въ ту же минуту съ нашей стороны раздался историческій орудійный выстрѣлъ зашипѣла шрапнель и съ трескомъ разорвалась надъ самымъ орудіемъ. Этимъ выстрѣломъ какъ лошади, такъ и вся прислуга и офицеръ были положены на мѣстѣ. Солдаты, при видѣ чуда, невольно сняли шапки и перекрестились.

3) Во время упорной и, такъ сказать, финальной перестрѣлки толпа егерей сгруппировалась для защиты около своего знамени. Съ каждой послѣдующей минутой рѣдѣли защитники святыни. Но вотъ насталъ послѣдній страшный моментъ—вдали показался эскадронъ черкесъ. Гибель знамени казалась неизбѣжной. Но вотъ, какъ изъ земли появился эскадронъ лейбъ-гусаровъ, и молодцы гренадеры вздохнули. Лихой эскадронъ быстро подскакалъ къ знамени и, по всѣмъ правиламъ подъ страшнымъ убійственнымъ огнемъ отдавъ ему воинскую честь, съ наклоненными пиками бросился и отбилъ уже почти умчавшихся черкесовъ. «Молодцы! и дисциплину знаютъ», одобряли ихъ гренадеры...

15-го октября мы уже были съ Великимъ Княземъ въ Бо-

готѣ. Это довольно большая деревня, расположенная въ 10-ти верстахъ отъ Плевны; изъ-за 10 верстъ уже слышны громъ и трескъ снарядовъ. Проживъ недѣлю, мы уже умѣли различать наши ружейные выстрѣлы отъ непріятельскихъ и такимъ образомъ у насъ появилось оригинальное развлеченіе...

Главнокомандующій расположился на одномъ дворѣ въ круглой, теплой палаткѣ, а мы шагахъ въ 50-ти, на пахатномъ полѣ, въ землянкахъ. Жизнь казаковъ въ этой деревнѣ была поистинѣ ужасна! Они не просыпались безъ того, чтобы не очутиться утромъ въ безплатной ваннѣ, такъ какъ въ вырытыхъ землянкахъ оказались родниковые ключи. Чуть-чуть лѣвѣе насъ, расположился бивуакомъ пѣхотный конвой Главнокомандующаго, а передъ обѣими стоянками раскинули свои палатки продавцы и маркитанты. Погода почти во все время стояла ужасная. Быстрые и рѣзкіе переходы отъ оттепели къ морозу, отъ дождя къ снѣгу, сплошные, проливные дожди, сырость и невылазная грязь—положительно измучили всѣхъ. Многіе изъ офицеровъ, однако, пріискали себѣ убѣжища на окраинахъ деревни. И я былъ въ ихъ числѣ.

Передъ моей ветхой землянкой, поросшей уже травой, шагахъ въ 50-ти раскинулся на полугорѣ 69-й военно-временный госпиталь. Бывало встанешь утромъ, выйдешь на дворъ, побродишь, да незамѣтно, какъ-то ужъ по привычкѣ, шагнешь черезъ низкій плетень и зажавъ носъ отъ вони здѣсь же валяющейся падали, направишься къ балкѣ, ее перейдешь, пріятно вдохнешь запахъ жареныхъ котлетъ, несущійся изъ госпитальной кухни, и пойдешь бродить по госпитальнымъ палатамъ. А около кухни уже суетится народъ. Здѣсь и сестра милосердія съ протянутой тарелочкой за супомъ для раненаго; фельдшеръ со шнуркомъ вмѣсто цѣпочки, на которой вмѣсто часовъ, болтаются ножницы—почетный знакъ его званія; солдаты, съ засученными рукавами; зачастую смотритель госпиталя; нерѣдко офицеръ—ихъ наблюдающихъ и братушка болгаринъ съ разинутымъ ртомъ. Здѣсь-же по близости пилятъ дрова, разносятъ горячую воду и таскаютъ умершихъ, въ такъ-называемую мертвецкую—шалашъ, затянутый съ бо-

ковъ парусиной и сверху покрытый соломой; вываливаютъ трупы изъ повозокъ проходящаго транспорта и кладутъ ихъ въ рядъ... все въ перемежку! Вотъ дѣятельность тяжелая и вполнѣ безотрадная. Войдешь бывало, въ офицерскую палатку, да и станешь какъ истуканъ у порога.

— А у васъ опять перемѣщеніе?

— Какъ видите. Вотъ эти два померли, а этого съ транспортомъ отправили... Больно ужъ хотѣлось ему на родину... да рана его не хорошая, какъ-бы на дорогѣ не померъ... Да что, батюшка, кому суждено, не объѣдешь.

— Нѣтъ-ли новостей?

— Нѣтъ!

— Да вы, хоть бы что-нибудь принесли почитать... скука страшная.

— А газетъ развѣ нѣтъ?

— Да есть-то есть, да старыя... новыхъ еще не получали...

И дѣйствительно, мнѣ случалось разъ вытягивать изъ-подъ стола, стоящаго посреди палаты съ образомъ и лампадой, маленькія книженки, по большей части для солдатъ, и старые, еще нераспечатанные нумера газетъ. Впрочемъ, разъ, это было еще въ госпиталѣ, въ Горномъ-Студенѣ, я подошелъ къ солдату, который съ видимымъ удовольствіемъ читалъ какую-то растрепанную книжку, безъ переплета.

— Что ты читаешь, любезный? полюбопытствовалъ я.

— Трагедіи Парижа, часть 2-я, отрѣзалъ солдатъ.

— А первую часть читалъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, я со второй началъ.

— Ну, что-жъ, интересно?

— Очень интересно!

— Ты, значитъ, романы любишь читать?

— Помилуйте, усмѣхнулся солдатъ, какъ не любить-съ, вѣдь это наше ремесло.

— Какое? съ изумленіемъ спросилъ я.

— Какъ какое-съ, да вѣдь я, сударь, наборщикъ...

— Любилъ я также незамѣтно пробраться въ солдатскую палатку и послушать ихъ задушевные разсказы.

Нерѣдко мнѣ удавалось совершенно случайно узнавать курьезные факты.

— Да, братцы, послужили мы съ этимъ самымъ Квиткой... грѣхъ сказать, командиръ первѣйшій и въ цѣпи всегда верхомъ... угаръ!!!

— Да что толковать, мы подъ Никополемъ просто зубами батарею загрызли.

— Какъ такъ?

— Да такъ, потому капитанъ нашъ одно слово молодецъ...

— А дѣло-то какъ было?

— 20-го числа нашъ Галицкій полкъ былъ въ цѣпи и при этомъ по правую и по лѣвую сторону города было по ихней батареѣ и палатки тоже, одно слово, какъ слѣдуетъ. Только, братцы мои, когда началось самое наступленіе, тогда сейчасъ командиръ скомандовалъ: впередъ, и съ самой деревни почитай полкъ бѣжалъ по пахотѣ и кричалъ ура. Ну, въ виноградникѣ залегли и завязали перестрѣлку и выбили его такимъ манеромъ изъ перваго ложемента. Тогда ужъ дальше бѣжать было не въ примѣръ легче, потому прикрытія. Рвы да камни стали попадаться. Тутъ мы какъ понаперли и погнали ихъ, словно стадо. Сейчасъ капитанъ нашъ съ 70 человѣками какъ бросится на батарею; они залпъ; мы дальше, и какъ добѣжали до нее, сейчасъ капитанъ началъ рубить и за штыки руками хвататься. А потомъ, долго не думая, вбѣжалъ туда, зацѣпилъ, братцы, турецкое ружье, да и давай валять, то направо, то налѣво.... страсть! Такъ батарею и отбили. И, что же вы думаете, тамъ вѣдь не остался,—часовыхъ къ батареѣ приставилъ, да и опять впередъ и въ скорости опередилъ всѣхъ...

— Бѣдовый былъ... Сказываютъ, живъ еще...

— Ужъ это, коли кто впереди, того и Богъ бережетъ, ну, и фортунатъ, примѣрно, къ случаю.

— Фортунатъ! передразнилъ солдатъ. А слышалъ, что сказываютъ про Скобелева?

— Не слышалъ, землякъ.

— То-то!.. Сказываютъ, заговоренный.

— Ну?

— Вѣрно, потому въ самомъ Туркестанѣ бухарскій мулла его 7 дней въ ямѣ держалъ и ѣсть ничего не давалъ — отъ пуль заговаривалъ.

— И что же?

— Да то-же, что ни одна пуля его теперь не беретъ.

— А на штыкъ?

— Все одно.

— Ну, може, такая, мѣдная, значитъ, возьметъ.

— Толкуй; говорятъ, нерушимый вовсе сталъ...

Такъ и идутъ, бывало, разговоры, а за ними — не видать какъ и время проходитъ.

Часъ, установленный для перевязки и операцій, какъ-то особенно длился для раненыхъ и по неволѣ казался цѣлымъ вѣкомъ...

Никогда не забуду я одного случая, который былъ въ 69-мъ военно-временномъ госпиталѣ, который и понынѣ кажется мнѣ какъ бы видѣннымъ во снѣ. Я былъ очевидцемъ адскаго, не человѣческаго терпѣнія. Молодецъ былъ рядовой лейбъ-гвардіи Московскаго полка, 13-й роты, Иванъ Платуновъ, получившій въ дѣлѣ нѣсколько пулевыхъ ранъ. Безъ хлороформу при мнѣ какой-то молодой докторъ дѣлалъ ему операцію вынимания пуль. Помню, что при входѣ въ палату, я увидѣлъ, что возлѣ одной кровати, на которой лежалъ рослый солдатъ, суетились докторъ и сестра милосердія. Я подошелъ ближе и увидѣлъ, что солдатъ лежалъ бокомъ. На бедрѣ широкій и глубокій разрѣзъ, черезъ который въ пахъ былъ проведенъ дренажъ.

— Скажите пожалуйста, обратился я къ доктору, зачѣмъ же сдѣланъ такой широкій надрѣзъ, вѣдь пули еще не вынуты?

— Не знаю-съ, отвѣтилъ лаконически докторъ, это въ дивизіонномъ лазаретѣ обработали.

— Да, сказалъ тихо раненый, изрѣзали меня тамъ порядкомъ!

— Не угодно-ли вѣжливо обратился докторъ, посмотрѣть на операцію?

— Вы какъ ее будете дѣлать—безъ хлороформа?

— Да. Водки дамъ.

Прошло нѣсколько мучительныхъ часовъ-минутъ, во время которыхъ ходили за водкой, и когда ее принесли, докторъ уже приготовился, и какъ только больной выпилъ, приступилъ къ операціи.

Больной какъ-бы замеръ и не шевелился. Я думалъ, что онъ заснулъ и заглянулъ въ лицо. Но блестящіе глаза были открыты и въ нихъ была замѣтна твердая рѣшимость молча перенесть пытку.

— Ваня... ты? Ваня, голубчикъ?.. спрашивалъ его, рядомъ лежащій однослуживецъ.

— Я, спокойно отвѣтилъ страдалецъ.

Докторъ, послѣ безчисленныхъ зондированій пальцемъ и тупымъ шиломъ ощутилъ пулю и вынулъ.

— Вотъ она! съ торжествомъ возгласилъ докторъ, одна есть, поищемъ другую.... Солдатъ попросилъ еще водки, которую и выпилъ залпомъ.

— Глубоко сидитъ-съ, невозмутимо замѣтилъ докторъ, надо рѣзать; подайте ланцетъ!.. Удивительная вещь, сколько изрѣзали и все зря.... рана-то, рана какая!

— Можетъ быть еще водки выпьешь? обратился докторъ къ раненому.

— Не надо, кротко отвѣтилъ солдатъ.

Докторъ взялъ снова ланцетъ и медленно началъ новый, глубокій, ужасный разрѣзъ.

Солдатъ ни слова.

— Какая досада, замѣтилъ врачъ, ланцетъ тупъ, ткани еще одной не прорѣзалъ... Ланцетъ!

Больной въ продолженіе адскаго мученія не издалъ ни единаго звука; только, когда была вынута вторая пуля, онъ нервно вскрикнулъ: «кто это сѣлъ мнѣ на ногу», и снова замолкъ.

— Хочешь взять на память пулю, предложилъ докторъ, какъ-бы въ утѣшеніе раненому.

— Богъ съ ней, зачѣмъ! съ досадой отвѣтилъ тотъ.

Я не могъ болѣе выносить этой ужасной сцены и съ тяжелымъ чувствомъ побрелъ въ свою землянку...

Да, съ невольною грустью припоминаю я свое житье въ Боготѣ, въ небольшой темной землянкѣ. Жило тамъ семейство, состоящее изъ старика-отца, старушки, дочери-невѣсты, да хвораго, изнеможеннаго сына.

Рядомъ съ коморкой, въ которой они жили, стояло два буйвола—кажись, все ихъ богатство,—а чуть-чуть подальше, здѣсь же въ углу, лежали собранные съ дворовъ щепки, онучи да пузырьки всевозможныхъ калибровъ.

Войдешь, бывало къ нимъ, а они, поджавъ ноги, сидятъ передъ таганомъ и смотрятъ на грѣющуюся воду. Пища у нихъ была скудная: красный перецъ, разваренный въ водѣ, да выброшенная баранья требушина. Сколько разъ предлагали имъ своихъ щей—не хотятъ, привыкли чуть-ли не къ падали. И такъ съ утра до поздняго вечера сидятъ они надъ таганомъ и тупо смотрятъ на тлѣющій костеръ. Какъ-бы въ раздумьѣ, старикъ возьметъ, бывало, палочку, поковыряетъ въ угляхъ, да и опять положитъ и призадумается. Только-что бабка возьметъ пряжу, сынъ застонетъ и ближе придвинетъ къ огню бѣлыя какъ мраморъ, исхудалыя ноги... И такъ просиживали они съ зари до вечера и, Богъ знаетъ, о чемъ только думали.

— Да чѣмъ болѣнъ-то сынъ? спросилъ я разъ у матери.

Она широко раскрыла глаза и съ нѣмымъ удивленіемъ взглянула на меня.

Я громче повторилъ вопросъ. Та поняла, вскочила и начала показывать, что все болитъ—и грудь, и руки, и ноги.

На другой день я встрѣтилъ доктора и попросилъ совѣта, что дѣлать съ нимъ.

— Да, что дѣлать? въ раздумьи, какъ-бы про себя, сказалъ докторъ.—Вѣдь это брюшной тифъ и болѣзнь эта въ каждой болгарской семьѣ.

— Какое же лекарство? спросилъ я.

— Какъ какое?.. Свѣжій воздухъ, бульонъ, вино, даже мѣстное... вотъ и все...

Гдѣ же леченіе при такихъ условіяхъ, когда во всемъ Боготѣ и одной курицы не найдется, да не только-что курицы, даже и хлѣба, кромѣ кукурузы.

Гдѣ же исходъ отъ нечеловѣческихъ страданій, медленной агоніи и смерти!??..

Разъ день былъ пасмурный такой; послѣ обычнаго каждодневнаго обхода госпиталя, вошелъ я въ землянку. Какъ и всегда, сидѣлъ у тагана старикъ и, какъ дитя, улыбался. Въ рукахъ у него была маленькая жестянка, изъ которой торчалъ разваренный стебель краснаго перца. Рядомъ съ нимъ сидѣла незнакомая мнѣ пожилая болгарка и на ухо шептала что-то хозяйской дочери, у которой голова была повязана пестрымъ платкомъ. Передъ ней стояла чашка съ водой, были набросаны стружки, и болгарка усердно помѣшивала ихъ палочкой.

— Ну, думаю, опять бѣда! и эта свалится съ ногъ,— послѣдняя работница въ домѣ, не даромъ ворожейка.

— Что съ ней? обратился я къ матери.

— Голова, голова больна, тихо отвѣтила та.

Грустнымъ предчувствіямъ суждено было сбыться: черезъ восемь дней здоровая румяная дѣвушка превратилась въ скелетъ. Неотлучно у ея изголовья сидѣлъ старикъ и, поддерживая ея голову, дико блуждалъ глазами. На другой день, часовъ этакъ въ 7 вечера я вошелъ къ больной. Стеклянный взглядъ ея началъ заволакиваться влагой.

— Ну что? какъ бы безотчетно спросилъ я у старика; онъ вздрогнулъ, схватилъ ее за голову и, какъ безумный, зарыдалъ.

— Моя, моя! кричалъ онъ; словно кто вырвалъ ее у него.

Я не могъ выносить долѣе ни стоновъ умирающей, ни воплей старика-отца и бросился бѣгомъ въ свою конуру. Все стихло. Дверь пріотворилась, выглянуло лицо моего деньщика.

— Скончалась, тихо проговорилъ онъ, точно боясь разбудить заснувшую мертвымъ, непробуднымъ сномъ...

Сидѣвшіе въ комнатѣ перекрестились: «упокой Господи душу ея!»

Странная и страшная картина представилась моимъ глазамъ.

Посреди хаты на земляномъ полу лежала покойница. Припавъ къ ней на грудь, неутѣшно горько рыдалъ старикъ. А хворый братъ все по прежнему сидѣлъ у костра съ обвязанными обожженными ногами и безучастно смотрѣлъ на убивающагося отца; старуха-мать прилаживала къ цѣпи котелъ.

Въ продолженіи цѣлыхъ двухъ дней стоны и плачъ не умолкали и па третій день перешли въ неистовые вопли. Понесли хоронить. Добрыхъ два часа они пробыли на кладбищѣ и, вернувшись оттуда, перепрыгнули всѣ черезъ уголь, положенный у порога, вошли въ землянку и сѣли передъ двумя низкими столами справлять тризну. Еле теплились восковыя свѣчи па столахъ...

Пройдетъ еще мѣсяцъ; быть можетъ сынъ умретъ и останутся на свѣтѣ только старикъ да старуха...

Кто кого зароетъ въ землю — вопросъ не рѣшенный, и оставшійся въ живыхъ уже одинъ очутится у тлѣющаго костра.

А сколько разъ мнѣ приходилось выслушивать самые неодобрительные, почти злобные отзывы о братушкахъ-болгарахъ, и еслибы я вздумалъ перечислять причины, вызвавшія подобное нерасположеніе, или вздумалъ бы составить лексиконъ нелестныхъ эпитетовъ, заранѣе говорю, не хватило бы ни бумаги, ни времени. Помимо всевозможныхъ анекдотовъ. разсказываемыхъ такъ охотно, къ сожалѣнію, существуетъ масса дѣйствительно совершившихся фактовъ болѣе непріятныхъ. Но если доискаться, что называется, до корня небылицъ и былицъ, то, право, братушки окажутся менѣе виновными, чѣмъ кажутся съ перваго взгляда.

Приведу, напримѣръ, слѣдующій фактъ:

Во время послѣдняго акта кровавой драмы подъ Плевной, одинъ пѣхотный офицеръ, будучи тяжело раненъ, былъ перенесенъ на время санитарами въ болгарскую хату, въ которой уже лежало нѣсколько раненыхъ солдатъ. Отъ потери крови офицеръ скоро лишился чувствъ, и когда открылъ глаза, то

прежде всего увидѣлъ въ дверяхъ какую-то человѣческую фигуру.

— Кто тамъ? слабо простоналъ онъ.

— Братушка, было отвѣтомъ.

— Воды... попросилъ раненый.

— Нима воды .. Азъ не водоносъ.

А колодезь былъ всего въ нѣсколькихъ шагахъ.

— Разведи огонь, снова попросилъ офицеръ.

— Нима дарва, также невозмутимо отвѣтилъ братушка и вышелъ изъ хаты.

Часъ спустя, онъ вошелъ въ комнату и сталъ шнырять взадъ и впередъ, безъ церемоніи толкая носилки. Поднялись стоны, проклятія и крики: «братцы, родимые, пристрѣлите меня!» Тогда офицеръ, собравъ послѣднія силы, вскочилъ съ носилокъ и, подбѣжавъ къ болгарину, ударилъ его. Тотъ выскочилъ изъ хаты, оставивъ дверь не прикрытою. Чуть не ползкомъ выкарабкался офицеръ изъ хаты—душной коморки, и опустился у порога вздохнуть свѣжимъ воздухомъ. Довольно ясно еще доносились ружейные и артиллерійскіе выстрѣлы изъ-за Вида—драма клонилась къ концу. Вскорѣ офицеръ услышалъ невдалекѣ отъ хаты слабые стоны и поползъ туда на четверенькахъ. Шагахъ въ сорока стояло нѣсколько носилокъ, на которыхъ лежали раненые солдаты и одинъ турокъ, прикрытый нашей солдатской сѣрой шинелью.

Но скоро выстрѣлы замолкли, и полчаса спустя, раненый, еле держась на ногахъ, поплелся къ землянкѣ. Увидѣвъ дверь запертою, онъ удивился, такъ какъ вспомнилъ, что по уходѣ забылъ запереть ее. Каково же было его удивленіе, когда, войдя къ раненымъ, онъ увидѣлъ слѣдующую картину: посреди коморки дружно пылалъ небольшой костеръ, и болгаринъ вмѣстѣ съ женой и двумя дочерьми ухаживалъ за ними, то и дѣло подчуя холодной водой.

На вопросъ офицера, что все это значитъ, болгаринъ засмѣялся и совершенно спокойно сказалъ:

— Османъ сдался!

— Почему-же ты не далъ воды и костра не развелъ прежде? все еще недоумѣвая, спросилъ офицеръ.

Братушка пожалъ плечами и усмѣхнулся.

— Тогда нельзя было—Плевна была ничья...

Тогда только офицеръ понялъ и не задалъ больше вопроса.

Другой разъ... это было, впрочемъ, со мной и однимъ моимъ близкимъ товарищемъ. По дорогѣ изъ Горнаго Студеня засталъ насъ сильный дождь и мы, чтобы укрыться отъ непогоды, забрели въ деревню Турскій Сливъ. Хозяева того дома были болгары и на дому содержали нѣчто вродѣ кабачка.

Встрѣтили насъ далеко не дружелюбно, и на вопросъ, нѣтъ-ли чего-нибудь поѣсть?—только чмокнули губами, что значило нѣтъ. Когда же я, указавъ на товарища, сказалъ, что онъ князь и что у него на дому цѣлый сундукъ желтичекъ, и когда послѣдній тотчасъ же щедро заплатилъ имъ за курицу, болгары измѣнили обращеніе. Мало того, они пригласили насъ подойти къ печкѣ, на которой стояло нѣсколько образовъ, зажгли восковыя свѣчи и начали преусердно молиться Богу...

Казалось, только-что разсказанные два случая должны были бросить пятно на болгаръ — первый, свидѣтельствующій объ ихъ жестокосердіи, а второй—о ханжествѣ и лицемѣріи...

Ничуть не бывало.

Вспомните только, какъ часто въ эту кампанію, да и прежде, прекрасныя іюльскія ночи мгновенно смѣнялись далеко не прекрасными варѳоломеевскими—и скверный поступокъ вызоветъ снисхожденіе. Вспомните, какъ, чуть-ли не съ быстротою молніи, луна замѣнялась крестомъ, и крикъ: «Да живе Россія!»—крикомъ: «Да живе Турція!» Вспомните, сколько разъ сожигались и опустошались деревни, сколько разъ ограблялись и мучились братушки—и скверный поступокъ найдетъ оправданье.

Во внезапномъ же порывѣ къ молитвѣ братушекъ скорѣе можно усмотрѣть ихъ радость, вызванную щедрой платой и тѣмъ, что Богъ послалъ имъ князя, да такого богатаго и добраго.

Одновременно съ этимъ, въ умѣ возстаютъ другія болѣе радостныя и теплыя картины прошлаго житья-бытья съ этими же братушками. Невольно припоминаются свѣтлые дни, проведенные въ г. Систовѣ, тотчасъ послѣ блистательной переправы. Съ какимъ неподдѣльнымъ восторгомъ встрѣтили насъ тогда освобожденные братушки, съ какою готовностью давали все—и солдатамъ, и офицерамъ. Помню я и небольшой чистенькій домикъ, не далеко отъ православнаго собора. Жило тамъ болгарское семейство, отца котораго безжалостно отравили турки, заподозривъ въ мнимой измѣнѣ. Оно состояло изъ старушки-матери, дочери красавицы Екатерины, да подростковъ — двухъ дѣвочекъ и мальчика. Встрѣтили меня какъ роднаго, отвели лучшую комнату и кормили чуть-ли не на убой. Когда же я уѣзжалъ, предложилъ имъ денегъ; они обидѣлись, отказались на отрѣзъ и сказали:

— Если бы мы позволили взять хоть грошъ, то Богъ бы намъ этого никогда не простилъ. Вы пришли Богъ знаетъ откуда, и пришли ради насъ, бросили своихъ матерей, женъ и дѣтей; ради насъ лишаетесь всего, страдаете, умираете—и чтобы мы послѣ этого, въ знакъ благодарности, взяли бы съ васъ за кусокъ хлѣба?!! Нѣтъ, Степанъ, прослезилась старушка, не обижай насъ!

Какъ часто послѣ того видѣлъ я мать и дочь, отправляющихся съ узелками къ нашимъ раненымъ въ госпиталя и возвращающихся со слезами на глазахъ. Помню также, что въ одно изъ моихъ посѣщеній я сильно заболѣлъ. Нужно было видѣть, съ какою материнской нѣжностью ухаживали онѣ за мною и какъ мать просиживала ночи у изголовья, все укрывала меня и цѣловала въ горячій лобъ...

Рождаются болгары добрыми, мужественными, со всѣми лучшими задатками, а потомъ, какъ брошенный безъ поливки цвѣтокъ, — глохнутъ и засыхаютъ.

Вотъ что пишетъ Каразинъ: «Во время жаркаго боя подъ Шипкой, въ боковыхъ ущельяхъ, поближе къ мѣсту боя, гдѣ сочатся холодные родники, толпятся болгарскія дѣти съ кувшинами; они набираютъ воду, тащатъ ее на батареи, живо

расходуютъ эту влагу и бѣгутъ за новою ношей. Сколько уже горячихъ, запекшихся губъ приложились къ краямъ ихъ кувшиновъ, сколько силъ возобновилось ихъ работою, сколько нѣмыхъ благословеній неслось за ними вслѣдъ, когда они весело и бойко бѣжали къ родникамъ съ пустою посудою; сколько этихъ благословеній встрѣчало ихъ возвращающимися на мѣсто боя!

Цѣлая вереница дѣтей, наполнивъ свои кувшины, направляется къ опасному мѣсту. Они уже поднялись на первый взлобокъ, съ котораго имъ уже виденъ бой; виденъ если не бой, то навѣрное бѣлые клубы пороховаго дыма—это уже замѣтно по глазамъ старшей дѣвочки, лѣтъ тринадцати; широко раскрытые, эти большіе, темные глаза, устремлены впередъ; дѣвочка вся погружена въ созерцаніе боя, машинально шагаетъ подъ тяжестью своего глинянаго кувшина; ничего она не видитъ другаго, не замѣчаетъ даже, какъ маленькій братъ ея испуганно показываетъ на раненаго уже мальчика, поставившаго свой кувшинъ на землю и серьезно перевязывающаго платкомъ свою искалѣченную ножку. Раненъ-ли онъ на самомъ мѣстѣ, въ ту минуту, когда подносилъ свой кувшинъ къ губамъ усталаго солдата, раненъ-ли онъ на дорогѣ шальною пулей—кому до этого дѣло?.. Можетъ быть и сюда, на этотъ самый взлобокъ, долетаютъ уже турецкіе снаряды. Мѣсто открытое, коли съ него видно турокъ, такъ и туркамъ видны эти маленькіе водоносцы, а турецкая пуля бьетъ все безъ разбора, для нея нѣтъ ничего заказнаго. Бьетъ она и ради мести и ради того, чтобы на всемъ сорвать зло своихъ неудачъ, ради того, чтобы отбить охоту не въ свое дѣло вмѣшиваться...

И большинство такихъ славныхъ дѣтей гибнутъ и гибнутъ безвозвратно въ душной затхлой атмосферѣ.

Какихъ же благотворныхъ плодовъ ожидать отъ подобной животно-несчастной жизни? Какихъ добродѣтелей и нравственныхъ чертъ ожидать отъ погребенныхъ за-живо злосчастныхъ гонимыхъ людей? Чему удивляться, что грязь грязная, и что человѣкъ, упавшій въ нее, не чистъ, какъ новорожденный ребенокъ.

«Посмотрите, какая у него морда злая», — толкуютъ безумные, сами не зная того, что у него отнято все и близкіе его — отецъ, жена, дѣти обезчещены и перерѣзаны! Честь и слава болгарамъ за святую нравственность, которая у нихъ есть и которой у насъ нѣтъ! Честь и слава имъ, если среди ихъ выискиваются добродѣтельные, честные люди... Есть и такіе, которые по заповѣди Христа «за зло платятъ добромъ». Масса брошенныхъ турецкихъ дѣтей выкормились грудью нѣкоторыхъ добрыхъ болгарскихъ женъ. Это не сказка, а совершившійся фактъ...

Рядомъ съ этимъ отраднымъ фактомъ укажу на другой и попрошу тѣхъ, кто порицаетъ безпощадно болгаръ, объяснить происхожденіе перваго.

11-го января изъ Хавса генералъ Струковъ, командующій тогда 1-ю кавалерійскою дивизіею, писалъ генералу Скобелеву, слѣдующее:

«Въ настоящее время послы турецкіе въ главной квартирѣ. Вашему превосходительству извѣстно, что я повалилъ висѣлицу въ деревнѣ Семенли, иду по слѣдамъ огня, крови и неистовства. Администрація турецкая не успѣваетъ убирать данныя своего звѣрства, убѣгая отъ авангарда вашего превосходительства. Присылаю вамъ улику, которую прошу покорно отправить тотчасъ Великому Князю Главнокомандующему, пока послы еще въ главной квартирѣ: шейное кольцо; для рукъ, ногъ цѣпи и т. д., найденные мною въ канавѣ, въ особой комнатѣ инквизиціи».

Къ письму этому приложенъ протоколъ, подписанный бывшими здѣсь начальниками.

Вспомните—извѣстный Лассаль говоритъ, что жиды, пробывшіе такъ долго въ рабствѣ, сохранили всѣ свойства рабовъ; а я говорю, что болгары, пробывшіе вѣка въ рабствѣ, сохранили черты свободнаго народа...

Вотъ эти-то мысли появились у меня подъ впечатлѣніемъ тѣхъ грустныхъ картинъ, которыя такъ часто приходилось мнѣ видѣть!.. и никто не разубѣдитъ меня въ противномъ...

Въ одинъ прекрасный и теплый день, мнѣ какъ-то взду-

малось проѣхаться на Царскій люнетъ: ужъ больно мрачныя картины надоѣли; оттуда какъ на ладони видна Плевна.

Сборы—недолгіе: осѣдлалъ коня и поѣхалъ... Путь лежалъ черезъ 69-й военно-временной госпиталь, достигнуть котораго можно было не иначе, какъ переправившись, чуть не съ опасностью жизни, чрезъ грязную балку, какъ разъ у госпитальной кухни,—переправа совершилась благополучно.

Весело оглядывался по сторонамъ я, привѣтливо раскланивался съ встрѣчающимися братушками и, пригрѣтый солнышкомъ, напѣвалъ себѣ подъ носъ плоештскій маршъ. Поднявшись на послѣднюю горку, я у подножія увидѣлъ разбросанную деревню, по обѣимъ сторонамъ которой виднѣлись госпитальныя палатки. На встрѣчу вышелъ докторъ. Мы раскланялись.

— Позвольте узнать, это госпиталь?

— Нѣтъ, отвѣчалъ докторъ, это подвижной лазаретъ 2-й дивизіи. Хотите взглянуть на наше житье-бытье? милости просимъ...

Я слѣзъ съ лошади и, передавъ солдату, вошелъ за докторомъ въ одиноко-стоящую палатку. Въ ней оказался больной офицеръ, около котораго съ материнскою заботливостью ухаживалъ деньщикъ. По срединѣ палатки печь, выложенная изъ земли, съ двумя трубами, изъ которыхъ одна шла сверху, а другая снизу и обѣ выходили наружу.

Мы осмотрѣли палатки и во всѣхъ нихъ оказался замѣчательный порядокъ. На больныхъ было чистое бѣлье и въ теплой одеждѣ не было недостатка. Между прочимъ, докторъ сообщилъ, что здѣсь 5 врачей: одинъ главный, два старшихъ ординатора, два младшихъ, девять фельдшеровъ и тридцать служителей, и что у нихъ только легко раненые, такъ какъ болѣе серьезные тотчасъ отправляются по госпиталямъ.

— Да-съ, полуукоризненно замѣтилъ докторъ, оно не дурно, сами изволите видѣть, а будь лазаретъ въ полномъ составѣ (вѣдь онъ теперь только въ половинномъ) было бы гораздо лучше. Сами посудите, возможное-ли дѣло съ такими средствами оказывать помощь тысячамъ? Вѣдь у насъ всего 83

мѣста, а наприм. 27-го августа и потомъ отъ 30-го—31-го, въ продолженіи какихъ-нибудь пяти дней, черезъ нашъ лазаретъ прошло до 3000 раненыхъ... Какъ же съ ними управиться? Не удивительно, что раненые должны лежать не въ палаткахъ, а на открытомъ воздухѣ, и лежать до тѣхъ поръ, пока ихъ не перевяжутъ и съ транспортомъ не отправятъ далѣе въ госпиталя.

Въ дивизіонныхъ лазаретахъ скопляется такая масса раненыхъ, продолжалъ врачъ, что удовлетворить ихъ пищей нѣтъ никакой возможности. Котловъ и вообще кухонныхъ средствъ имѣется ограниченное и притомъ очень малое число. Что же вы будете дѣлать, если вокругъ (во время дѣла) появится нѣсколько тысячъ человѣкъ? Такъ было и у насъ, это во время дѣла подъ Плевной 30-го—31-го августа, просто, батенька, головы потеряли... Котловъ было заготовлено на 80 человѣкъ, а раненыхъ пришло въ эти дни до 3000 человѣкъ. Ужь коекакъ умудрились готовить по нѣскольку разъ, и то врядъ-ли всѣ были удовлетворены...

— Чѣмъ же горю помочь? Вѣдь пришлось бы таскать такую обузу,—замѣтилъ я.

— Эхъ, батинька, перебилъ меня докторъ:—ни того, ни другаго не нужно... увѣряю васъ... Позаботься только Общество Краснаго Креста о томъ, чтобы были доставляемы на эти пункты консервы—и дѣло было бы улажено. Вотъ и въ бѣльѣ недостатокъ; тоже нужно побольше. Вѣдь то и дѣло рѣжемъ рубашки да кальсоны, снимать ихъ наука запрещаетъ.

Наконецъ мы вошли въ палатку.

— Вотъ-съ,—обратился докторъ,—удивительный случай.

Передъ мною стоялъ рядовой Ревельскаго полка съ перевязанной головой.

— Изволите видѣть,—продолжалъ докторъ,—пуля ударила сзади уха съ лѣвой стороны, прошла надъ скуловою костью, раздробила наружную стѣнку горла, и, не повредивъ ни мозга, ни глаза, вышла вонъ. Удивительный случай, и будетъ живъ.

— А вотъ-съ, не угодно-ли сюда взглянуть.

И онъ указалъ на лежащаго въ противуположномъ углу:

— Этотъ «за пѣсни раненъ».

— Какимъ образомъ?

— Простымъ-съ. Ихъ пришли смѣнять, были въ цѣпи; съ радости и хватили разудалую. Турки всполошились и открыли пальбу. И вотъ видите чѣмъ кончилось пѣніе... Да мало-ли что между ними бываетъ. Чай, слышали, какъ солдаты гранату разряжали?

— Это было нѣсколько дней тому назадъ. Два солдата Калужскаго полка находились въ цѣпи, лѣвѣе Царскаго люнета. Одинъ изъ нихъ, по-моложе, нашелъ неразорвавшуюся гранату и, долго не думая, бросилъ ее въ пылающій костеръ. Тѣмъ временемъ подошли еще солдаты и одинъ изъ нихъ, набивъ трубочку, подошелъ къ костру. Но въ это мгновеніе раздался страшный трескъ, и гранату разорвало. Двое изъ солдатъ были сильно контужены; одинъ въ лѣвую, другой въ правую щеку.

Въ это время въ палатку внесли молодаго солдата, который во время чистки ружья прострѣлилъ ногу.

— Это какъ угораздило?—обратился докторъ.

— Да что, махнувъ рукой, съ досадой отвѣтилъ солдатъ:—счастіе ужъ, знать, такое; ничего не подѣлаешь.

Когда начали дѣлать перевязку, я вышелъ и, сѣвъ на лошадь, двинулся дальше.

Я миновалъ землянки. Очаровательная картина... Широкой лентой извивался глубокій каменистый оврагъ, на днѣ котораго, какъ змѣй, извивался чистый, хрустальный ручей. Дальняя деревня какъ бы повисла надъ оврагомъ.

Я сталъ спускаться по узкой каменистой дорогѣ. Но не успѣлъ я сдѣлать и нѣсколькихъ шаговъ, какъ вдали показался призракъ. Я началъ всматриваться и вскорѣ могъ различить какъ разъ у ручья совершенно нагаго человѣка. Что это такое? думалось мнѣ: купаться и сумасшедшій въ эту пору не станетъ. Но вотъ видѣніе поворачивается, бѣжитъ и сквозь землю проваливается.

Подъѣхавъ ближе, я увидѣлъ какъ разъ у бассейна полуземлянку, изъ отверстія которой валилъ паръ.

Передъ землянкой солдатъ съ ведромъ.

— Служба!—кричалъ онъ,—воды!

Я подъѣхалъ ближе.

— Это что?

— Баня.

— Кого-жъ ты зовешь?

— Земляка.

— Зачѣмъ?

— За водой.

— А самъ?

— Помилуйте, за мной служба стоитъ, а я босикомъ,—неравно простужусь.

— А изъ бани зачѣмъ выскакиваете?

— Это ничего,—успокоительно отвѣтилъ солдатъ.—Кому какъ, другой и въ ручьѣ послѣ того выкупается; Богъ милостивъ, сойдетъ...

Я употребилъ всѣ усилія, чтобы доказать, на сколько это вредно. Но видно было, солдатъ не вѣрилъ.

Добравшись до вершины, я остановился. Что за странная, а вмѣстѣ и прелестная картина! Глазъ упирался въ снѣжные Балканы. Мѣстность была неровная—бугры да лощины. Вдали, какъ бы въ туманѣ, виднѣлся бивуакъ пѣхотнаго полка, съ котораго явственно доносились звуки народнаго гимна, подчасъ заглушаемые одиночно раздающимися орудійными выстрѣлами. Еще нѣсколько шаговъ — и поле буквально было усыпано солдатами, которые, набравъ въ манерки щей, тутъ же на полѣ, кто сидя, кто лежа, совершали трапезу. А возлѣ пастухъ-болгаринъ пасъ стадо овецъ и наигрывалъ на волынкѣ. Миръ и война! Что за странное сочетаніе!... До Царскаго люнета было недалеко. Спустя четверть часа, я созерцалъ Плевну. Слѣва обрисовались угрюмыя скалы, а справа тянулись голубыя горы, изъ-за которыхъ по временамъ взвивались бѣлые дымки. Въ нѣкоторые, заранѣе условленные мо-

менты, батареи дѣлали залпъ и чудовищное эхо раздавалось въ горахъ.

— А что,—обратился я къ офицеру,—придется по одной гранатѣ на человѣка?

Офицеръ засмѣялся.

— Это было бы хорошо; но, къ сожалѣнію, быть этого не можетъ. Статистическія данныя послѣ французско прусской кампаніи показали, что на каждаго убитаго пришлось до ста пудовъ свинцу!

По дорогѣ я завернулъ на бивуакъ, кажется, Лнбавскаго полка и былъ радостно встрѣченъ офицеромъ, съ которымъ познакомился ранѣе. Разговорились. Въ числѣ эпизодовъ онъ разсказалъ, что на-дняхъ офицеръ, въ сопровожденіи казака, по ошибкѣ, попалъ вмѣсто своихъ ложементовъ въ непріятельскіе. Видя ихъ такъ смѣло ѣдущихъ, турки и не подумали останавливать. Но вскорѣ офицеръ первый замѣтилъ ошибку и, долго не думая, вынулъ бѣлый платокъ и началъ махать. Тотчасъ къ нему подбѣжали турки, которымъ онъ спокойно передалъ, что присланъ въ качествѣ парламентера. Ему не повѣрили и вмѣстѣ съ казакомъ препроводили къ начальнику. Допрошенные врознь, какъ офицеръ, такъ и казакъ показали одно. Простодушные повѣрили и отпустили... Я возвратился домой.

Снова жизнь потянулась крайне однообразно. День и ночь тянулись транспорты съ больными и ранеными. Какъ не выйдешь—все повозки, повозки и повозки. Подойдите къ нимъ—и невольный ужасъ охватитъ васъ.

— Эй, родной! нельзя ли хоть чѣмъ-нибудь завязать... больно пересохло... слышь... братецъ... и ужъ только рѣжетъ, такъ рѣжетъ...

— Нѣту... и ужъ нѣту ничего... вотъ потерпи—недалеко.

А какъ было терпѣть?.. ныли переломленныя кости и при всякомъ невольномъ движеніи, осколки впивались въ тѣло, впивались въ нервы, лихорадочная дрожь пробѣгала по трепетавшему тѣлу и... все что жгло, сильно жгло и рану и нутро, какъ выражались солдаты. Вотъ изъ слѣдующей повозки, по-

дымается какая-то страшная не человѣческая фигура... вы ближе—и смертельная дрожь пронизываетъ васъ. Вы видите изнеможеннаго блѣднаго турка, у котораго почти на ниточкѣ болтается вся нижняя до горла прорубленная челюсть; онъ протягиваетъ къ вамъ руки, силится что-то сказать и страшно бормочетъ. Вы невольно слѣдите за нимъ и видите, что онъ протягиваетъ руки въ глубь повозки, откуда торчатъ исхудалыя ноги мертвеца. Отъ ужаса вы вскакиваете въ первую палатку и снова вздрагиваете всѣмъ тѣломъ—передъ вами ужасная картина: снятые только-что съ возовъ не перевязанные турки, покрытые изодранною одеждою, въ которыхъ гнѣздятся миріады насѣкомыхъ, облитыхъ у нѣкоторыхъ гноемъ, валяются на разложенной соломѣ. Минуту спустя, милосердныя сестры и доктора заботливо ухаживаютъ за ними. Вы снова бѣжите и снова наталкиваетесь на ужасное зрѣлище. Скорѣй же бѣгите въ крайнюю палатку; тамъ отдыхъ ждетъ васъ, тамъ, быть можетъ, вамъ удастся вмѣстѣ съ сестрами пожелать добраго пути, на родину отправляющимся воинамъ. Картина!..

Офицерская палатка. Столъ съ образомъ и лампадой. По срединѣ раненые въ красныхъ фуфайкахъ и теплыхъ шапочкахъ. Время завтрака Шумъ и оживленный говоръ.

— Господа! скорѣе завтракать и—въ путь дорогу.

— Конечно! конечно! раздается со всѣхъ сторонъ.

— Однако, уже сорокъ минутъ перваго. Сестрица, что-же повозки?

— Готовы, господа. А торопиться все-таки не слѣдуетъ, покушайте и съ Богомъ — скатертью дорога...

Сегодня день торжественный для раненыхъ; ихъ отправляютъ въ Россію. Они торопятся; имъ, кажется, минута дорога. Служителя, какъ угорѣлые, мечутся изъ угла въ уголъ. Франки, а по ихнему «храпки», мерещатся въ глазахъ. «Ахвицерскіе деньщики», какъ ихъ величаютъ солдаты, суетятся около повозокъ и прилаживаютъ кровати для своихъ господъ; фельдшера перебѣгаютъ отъ одной кровати къ другой, на лету перевязывая и снабжая отъѣзжающихъ бинтами. Сестры мило-

сердія одѣляютъ больныхъ теплой одеждой, виномъ и папиросами. А доктора мѣрнымъ голосомъ даютъ совѣты, какъ вести себя въ дорогѣ. Становитесь и наблюдайте: у входа сгруппировывается нѣсколько офицеровъ въ полушубкахъ и сѣрыхъ халатахъ.

— Ѣдемъ, ѣдемъ, господа! торопились раненые.

— Да погодите, оглашенные, улыбаясь замѣчаетъ сестра. Еще не всѣ готовы... ну, чего вы стоите да зябните?... Больные бросаются къ сестрѣ и начинаютъ цѣловать у нее руки.

— Голубушка ты наша, сестрица. Спасибо, родная, за хлопоты о насъ. Увидимся въ Петербургѣ, съ радостью вспомнимъ былое.

— Благодарствуйте, отвѣчаетъ сестрица, прослезившись.

— А вотъ и вино. Сестрица, глоточекъ. Погладьте-жъ своимъ паціентамъ дорожку.

Больные усаживаются въ кружокъ и возлѣ себя сажаютъ сестру.

— Да найдите моего черта куцаго, деньщика; куда онъ дѣвался?

— Пей, братъ, портвейнъ, и деньщикъ твой предстанетъ.

— Сестра! карточку вашу. Да смотрите не обманите. Ручку, ручку пожалуйте, наша добрая сестра! чуть не плача надрывается старый капитанъ.

— Всѣмъ, всѣмъ пришлю! успокоиваетъ сестра.

— Господи! Изъ насъ кто-то умретъ!

— Типунъ на языкъ!

— Вѣрно, кроватъ скрипнула.

— Молчите! ворона вы этакая! полу-шутя, полу-серьезно замѣчаетъ сестра.

— Докторъ! докторъ! кричитъ офицеръ, ковыляя на костыляхъ:— помилуйте, соломы пѣтъ!

— Все будетъ, смѣется докторъ. Только сами поменьше ходите,—вредно-съ!

— Не буду, покорно отвѣчаетъ раненый; ей-Богу не буду.

— Господа! торжественно возглашаетъ раненый, со всѣми вами я снова встрѣчусь въ Адріанополѣ; попомните слово.

— Давай Богъ. Поправимся и тотчасъ вернемся.

— Еще бы. Мнѣ бы только въ баньку, а тамъ — и на турка съ величайшимъ удовольствіемъ.

— Слава Богу, что костей у меня не перебили, скоро поправлюсь.

— Господа раненые! возглашаетъ вошедшая сестра, коньякъ берите на дорогу. А вотъ и папиросы! берите.

— Не надо, сестрица, отговариваются раненые, есть у насъ все.

— Берите, слышите! я вамъ приказываю, смѣется сестра. Больные ее окружаютъ....

— Подводы поданы! кричитъ служитель. Подымается шумъ и суматоха.

— А я съ кѣмъ поѣду?

— Одни, одни! одѣвайтесь скорѣй.

— Эй, ты, дядя, поддержи, безъ руки безногаго!....

— Шапку, шапку отдайте. Куда ты, михрютка, ее задѣвалъ? Экое несчастье, Господи, Боже мой!

(Раздается пѣніе и свистъ).

— Выносите! А то ужъ тамъ двое засѣли и ждутъ не дождутся, когда повезутъ.

— Васъ нужно на носилкахъ нести. Куда вы идете? сердится сестра.

— Матушка ты моя. Ей-Богу дойду. Костыли ахтительные.

Деньщики быстро собираютъ всякій скарбъ и выносятъ.

— Ну прощайте, сестры! прощайте, доктора! спасибо, родные, за уходъ и ласку.

Раненые обнимаютъ докторовъ, цѣлуютъ руки у сестеръ, и кто при помощи деньщика, а кто и—костылей, бредутъ къ повозкамъ.

Въ сторонѣ плачетъ сестра милосердія.

— Съ Богомъ, родные! Христосъ вамъ помоги!...

Транспортъ тихо трогается....

Вотъ тѣ картины, которыя попадались вамъ на каждомъ шагу. Не въ нихъ, понятно, искали мы утѣшенія, и съ радостью отрывались, когда приходилось конвоировать Великаго

Князя или Государя. Такъ 20-го октября, мы сопровождали Императора, при объѣздѣ имъ нашихъ позицій, послѣ дѣлъ подъ Горнымъ Дубнякомъ и Телишемъ. Вотъ этотъ-то объѣздъ великолѣпно описанъ корреспондентомъ «Москов. Вѣд.». Въ 11-ть часовъ генералъ Гурко сѣлъ на коня, чтобы ѣхать на встрѣчу Его Величества. Свита генерала потянулась за нимъ въ томъ же видѣ, въ томъ же порядкѣ, въ какомъ еще недавно выѣзжала она подъ Горнымъ Дубнякомъ, подъ Телишемъ на поле брани; ѣхали мимо тѣхъ редутовъ, гдѣ, всего три дня тому назадъ, видѣли турокъ, трещали ружейные выстрѣлы, разрывались снаряды; и на этотъ разъ мы ѣхали снова вмѣстѣ, въ нашемъ обыкновенномъ боевомъ видѣ, но не подъ шипѣніе пуль или гудѣніе гранатъ, а въ ожиданіи симпатичнаго добраго взгляда, ласковаго ободряющаго слова Мы проѣхали мимо полковъ гвардіи, стройно стоявшихъ въ ротныхъ или батальонныхъ колоннахъ, въ ожиданіи прибытія Государя; проѣхали еще съ версту впередъ и остановились, не слѣзая съ лошадей.

Вскорѣ показалась вдали стройная группа конвойныхъ казаковъ, словно стелющаяся по землѣ огромныхъ размѣровъ птица съ мохнатою головой. За казаками въ нѣкоторомъ отдаленіи неслись уланы; сейчасъ за ними быстро двигалась коляска Государя, ровно покачиваясь по проселочной дорогѣ. За коляской скакали красные лейбъ-гусары, а тамъ далѣе тянулись вереницей верховые и экипажи — свита. Генералъ Гурко медленнымъ шагомъ одинъ выѣхалъ впередъ; коляска остановилась, и около нея черезъ минуту на гнѣдой лошади появился Императоръ. Генералъ Гурко приблизился къ Его Величеству, снялъ шапку и припалъ головой на грудь Императора. Государь обнялъ генерала. Привѣтливо затѣмъ поздоровавшись съ нами, Государь галопомъ поскакалъ къ гвардіи, ожидавшей его приближенія. За большой группой свиты не слышно было того, что сказалъ Государь стрѣлкамъ, къ которымъ онъ прежде подъѣхалъ; но «ура» грянуло въ воздухѣ, и сквозь густые, неумолкавшіе крики звучали аккорды народнаго гимна. Отъ стрѣлковъ Государь поѣхалъ къ Павловскому

полку, затѣмъ къ гренадерамъ. Государь ѣхалъ отъ полка къ полку, объѣзжалъ батальоны, объѣзжалъ каждую роту; останавливался, благодарилъ солдатъ, обращалъ ласковое слово къ офицерамъ, иныхъ командировъ обнималъ. Государь былъ видимо взволнованъ, тронутъ; онъ снова былъ съ гвардіей, съ тѣми, кого привыкъ часто видѣть дома, въ Петербургѣ.... Но здѣсь Государь видѣлъ ихъ на неостывшемъ еще полѣ битвы, вышедшими изъ огня героями.... Многихъ привычныхъ и знакомыхъ лицъ недоставало въ строю, были тутъ иные съ повязанными головами, съ подвязанными руками; Государь помнилъ всѣхъ. Его Величество въ каждомъ полку называлъ имена убитыхъ командировъ, припоминалъ хорошія черты изъ жизни каждаго; Государь разсказывалъ громко о раненыхъ, которыхъ успѣлъ ранѣе посѣтить, о ходѣ ихъ ранъ, о надеждахъ на выздоровленіе. Въ Измайловскомъ полку Государь поцѣловалъ въ лобъ рядоваго Ивана Овчинникова, отбившаго въ дѣлѣ 12-го октября турецкое знамя. Въ Егерскомъ полку Государь слушалъ благодарственное молебствіе, и когда священнослужитель провозгласилъ въ концѣ молебствія «вѣчную память, убіеннымъ на полѣ брани за Вѣру, Царя и Отечество», Государь сталъ на колѣни и, все время, пока пѣли молитву, стоялъ на колѣнахъ, опустивъ голову; обильныя слезы текли по лицу Императора, и со слезами онъ подошелъ приложиться къ кресту. Солдаты проводили Его Величество восторженными криками. Оглушающій гулъ стоялъ въ воздухѣ. Солдаты оцѣнили посѣщеніе ихъ Государемъ. Они давно привыкли встрѣчать Его Величество въ Петербургѣ, въ парадной и мирной обстановкѣ, а теперь увидѣли его снова посреди себя, на полѣ боя, въ трудныя минуты, вдалекѣ отъ родины, на свѣжемъ еще полѣ битвы; они увидѣли Государя, пріѣхавшаго сюда обласкать ихъ, утѣшить, ободрить словомъ участія и любви. Въ 4 часа дня Его Величество, простившись съ гвардіей, возвратился въ Медованъ, а мы въ Горный Студень.

23-го Государь объѣзжалъ наши позиціи за Видомъ.

До 28-го было спокойно. Этого-же числа отрядъ Скобелева, выстроившись согласно отданной диспозиціи, двинулся

по сигнальному залпу и, пользуясь туманомъ, быстро взялъ первый гребень Зеленыхъ высотъ; переколовъ занимавшихъ ложементы турокъ, тотчасъ приступилъ къ укрѣпленію взятыхъ позицій...

Невольно въ моей памяти удержался навсегда тотъ день, когда я имѣлъ счастіе ближе познакомиться съ генераломъ Скобелевымъ, и видѣть его въ неподражаемо-картинный моментъ атаки на Зеленую гору. Но по разсказамъ о немъ, которые начались съ самаго момента переправы, я былъ знакомъ ранѣе. Такъ я помню интересный разсказъ одного полковника генеральнаго штаба, начинавшагося оригинальными словами: «это чортъ знаетъ, что такое... это непостижимо... При переправѣ я сидѣлъ съ нимъ въ одной лодкѣ и въ то время, когда мы, страшно взволнованные, слѣдили за шипящими гранатами, Скобелевъ, представьте, прехладнокровно грызъ какую-то палочку»...

— Вы слышали, говорили мнѣ въ другой разъ, что сдѣлалъ Скобелевъ?.. Нарочно, замѣтивъ, что турки цѣлятъ въ одно мѣсто, онъ велѣлъ на немъ разбить шалашъ и самъ влѣзъ туда. Однако страшный ружейный огонь не причинилъ вреда Бѣлому генералу и спустя 10 минутъ онъ показался наружу.

Однимъ словомъ до того момента, когда удалось увидѣть его, моя голова была набита чудесами. Можете же судить съ какимъ горячимъ нетерпѣніемъ я жаждалъ увидѣть героя, съ какимъ еще большимъ нетерпѣніемъ я ждалъ минуты вступить подъ его начальство. Это удалось мнѣ гораздо позднѣе, чѣмъ думалъ я, а именно 28-го октября

Въ день взятія Зеленой горы, на нашъ бивуакъ пріѣхалъ командиръ полка. Въ этотъ день я былъ дежурнымъ и, подойдя по обыкновенію къ начальнику, отрапортовалъ ему о благосостояніи части.

— А кто слѣдующій ординарецъ?

Я не зналъ.

— Ну, да все равно! сѣдлайте лошадь, берите казаковъ и ѣзжайте въ квартиру Скобелева 1-го.

Наконецъ-то! радостно мелькнуло въ головѣ, и нѣсколько минутъ спустя, я уже скакалъ къ генералу. Уже подъѣзжая къ ложементамъ, я увидѣлъ, что они были пусты и во всѣхъ пылали зловѣщіе костры. Проѣхавъ еще сотню шаговъ, я увидѣлъ войска, построенныя въ боевой порядокъ. Передъ пѣхотною цѣпью стояла цѣпь донскихъ армейскихъ казаковъ, долженствовавшая съ ружьями на изготовкѣ завязать бой.

Туманъ скрылъ непріятельскія линіи и батареи смолкли. Для насъ, ожидавшихъ, это молчаніе казалось зловѣщимъ; оно перерывалось только шагами людей и словами команды, когда отряды исчезли въ туманѣ. Въ три часа изорванный красный съ желтымъ флагъ, былъ снятъ съ своего мѣста; у двери низкой, грязной лачуги, занятой генераломъ Скобелевымъ, штабъ собрался осмотрѣть войска и сопровождать генерала, который долженъ былъ лично руководить атакой. Это была весьма живописная романическая кавалькада, которая выѣхала со двора и послѣдовала за молодымъ вождемъ на вѣрную опасность, а можетъ быть и смерть. Генералъ Скобелевъ одинаково не обращавшій вниманія на холодъ и свистъ снарядовъ, былъ единственный человѣкъ, не имѣвшій пальто. Онъ отправился по узкимъ алеямъ деревни, сѣлъ на бѣлую лошадь самоувѣренно-весело. За нимъ начиналась пестрота: черкесы въ высокихъ шапкахъ и обложенномъ серебромъ оружіи; корреспонденты въ гражданскомъ платьѣ; казаки полуопрятные въ своихъ буркахъ, и, посреди группы, живописный черкесъ, на бѣлой лошади, держащій знамя, очень похожій на прежняго крестоносца съ его плохимъ вооруженіемъ и курьезнымъ нарядомъ. Знамя также средне-вѣковое по виду и хорошо дополняетъ иллюзію. Это квадратное шелковое знамя, прикрѣпленное къ казацкому копью, на одной сторонѣ оно имѣетъ бѣлый Георгіевскій крестъ, а на другой буквы М. С. (Михаилъ Скобелевъ) и годъ 1875, желтые на зеленомъ полѣ. Это рваное полковое знамя развивалось во время Коканской кампаніи во всѣхъ жестокихъ битвахъ, сдѣлавшихъ столь знаменитымъ молодаго генерала. Мы ѣхали впередъ, десятками, не разъ сбиваясь съ дороги, и, наконецъ, достигли мѣста,

гдѣ были собраны войска у лагерной стоянки изъ соломенныхъ палатокъ; всѣ они были выстроены съ оружіемъ въ рукахъ и лопатами, чтобы тотчасъ же окопать мѣстность, которую они должны взять; носильщики въ группѣ; сзади—непріятная, но обращающая на себя вниманіе картина: батарея митральезъ и впереди войскъ маленькій отрядъ людей, каждый съ лопатою, раціонами и достаточнымъ запасомъ боевыхъ снарядовъ; эти люди должны были сдѣлать первый натискъ, со штыкомъ въ рукѣ, а потомъ замѣнить его лопатой. Это была драматическая, оставляющая глубокое впечатлѣніе, сцена; эти квадратныя кучки серьезныхъ людей, изъ которыхъ каждый устремилъ свой взоръ на лицо генерала, который обходитъ ихъ съ обычными привѣтствіями, на которыя охотно отвѣчаетъ батальонъ однимъ голосомъ. Генералъ Скобелевъ сошелъ съ лошади и сказалъ людямъ, что онъ ожидаетъ отъ нихъ, что они не должны штурмовать укрѣпленій Плевны, но только броситься впередъ и взять кусокъ земли, который они знали очень хорошо, впереди дороги и удерживать до тѣхъ поръ, пока устроятъ тамъ верки. Онъ предостерегалъ ихъ, такъ какъ многіе молодые солдаты были взяты изъ резервовъ для пополненія пробѣловъ въ рядахъ, не заходить слишкомъ далеко, но помнить хорошо то, что говорили имъ офицеры. Онъ будетъ съ ними самъ и лично будетъ руководить движеніемъ.

Должно быть, болѣе красиваго отряда людей, никогда не шло въ битву—молодые, здоровые и самоувѣренные; каждое лицо носило выраженіе, которое указывало на мужество, серьезность и даже религіозную ревность. Пока мы стояли тутъ, темнота быстро увеличилась, и почти ровно въ 5 часовъ, войска пошли быстрымъ шагомъ передъ генераломъ и штабомъ. Проходя, люди всѣ получали поощреніе и шли улыбаясь, мимо генерала, который называлъ ихъ по имени, указывалъ на ихъ новые сапоги и говорилъ, что они похожи на сапоги какого-нибудь испанскаго дона; музыкантамъ онъ приказалъ играть вальсъ на новыхъ редутахъ. Полная самоувѣренность солдатъ, ободряемыхъ присутствіемъ человѣка, не-

погрѣшимымъ вождемъ и въ тоже время любимымъ другомъ, обезпечивали успѣхъ предпріятія *).

— Ваше прев... заикнулся было я.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы при мнѣ останетесь, сказалъ генералъ и отъѣхалъ въ сторону.

Нечего было дѣлать, приходилось разстаться съ молодымъ Скобелевымъ. Но вотъ, по тихой командѣ героя-военачальника, цѣпь казаковъ двинулась впередъ. Загремѣла перестрѣлка, а за ней—орудія.

— Полкъ такой-то!!!.. прямо, бѣгомъ, маршъ!!!.. резервъ!.. четвертая рота.

Крики эти то и дѣло раздавались и замирали въ воздухѣ.

— Поѣдемте отыскивать квартиру моего сына, сказалъ старикъ-генералъ, мнѣ нужно быть тамъ для передачи приказаній Главнокомандующему.

Казалось, воздухъ накалился до-нельзя, пули визжали на разные тоны, и снаряды, страшно журча, освѣщали мѣстность и падали около насъ. Буквально, вся деревня, гдѣ жилъ молодой Скобелевъ, была въ огнѣ. По мѣрѣ того, какъ мы приближались къ ней, поражаемое пространство становилось все больше и больше. Шальная пуля, слегка задѣвшая лошадь генерала, не заставила его оглянуться. Въ это время подъѣхали къ деревнѣ.

— Гдѣ квартира Скобелева? крикнули сопровождавшіе насъ казаки.

Мертвая тишина.

— Ей, слушай, крикнулъ казакъ, завидѣвъ огонекъ, кто есть, выходи!

Но и въ этотъ разъ никто не отвѣтилъ.

— Да выгони мерзавцевъ нагайкой, разсердился не на шутку генералъ.

Казакъ быстро соскочилъ съ лошади и черезъ минуту вытащилъ одного изъ спрятавшихся, кажись, писарей.

Подъ страхомъ грозной нагайки, онъ побѣжалъ впередъ,

*) Нѣсколько измѣненная корреспонденція.

то и дѣло поворачиваясь и крича, куда ѣхать. Мы подъѣхали къ землянкѣ, осыпаемой пулями.

Часовой, стоящій у входа, отвѣшивалъ поклоны, а французъ-поваръ защищался кухонной доской. Генералъ слѣзъ съ лошади и попросилъ слѣдовать за нимъ.

— Ваше превосходительство, сказалъ я, не совсѣмъ спокойнымъ голосомъ, позвольте ѣхать мнѣ ближе къ мѣсту дѣйствія и оттуда передавать Вамъ о ходѣ дѣла.

Генералъ согласался не тот-часъ.

— Пожалуй, поѣзжайте, какъ-то нерѣшительно сказалъ онъ, только... туманъ... ничего не видать.

— Съ Богомъ! пожелала намъ часть оставшихся казаковъ.

Но едва я выѣхалъ изъ воротъ, какъ надъ самой головой рявкнулъ снарядъ, и нѣсколько пуль ударилось въ ноги о камни. Я остановился...

— Да куда-жь ѣхать? проворчалъ казакъ, темь — хоть глазъ выколи.

Что-то больно кольнуло въ сердце.

— Впередъ!!! крикнулъ я взволнованнымъ голосомъ, и не зная мѣстности, двинулся на огонь ближайшей батареи. Глупо ѣхать наобумъ, твердилъ разумъ: поѣзжай впередъ, поѣзжай куда глаза глядятъ, еще громче крикнуло самолюбіе! Вдругъ что-то мелькнуло, я ближе—носилки!

— Кого несете?

— Капитана Углицкаго полка.

— Раненъ?

— Убитъ наповалъ.

Я снялъ шапку и перекрестился.

— А далеко-ли до передовой цѣпи, гдѣ бой идетъ?

— Да вотъ тутъ, близко, рукой подать... а вамъ кого?

— Скобелева.

— Такъ поѣзжайте, все вправо и впередъ, да осторожнѣй, къ туркамъ нѣтъ легче забрести.

Я поблагодарилъ и подъѣхалъ къ своей батареѣ. Смотрю, солдатъ идетъ.

— Ты откуда?

— Изъ ложементовъ—тутъ наши.

— Доведи, братъ; дорогу, чай, знаешь?

— Какъ не знать—знаемъ, осклабился солдатикъ,— пожалуйте, доведу съ.

Но не успѣлъ я сдѣлать и нѣсколькихъ шаговъ, какъ вмѣстѣ съ конемъ полетѣлъ въ яму.

— Осторожнѣй! крикнулъ не во-время проводникъ и вмѣстѣ съ казаками бросился меня вытаскивать. Сдѣлавъ еще шаговъ 20, мы наткнулись на секретъ казаковъ, стоящихъ верхомъ за прикрытіемъ.

— Не туда зашли, крикнулъ солдатъ, я и самъ сбился, дождемся разсвѣта.

Туманъ былъ громадный и усилія дойти до Скобелева, оказались тщетными.

Отсюда я сталъ посылать донесенія о ходѣ дѣла. Помню— одна изъ записокъ, посланная, такъ сказать, частнымъ образомъ, попала въ руки Великаго Князя. Содержаніе записки я позабылъ, но помню, что она начиналась слѣдующими, изъ сердца вырвавшимися словами: «наконецъ-то я увидѣлъ и понялъ, что такое Скобелевъ. Онъ—богъ войны...»

Въ половинѣ пятаго Скобелевъ сѣлъ на коня, сталъ во главѣ своихъ войскъ и исчезъ въ туманѣ. Въ пять часовъ туманъ началъ становиться темнымъ, указывая на приближеніе ночи. Турки должны были думать, что въ этотъ день имъ нечего бодрствовать. По приближеніи темноты, раздался ревъ восьмидесяти орудій, которыя извергли кучу пламени въ темный туманъ и потомъ замолкли. Затѣмъ начался свистъ восьмидесяти гранатъ. отыскивавшихъ въ темнотѣ своего назначенія. Потомъ начался трескъ пѣхотнаго огня по всей линіи, за исключеніемъ аттакуемаго пункта, такъ какъ Скобелевъ рѣшился воспользоваться туманомъ, какъ прикрытіемъ, и захватить турокъ врасплохъ. Пѣхотный огонь раскатывался передъ Брестовцемъ и скоро пули завели свою пѣсню надъ моею головою, извѣщая насъ о томъ, что турки отвѣчаютъ. Наконецъ, около четверти часа спустя, послышались два или три залпа

въ этомъ направленіи, за которыми раздавались русскіе крики, и такимъ образомъ мы узнали, что позиція взята. Какъ и слѣдовало ожидать, турки были поражены: они не замѣтили приближенія русскихъ, пока тѣ не очутились въ какихъ-нибудь ста шагахъ отъ нихъ. Тѣмъ временемъ, какъ они взялись за оружіе и сдѣлали два залпа, русскіе бросились въ штыки, — и тѣмъ все было кончено. Въ одну минуту тѣ, которые бросились бѣжать, были заколоты. Каждый солдатъ имѣлъ при себѣ лопату и тотчасъ же принялся за устройство траншей. Черезъ нѣсколько минутъ они уже были защищены отъ сильнаго, но плохо намѣченнаго огня, который турки направили на нихъ съ ближайшей горы, въ разстояніи не болѣе 250 шаговъ *).

Въ тотъ моментъ, когда затихла стрѣльба, я возвратился въ деревню, куда вскорѣ прибылъ и герой дня.

— Ваше высокообезьянство, крикнулъ онъ лакею, давайте закусить.

Но вдругъ вновь открылся огонь на правомъ флангѣ. Генералъ сѣлъ на коня и исчезъ во мракѣ ночи. Долго я не ложился, то и дѣло выходя изъ хаты. На дворѣ все было по прежнему: пули били въ землянку и такъ же отмахивался доской потѣшный поваръ Между тѣмъ, какъ потомъ узнали, Скобелевъ засталъ турокъ за смѣлой попыткой, взять позицію обратно. Прошло нѣсколько добрыхъ минутъ и Скобелевъ очутился среди самаго адскаго приступа: одинъ турокъ ворвался въ траншею съ крикомъ «аллахъ!» но былъ заколотъ штыкомъ... всѣ послѣдующія аттаки были отбиты.

На другой день старикъ Скобелевъ пожелалъ объѣхать позиціи, въ томъ числѣ и взятую. Болѣе же всего генералу хотѣлось увидѣться съ сыномъ.

— Вы меня проводите и покажите все, сказалъ онъ.

Я отвѣтилъ обыкновенное: «слушаю-съ», однако, не имѣя никакого представленія о мѣстности, я рѣшился ѣхать наугадъ.

---

*) Изъ корреспонденціи.

Посѣтивъ ближайшую къ намъ батарею, мы направились на Зеленыя горы, причемъ генералъ поѣхалъ по самому гребню, не обращая вниманія на пищавшія пули.

— Ты чего кланяешься? обращался онъ къ казаку, свистнула—значитъ пролетѣла.

— Да скажите генералу, замѣтилъ мнѣ одинъ изъ батарейныхъ, чтобы онъ спустился внизъ, вѣдь какъ курицу подстрѣлятъ.

— Ваше превосходительство, предупредилъ я, извольте съѣхать внизъ, по насъ стрѣляютъ.

— Ну и пусть стрѣляютъ, подъ носъ отвѣтилъ генералъ,— здѣсь лучше.

Стали подъѣзжать къ траншеѣ.

— Ваше превосходительство, извольте слѣзть, предупредили и тутъ солдатики, тутъ опасно.

— Да ноги у меня болятъ, такъ же невозмутимо отвѣтилъ генералъ и поѣхалъ дальше.

Только передъ самой тропинкой мы слѣзли съ лошадей и были встрѣчены нѣсколькими залпами.

— Привѣтствуютъ насъ, сказалъ обернувшись Скобелевъ.

Въ это время изъ траншеи вышелъ сынъ и, подойдя, обнялъ отца.

— Поѣдемте закусить, любезно пригласилъ насъ Скобелевъ; мы поблагодарили.

— Отлично, думалось мнѣ, теперь кажется... домой.

— А невозмешь-ли ты моихъ ординарцевъ? спросилъ отецъ у сына.

— Отчего же и нѣтъ? съ удовольствіемъ... пусть останутся.

Вотъ это такъ домой!..

— Вы небось голодны? обратился ко мнѣ молодой.

— Да, подзакусилъ-бы ваше превосходительство, что-то подводитъ.

— Ну и прекрасно, засмѣялся генералъ.

— Подзакусите, да и отправляйтесь въ траншею; тамъ явитесь капитану Куропаткину.

— Если-же турки вздумають аттаковать, а я этого, признаться, жду, то потрудитесь въ карьеръ дать знать.

— Слушаю-съ, отвѣтилъ я... однако не безъ нѣкотораго волненія, ибо заранѣе предвидѣлъ, что въ случаѣ аттаки, мнѣ придется пройти пѣшкомъ по вспаханному полю, подъ адскимъ ружейнымъ огнемъ.

Утоливъ какъ можно скорѣй голодъ, я сѣлъ на коня и вмѣстѣ съ 4-мя казаками крупной рысью отправился къ мѣсту назначенія. Но прошло три часа и турки попрежнему сидѣли въ своихъ ложементахъ. Вскорѣ пріѣхалъ генералъ и, обойдя траншеи, вошелъ въ свою яму.

— А! ваше высокообезьянство, вдругъ засмѣялся Скобелевъ... пожалуйте, какъ себя чувствуете?

— Ничего-съ, усмѣхнулся подошедшій въ это время лакей, какъ верблюдъ нагруженный судками... попривыкли-съ!

— Ну-съ, кто хочетъ обѣдать?—ко мнѣ, весело крикнулъ Скобелевъ.

Проголодавшіеся, мы не заставили себя упрашивать и быстро сѣли въ кружокъ.

— Ходи по тарелкамъ! то и дѣло сердился генералъ на выходящихъ изъ траншей солдатъ.

Послѣ обѣда, напившись чайку, мы разошлись по траншеямъ, поболтать съ солдатиками. Но вотъ наступилъ вечеръ и я началъ искать мѣста для почлега. Однако, послѣ долгихъ поисковъ, я прикурнулся рядомъ съ товарищемъ на соломѣ, разложенной на самой окраинѣ 7-й ямы, въ которой спалъ самъ генералъ.

— Смотри, осторожнѣй, предупредилъ товарищъ, здѣсь гдѣ-то приготовлено для него два стакана холоднаго чаю.

— Ладно, не опрокину... и, тихонько стащивъ часть бурки, укрылся и вскорѣ захрапѣлъ. Часу этакъ въ одиннадцатомъ я невольно проснулся и сталъ подумывать о томъ, какъ бы влѣзть въ самую яму, гдѣ спалъ Скобелевъ. Я тихонько поползъ и... вотъ тутъ-то случился курьезный эпизодъ. Нечаянно задѣвъ ногой за несчастные стаканы, я ихъ ловко вы-

вернулъ на спящаго генерала, и въ ту же минуту, испугавшись, спрыгнулъ въ уголъ ямы и громко захрапѣлъ.

— Кто это? вскрикнулъ Скобелевъ.

Я притаилъ дыханіе.

— Да кто же въ яму влѣзъ? — ужъ началъ сердиться генералъ.

— Вотъ тебѣ разъ, подумалъ я, и захрапѣлъ еще сильнѣе.

— Э, батюшка, да я узнаю, сказалъ Скобелевъ и, схвативъ меня за ноги, вытащилъ на свѣтъ Божій.

Я стоялъ и протиралъ глаза.

— Это вы пролили чай?

— Извините, ваше превосходительство, нечаянно.... И, какъ бы желая загладить вину, началъ вылѣзать изъ ямы.

— Да лежите вы, ну васъ... засмѣялся генералъ, больше проливать нечего.

Когда я снова спустился, генералъ храпѣлъ.

Вотъ здѣсь-то я имѣлъ случай убѣдиться, какъ страшно были разстроены нервы у героя. Не проходило и минуты, чтобы Скобелевъ не вскакивалъ и не бредилъ.

— Кто это стонетъ? вдругъ крикнулъ онъ.

— Да это М., ваше превосходительство, носомъ, рѣшился сказать я правду.

— Ну, что вы вздоръ городите, съ просонокъ сказалъ генералъ и снова заснулъ.

Но не прошло и минуты, какъ пуля ударила въ дерево, стоявшее у изголовья.

— Это что? приподнялся онъ.

— Пуля, отвѣтилъ я.

Онъ какъ снопъ, свалился на подушку. Долго я еще слушалъ, какъ командовалъ во снѣ генералъ.

— Впередъ! за мной, братцы, ура!.. пятая рот...

Я спалъ.

Вдругъ страшный, какъ бы подземный, ударъ раздался надъ самымъ ухомъ. Я вскочилъ и, буквально, ошалѣлъ. Яма пуста, вся траншея въ огнѣ. Всѣ ружья лежали на банкетѣ и страшно глядѣли штыками во тьму.

— Гдѣ Скобелевъ?

— Тамъ, тамъ,—впереди.

— Я бросился впередъ и, пройдя шаговъ 20, былъ оглушенъ страшнымъ двойнымъ залпомъ, земля ударила въ лицо... я опустился на банкетъ. Но въ то же мгновеніе я вскочилъ, какъ ужаленный и, какъ бы въ наказаніе за невольную слабость, вскочилъ на банкетъ и высунулся изъ-за бруствера. Вотъ-вотъ, рукой подать, полыхнула огненная линія и нѣсколько пуль съ отвратительнымъ визгомъ пролетѣли мимо ушей. Мнѣ стало жутко-хорошо. Постоявъ съ полминуты, я спустился внизъ и пошелъ по траншеѣ.

— Да гдѣ же генералъ? спрашивалъ я на ходу.

— У боковаго подступа, отвѣтилъ близъ-стоящій солдатъ.

Я сдѣлалъ еще сто шаговъ и увидѣлъ наконецъ генерала.

Неизъяснимо величественно, съ гордой осанкой, стоялъ онъ на банкетѣ. Съ обѣихъ сторонъ по траншеѣ, впившись глазами въ дрожащую, все приближающуюся огненную линію, стояли его дѣти—солдаты; сзади, на самомъ днѣ траншеи, виднѣлась черная масса ощетинившагося резерва съ блестящими штыками... онъ ждалъ минуты, онъ ждалъ мановенія руки любимаго начальника, чтобы броситься впередъ и вступить въ знакомую штыковую работу. Надъ всей этой мрачной. но грозной картиной безстрашія, какъ бы тяготѣлъ уже свинцовый слой воздуха, отравленный ружейнымъ грохотомъ, ревомъ орудій, шипѣньемъ, лопаньемъ снарядовъ и свистомъ пуль. И это-то мучительное жгучее тяготѣніе было тяжелѣй самой смерти, самой адской пытки—предсмертной жажды. Скорѣй, скорѣй же разрѣшайся мучительный моментъ и скорѣй давай знакъ къ привычной молодцамъ схваткѣ.

Но моментъ былъ близокъ. Воцарилось глубокое, мертвое молчаніе.... вдали раздалась роковая труба.

— Братцы! крикнулъ Скобелевъ,—штыками ихъ встрѣтимъ.

И вотъ впереди ощетинившагося резерва, какъ разъ по срединѣ всей цѣпи, рѣзко выдѣлилась фантастически освѣщенная грозная, могучая фигура героя. Картина!..

Въ эту ночь всѣ аттаки непріятельскихъ таборовъ были

отбиты. Когда все стихло, начальникъ секрета, унтеръ-офицеръ 9-го стрѣлковаго батальона, явился къ генералу и доложилъ, что все благополучно и раненыхъ нѣтъ. Въ 2 часа ночи я былъ посланъ къ Великому Князю доложить объ отбитой аттакѣ. Главнокомандующій принялъ меня ласково и, усадивъ на походный стуликъ, приказалъ разсказать обо всемъ.

— Ну, а Скобелевъ каковъ? спросилъ улыбаясь Главнокомандующій.

— Да, молодчина! отвѣтилъ я отъ чистаго сердца.

Полчаса спустя, я уже былъ въ своей землянкѣ и прежде, чѣмъ заснуть, разъ пять вставалъ и прислушивался: мнѣ казалось, что я еще слышу перестрѣлку. На другой день я уже былъ у раненыхъ.

— Прочтите-ка вотъ эти характерныя сцены, сказалъ мнѣ одинъ раненый, подавая изорванный листокъ.

— Вслухъ? спросилъ я.

— Да пожалуй, отвѣтило нѣсколько голосовъ.

«На полянѣ—началъ я—около 2-го дивизіоннаго лазарета лежатъ наши солдаты и неподалеку раненые турки. Утро. Сестры, появившіяся тутъ, начали перевязывать турокъ.

— Сестрица! что вы ихъ-то перевязываете? Мало они нашихъ-то перерѣзали, да обезобразили?.. Перевязывай-ка лучше насъ.

«Одна сестра, сконфуженная, окончивъ перевязку турка, подходитъ къ нашему солдату и хочетъ перевязывать его.

— «Перевязывай, сестрица, все равно и онъ вѣдь больной такой же, какъ и я. Вѣдь, можетъ, онъ и невиноватъ нисколько, что нашихъ раненыхъ они добиваютъ: это у нихъ дѣлаютъ баши-бузуки да черкесы. Вотъ тѣхъ бы стоило наказать-то. Ну, да Богъ разсудитъ за это тамъ!..

«Вотъ на одномъ столѣ лежатъ два раненые съ переломомъ костей. Одинъ изъ нихъ русскій солдатъ, другой—турокъ. Обоимъ предназначается гипсовая повязка. Турокъ смотритъ такимъ сентябремъ и поглядываетъ на своего сосѣда съ какимъ-то недружелюбіемъ.

— «Не бойся, вѣдь, чай, я вѣру Христову исповѣдую; не задѣну тебя, говоритъ нашъ солдатъ.

«Къ солдату подходятъ дѣлать гипсовую повязку. Солдатъ, смѣясь, говоритъ:

— «Ваше благородіе! уберите эту нехристь, а то заколю ее!..

— «А развѣ можно такъ дѣлать?

«Солдатъ, улыбаясь, замѣтилъ:

— «Я вѣдь шутя, ваше благородіе! Неужто я стану больнаго человѣка трогать; вѣдь, чай, крестъ на мнѣ есть...

«Вообще, великодушіе нашего солдата замѣчательное и въ этомъ мы уже не разъ убѣждались. Онъ мало смущается передъ ужасами и звѣрствами турокъ, дозволяя себѣ только порицать ихъ. Отношенія его къ раненымъ туркамъ замѣчательно великодушны, трогательны...»

Здѣсь я остановился.

— А вы слышали, неожиданно спросилъ меня раненый офицеръ, что меня чуть не поколотили вчера, да какое поколотили, чуть не разорвали.

— Нѣтъ! а что?

— Да помилуйте, я вчера, какъ вынули послѣдніе осколки, и запѣлъ съ радости одну, ей-Богу, почти-что дозволительную пѣсню, да и не замѣтилъ, какъ вошла сестра... Да и было же мнѣ потомъ—какъ есть всѣ накинулись, думали, что нарочно запѣлъ при ней... ужъ кое-какъ отговорился.

— Да что же бы мы и дѣлали безъ нихъ, съ невольнымъ вздохомъ промолвилъ одинъ тяжело раненый.

— Великій Князь пріѣхалъ! крикнулъ въ эту минуту вбѣжавшій солдатъ.

— Гдѣ, гдѣ? раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Да гдѣ операцію дѣлаютъ, отвѣтилъ солдатъ, туда кого-то понесли.

Я наскоро пожалъ руки и, догнавъ Великаго Князя, вмѣстѣ съ нимъ вошелъ въ крайнюю палату. Тамъ уже были профессоръ Пироговъ, главный докторъ Великаго Князя Оберъ-

Миллеръ, сама Елизавета Петровна Карцева, молодой докторъ хирургъ, сестра и служитель.

По срединѣ палатки на носилкахъ лежалъ молодой гвардейскій солдатъ. Какъ Великій Князь, такъ и всѣ бывшіе съ нескрываемымъ любопытствомъ глядѣли на него. Да и было на что смотрѣть—молодецъ былъ раненъ тринадцатью пулями.

— Не хочешь-ли сигарку? спросилъ Оберъ-Миллеръ.

— Позвольте, ваше превосходительство, совершенно спокойнымъ, но чуть тихимъ голосомъ, отвѣтилъ солдатъ.

Въ это время подошелъ Пироговъ и страшная, небывалая перевязка началась.

Когда тѣло было обнажено, мы съ ужасомъ замѣтили страшные, глубокіе пролежни. Мы еще болѣе удивились, когда въ концѣ перевязки онъ спросилъ Елизавету Петровну покормить его манной кашей.

— Какой... какой молодецъ! въ изумленіи говорили мы другъ другу.

— А сколько онъ лежитъ здѣсь? полюбопытствовалъ Великій Князь.

— Да ровно мѣсяцъ, Ваше Высочество, улыбнувшись отвѣтилъ старшій докторъ.

Я достоялъ до самаго конца перевязки и, когда его понесли обратно въ палатку, послѣдовалъ за носилками. Я тотчасъ подошелъ къ нему и взглянулъ прямо въ лицо.

— Ну, какъ ты чувствуешь себя, родимый? спросилъ я нѣмаго страдальца.

— Хорошо, ваше благородіе, покорнымъ дѣтскимъ голосомъ отвѣтилъ онъ. Больно не отъ ранъ, а больно отъ думки: вспомнятъ-ли меня въ родимой деревнѣ, помянутъ-ли меня тамъ добрымъ словомъ...

Я смотрѣлъ, долго смотрѣлъ на него, повернулся и тихо, съ какою-то затаенною грустью, побрелъ въ свою землянку. Я не замѣтилъ даже множества верховыхъ лошадей, стоящихъ тутъ же на дворѣ, я не замѣтилъ груды наваленныхъ у входа въ подземелье чемодановъ, мѣшковъ, шинелей и глиняныхъ

кружекъ всевозможныхъ калибровъ съ отбитыми и приклеенными ручками.

Войдя въ землянку, я невольно остановился — и здѣсь, такъ же какъ и на дворѣ, было не мало всякаго хламу. Я недоумѣвалъ и крикнулъ деньщика, котораго не оказалось дома. Я думалъ, думалъ и ни на чемъ не могъ остановиться. Однако вскорѣ на дворѣ послышался шумъ нѣсколькихъ голосовъ и въ мою аршинную конурку съ гамомъ влетѣла цѣлая ватага.

— Представь, представь, затараторилъ товарищъ-весельчакъ, нашъ проклятый палаццо обрушился и чуть не передавилъ насъ. Мы объѣхали всю деревню, перебывали у всѣхъ и пришли къ тебѣ.

— Да какъ же помѣстимся мы, было началъ я, вѣдь кровати...

— Да какія тамъ кровати, перебилъ Д., на полу въ повалку заляжемъ и изобразимъ, братъ, единую сплоченную и дружную семью, вотъ тебѣ и кровать. Ей ты, чухна заморская! крикнулъ онъ своему деньщику, отнеси въ землянку столъ, карты, да нашъ знаменитый фаянсъ, а чемоданы прикрой полотномъ отъ палатки.

— Но неучъ-деньщикъ не трогался съ мѣста.

— Это что? крикнулъ было Д.

— Да помилуйте, ваше благородіе, хаянсу у насъ отродясь не было.

— Ду-би-на, ты дубина, а кружки, по твоему, не фаянсъ?.. маршъ за ними!

— Тотъ повернулся и медленно вышелъ.

— Господа, продолжалъ онъ, я намѣренъ обратиться къ вамъ съ рѣчью, полною того глубокаго смысла, который вы всегда удачно замѣчали во мнѣ. Предупреждаю, рѣчь будетъ короткая, но вразумительная. И такъ начинаю:

Образъ жизни, который мы намѣрены повести, будетъ имѣть, съ позволенія сказать, характеръ чисто свинскій: во-первыхъ, мы будемъ спать прямо на полу другъ около друга, такъ какъ кроватей и двухъ нельзя здѣсь помѣстить; во-вторыхъ, баранью

нашу трапезу учинять будемъ тоже на полу и ѣсть, за недостаткомъ вилокъ, просто руками и въ-третьихъ, будемъ коммунистами по отношенію нашего скромнаго и такъ сказать чахоточнаго гардероба. Но, господа, какъ я, такъ и вы, свиньями быть не хотимъ, и рано или поздно, а не избѣгнемъ отъ товарищей нелестнаго, какъ смѣю предполагать, эпитета. Въ головѣ моей копошится геніальная мысль, ее и приведемъ въ исполненіе. Внимайте и будьте послушны. Въ этой темной хатенкѣ свѣча нужна и днемъ и ночью, а потому и солнечный свѣтъ я признаю безполезнымъ. Давайте же, прикроемъ наше грустное положеніе напускной маскою оригинальности, чего и достигнемъ, если день обратимъ въ ночь, а ночь въ день. Короче: давайте ночь играть въ карты, а день спать. Повѣрьте, неоцѣненные друзья, вся жизнь пойдетъ игривѣй, веселѣй. Согласны-ли вы?..

— Согласны!

— Спасибо, друзья, комически-разстроеннымъ голосомъ проговорилъ ораторъ. — Ѳедька! давай карты... уже вечеръ, пора и начать...

Вотъ съ этого дня потянулась самая безалаберная жизнь. Мы ложились въ 6 часовъ утра и вставали въ 6 часовъ вечера. Иногда, и то рѣдко, выходили погулять и послушать музыку, почти ежедневно игравшую у Великаго Князя. Только 4-го октября одинъ изъ насъ былъ отправленъ на Зеленыя горы къ Скобелеву; но онъ пробылъ не долго и черезъ день возвратился въ наши объятія. Онъ разсказалъ, между прочимъ, какъ былъ раненъ генералъ, причемъ сообщилъ точнѣйшія подробности.

Вотъ подлинный разсказъ отъ слова до слова:

«Получивъ приказаніе немедленно отправиться къ генералу, я быстро осѣдлалъ коня и черезъ часъ стоялъ передъ нимъ въ Брестовацѣ. Не прошло и десяти минутъ какъ съ позиціи раздались сильные ружейные залпы. Генералъ вскочилъ на коня и бросился въ карьеръ. Но едва удалось выѣхать изъ деревни, какъ стало темно. Оріентировались мы по выстрѣламъ и, подъѣхавъ къ тому мѣсту, гдѣ нужно было оставить

лошадей, слѣзли и быстро пошли по прямому направленію. Но вотъ проходитъ 10—15 минутъ, залпы дѣлаются сильнѣй и сильнѣй, а траншеи не видать.

— Да куда жъ вы ведете меня? — сердился генералъ на ординарца.

Но послѣдній уже самъ сбился и шелъ на угадъ.

— Да гдѣ же, наконецъ! крикнулъ снова Скобелевъ:—Да ведите же, вед... И генералъ, спотыкнувшись, упалъ. Молодой ординарецъ совсѣмъ, казалось, потерялъ голову и вдругъ ни съ того, ни съ сего, сразу круто повернулъ налѣво, и, къ счастію, спустя минуты двѣ, совершенно неожиданно наткнулся на боковой подступъ.

— Наконецъ-то!—сказалъ генералъ и, спрыгнувъ въ подступъ, быстро пошелъ къ траншеѣ. Но въ этотъ моментъ когда онъ вступилъ, надъ его головой съ трескомъ лопнула шрапнель. Генералъ пошатнулся и, быстро войдя снова въ подступъ, прислонился къ стѣнѣ. Мнѣ стало до того жаль генерала, что я бросился къ нему и, желая поддержать, схватилъ за руку.

— Да что вы держите, ребенокъ я, что ли?—Меня должны видѣть солдаты!

— Здорово, братцы!—крикнулъ онъ, черезъ минуту уже появившись въ траншеѣ.

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство! — восторженно отвѣтили солдаты.

Аттака отбита! Генералъ спустился въ яму и легъ на носилки. Въ это время появился докторъ и Куропаткинъ.

— Поздравляю, поздравляю!—шутливо обратился послѣдній къ Скобелеву,—дождались и пищу дали господамъ корреспондентамъ.

Докторъ подошелъ къ раненому и осмотрѣлъ рану.

— Опаснаго нѣтъ, это контузія; но вамъ нужно отправиться на квартиру.

— А вы понесете меня?—спросилъ Скобелевъ.

— Понесемъ, — отвѣтилъ Куропаткинъ: — и понесемъ на носилкахъ.

— Ну ужъ это... извините,—возразилъ Скобелевъ и, быстро вставъ, поднялся въ траншею и, громко еще разъ поблагодаривъ солдатъ, пѣшкомъ отправился въ деревню.

Полчаса спустя я вошелъ къ генералу.

— А, князь, — сказалъ онъ, увидѣвъ меня: — передайте Главнокомандующему, что аттака отбита и все благополучно.

Я поклонился и хотѣлъ было уже выйти, какъ онъ позвалъ меня.

— А лапочку вашу?

Я съ чувствомъ пожалъ протянутую руку и растроганный вышелъ изъ комнаты».

Разсказчикъ кончилъ, а въ землянкѣ все еще царило глубокое молчаніе.

— Желѣзный человѣкъ, промолвилъ Н.—Пойдемте, братцы, къ маркитанту и разопьемъ бутылочку за здоровье героя.

16-го ноября Великій Князь навѣстилъ контуженнаго. Послѣдовалъ приказъ Скобелева.

«Третьяго дня Его Высочество Главнокомандующій изволилъ меня посѣтить, подробно разспрашивалъ о ввѣренной мнѣ дивизіи, съ которою Его Высочество связанъ воспоминаніями безсмертной обороны Севастополя и сраженія 24-го октября 1855 года. Приписывая высокую, оказанную мнѣ Главнокомандующимъ, честь молодецкой службѣ войскъ 16-й дивизіи, благодарю всѣхъ начальниковъ частей и выражаю убѣжденіе, что счастливцамъ, кои будутъ достойны командовать въ бояхъ этою славною дивизіей, всегда будетъ присуще почетное мѣсто въ рядахъ арміи. Самоотверженное въ высшей степени поведеніе всей дивизіи въ бояхъ 30-го и 31-го августа, славный штурмъ редутовъ Владимірцами и Суздальцами 30-го, геройская оборона ихъ 31-го въ особенности обратили вниманіе Россіи на славную 16-ю дивизію. Сама Государыня Императрица не оставила насъ своимъ Августѣйшимъ вниманіемъ. Изъ Москвы, изъ Петербурга шлютъ въ дивизію разныя вещи, списокъ коимъ съ распредѣленіемъ по полкамъ будетъ объявляться въ приказѣ по дивизіи. Ничего не можетъ быть славнѣе для солдата, какъ заслужить вниманіе своего Монарха и народа. Я

увѣренъ, что и въ послѣдующихъ бояхъ вновь создавшаяся, по своему личному составу, 16-я пѣхотная дивизія не помрачитъ славы героевъ 30-го и 31-го чиселъ и съумѣетъ держать его такъ, чтобы имѣть право съ чистою совѣстью возвратиться въ Россію. Прошу начальниковъ частей воспитывать ввѣренныя мнѣ части въ вышесказанномъ смыслѣ».

Въ тотъ же день, около полудня, русскіе открыли сильную канонаду противъ позицій Османа. При первыхъ выстрѣлахъ можно было ясно видѣть Плевну; но туманъ, стоявшій все утро, сталъ сгущаться все болѣе и болѣе и, наконецъ, виднѣлись только вспыхивающія молніи выстрѣловъ русскихъ батарей.

Въ продолженіи послѣдующихъ дней все было спокойно, и смертельная тоска жрала насъ. Только 17-го прибылъ въ Боготъ англійскій докторъ Лозоренъ съ семью сестрами милосердія, англичанками, пожелавшими ухаживать преимущественно за нашими ранеными... Настало 28-е ноября. Въ этотъ день я проснулся рано, и первое, что мнѣ бросилось въ глаза, была рожа деньщика.

— Извольте одѣваться, — съ удареніемъ сказалъ онъ, — какъ есть стремглавъ побѣжали осѣдлывать лошадей; сказываютъ, Великій Князь ѣдетъ.

Ничего не было особеннаго въ его словахъ, а между тѣмъ мнѣ казалось, что въ этотъ день должно было случиться необыкновенное...

— Братцы! — вскричалъ я надъ спящими товарищами: — подымайтесь—великій день насталъ.

Не прошло и 20-ти минутъ, какъ весь полкъ стоялъ развернутымъ фронтомъ передъ ставкой главной квартиры. Почти тотчасъ вышелъ Великій Князь, сѣлъ въ коляску и направился къ деревенькѣ, гдѣ были квартиры генерала Тотлебена и Имеретинскаго. Шедшіе въ авангардѣ казаки вскорѣ остановились у квартиры послѣдняго. Главнокомандующій съ начальникомъ штаба вышли изъ коляски и, встрѣченные княземъ Имеретинскимъ, вошли въ небольшой домикъ.

Да куда же ѣдемъ и что это значитъ? спрашивали мы другъ у друга. Отвѣта не было.

Не прошло и получаса, какъ далеко-далеко раздались орудійные выстрѣлы. Здѣсь вмѣстѣ съ княземъ С. мы получили приказаніе со взводомъ двинуться въ авангардъ.

Приказавъ наклонить пики, мы вынеслись на версту впередъ коляски.

— Ужасъ какъ пріятно, просто разчудесно, чертъ возьми!— по временамъ восклицалъ неугомонный товарищъ.

— Да куда ѣдемъ мы?

— Какъ куда?—изумился С.,—ясно—въ Плевну...

Миновавъ обыкновенный постъ, мы понеслись прямо на турецкіе ложементы, видя слѣдующаго за собой Главнокомандующаго.

— Гляньте же, ваше благородіе!—вдругъ крикнулъ казакъ:— сколько упереди ложементовъ валяется, скелетовъ и обломанныхъ ружей.

Я взглянулъ и содрогнулся.

— Стой, братцы!—скомандовалъ я, подъѣхавъ къ покинутой большой траншеѣ:—дождемся Великаго Князя.

Я обернулся и увидѣлъ быстро подъѣзжавшую коляску. Мы снова тронулись. Въ тотъ моментъ, когда Великій Князь былъ уже близко у траншеи, я увидѣлъ Плевну какъ на ладони.

— Братцы, не во снѣ-ли это?—говорили казаки:—ей-Богу не вѣрится!

Но не прошло и 10-ти минутъ, какъ мы влетѣли въ городъ и, проскакавъ по главной улицѣ сквозь разношерстную толпу, очутились за городомъ. Глядимъ—глазамъ не вѣримъ: показались нѣсколько непріятельскихъ орудій, сопровождаемыя румынскими солдатами. Впереди процессіи преважно ѣхалъ румынскій офицеръ. Я подъѣхалъ, вѣжливо раскланялся и проговорилъ обычное:

— Parlez-vous en français?

— Oui, oui Monsieur,—отвѣтилъ онъ сіяющій.

— Que ce que vous voulez?

— Et bien que ce que nous avons fait!

— Oh! Oh!—заоралъ румынъ:—mais je parle russe... en ce cas vous pouvez me dire tout ce que vous voulez...

— Тѣмъ лучше,—сказалъ я—и такъ?

— Османъ и вся армія въ плѣну!—радостнымъ голосомъ крикнулъ румынъ и вслѣдъ затѣмъ началъ непозволительно хвастаться.

Послѣ этого я раскланялся и направился за рѣку Видъ. Вотъ здѣсь-то я увидѣлъ величественную, но сто разъ уже описанную картину—сдачи всей арміи въ плѣнъ. И такъ, для насъ весь день состоялъ изъ вкусныхъ сюрпризовъ... Къ вечеру я заблудился, случайно попавъ въ знаменитыя зеленогорскія траншеи и часовъ въ 9 спустился по скалистому страшному обрыву Тученицкаго оврага и очутился въ Боготѣ. Гдѣ были наши, гдѣ былъ Великій Князь,—для меня осталось загадкой. Едва успѣлъ я слѣзть съ коня, какъ кубаремъ скатился въ близь-лежащій вонючій оврагъ и направился къ раненымъ въ палатку. Я спѣшилъ обрадовать радостною вѣстью и не думалъ, что буду предупрежденъ. При входѣ я увидѣлъ, что офицеры сгруппировались у одной кровати, на которой сидѣлъ только-что раненый юнкеръ. Передаю отъ слова до слова правдивый, небезъинтересный разсказъ о послѣднемъ актѣ кровавой драмы подъ Плевной.

«27-го ноября, въ 11 часовъ утра, нашъ полкъ *) выступилъ изъ занимаемыхъ траншей—близь Горнаго Петрополя и направился къ боевой позиціи, передъ Дольнимъ-Дубнякомъ. Мнѣ, какъ въ первый разъ готовившемуся участвовать въ дѣлѣ, казалось страшнымъ то ледяное спокойствіе, которое я замѣчалъ на лицахъ солдатъ и офицеровъ. Я закрывалъ глаза, и мнѣ казалось, что я уже слышу ружейную трескотню, вопли и крики побѣдителей. Но въ то же время, что-то тяжелое, гнетущее, охватывало все мое существо... Неужели это предчувствіе? Неужели я буду убитъ или раненъ?

. . . .

Въ 2 часа пополудни мы уже были въ люнетахъ; мѣстомъ

*) 9-й гренадерскій Сибирскій.

временнаго обиталища была длинная канава, загнутая съ обоихъ концовъ. Отъ противника скрывала насыпанная впереди земля. Между насыпью и канавой была оставлена полоса. Мнѣ объяснили, что это банкетъ и что во время дѣла солдаты становятся на этотъ приступокъ и стрѣляютъ, кладя ружья на насыпь. Мы расположились какъ дома и подъ вечеръ устроили генеральное чаепитіе. Часъ спустя были вызваны охотники. Штабсъ-капитанъ Гиршфельдъ и 15 рядовыхъ вышли впередъ. На обязанности ихъ лежало (выдвинувшись впередъ) наблюдать за противникомъ. Когда же стемнѣло, часовые стали на банкетъ и зорко стали наблюдать за тѣмъ, что дѣлалось впереди. Всякій звукъ или шумъ привлекалъ ихъ вниманіе. Остальные расположились на банкетѣ и, сидя, дремали. Всѣ ружья лежали на насыпи. При звукѣ голоса солдаты вздрагивали и открывали глаза, готовые сію же минуту броситься къ ружью и, въ случаѣ надобности, грудью встрѣтить дерзкаго врага... О! какое чарующее, могучее дѣйствіе производили на меня гиганты-герои... Мнѣ казалось, что въ эту минуту я способенъ былъ вскочить хоть черту на рога. Гробовая тишина какъ нельзя лучше шла къ этой грандіозной, по истинѣ величественной и страшной картинѣ. Ровно въ 12 ночи явился фельдфебель 3-й стрѣлковой роты и доложилъ, что высланные въ секретъ солдаты наткнулись на казаковъ, которые встрѣтили ихъ словами:

— Чего вы шатаетесь? Турки сегодняшнею ночью будутъ дѣлать прорывъ.

Командиръ роты, выслушавъ извѣстіе, приказалъ часовымъ удвоить вниманіе. Два часа спустя явился снова фельдфебель и доложилъ, что, по слухамъ, въ нынѣшнюю ночь Османъ дѣйствительно будетъ прорываться.

— Кто принесъ это извѣстіе?

— Солдатъ изъ секрета.

— Хорошо, произнесъ командиръ. Прикажите секретамъ «смотрѣть въ оба», а людямъ быть въ полной готовности...

Въ 6 часовъ до слуха нашего донесся неясный шумъ и въ отдаленіи задвигались массы... Тотчасъ командиръ послалъ

ординарца къ начальнику дивизіи, просить разрѣшенія ударить тревогу. Но разрѣшенія не послѣдовало и велѣно было обождать до полнаго разъясненія дѣла. Часъ спустя снова былъ посланъ гонецъ съ приказаніемъ передать, что «турки уже отчетливо видны».

Вотъ тогда-то начальникъ дивизіи приказалъ немедленно ударить тревогу. Въ моментъ взвились ракеты я загремѣли барабаны. Солдаты бросились къ ружьямъ и разстегнули патронныя сумки...

— Братцы, штыками ихъ встрѣтимъ! крикнулъ начальникъ.

— Постараемся! загремѣло въ рядахъ.

— Колижъ бы знали, покрайности чистыя рубашки надѣли...

Санитарамъ было приказано слѣдить за ранеными и подбирать ихъ. Я схватилъ ружье, бросился къ насыпи и, что называется, впился глазами въ противника. Лицо мое горѣло, и въ этотъ моментъ я забылъ все на свѣтѣ. Какое-то невольное чувство кипѣло въ груди. Вскорѣ я могъ различить не только 4-хъ-рядную цѣпь, но и резервы. Пули ихъ непричиняли ни малѣйшаго вреда: онѣ свистали надъ головами и вонзались въ брустверъ. Для людей, незнакомыхъ съ войной, быть можетъ покажется страннымъ, а можетъ быть и просто вымышленнымъ тотъ фактъ, что въ это время офицеры расхаживали по банкету и повѣряли прицѣлы. Все ближе и ближе подходилъ противникъ, все сильнѣй и сильнѣй гремѣли орудія. Наконецъ мы сошлись на 50 шаговъ и, видя невозможность держаться долѣе противъ страшной массы, отступили и залегли въ ложементахъ, сзади расположенныхъ.

Непріятель крикнулъ «алла!» и снова двинулся впередъ. Мы подались еще назадъ и залегли во 2-мъ ряду люнетовъ. Въ эту минуту въ отдаленіи, какъ будто въ городѣ взвилась ракета. Солдаты ободрились.

— Должно, помощь идетъ, заговорили они.

— Ребята, дружнѣй!

Въ это же время сзади подошелъ Малороссійскій полкъ и присоединился къ намъ. Но, не смотря на это, мы продолжали отступать, такъ какъ держаться противъ такого числа и 2-мъ

полкамъ не было бы никакой возможности. Вскорѣ было получено приказаніе отъ начальника дивизіи, остановиться и перейти въ наступленіе.

Раздался звукъ аттаки, и мы бросились впередъ, открывъ ужасную пальбу. Но турки, какъ бѣшеные летѣли, желая какъ бы раздавить насъ компактной массой. Мы снова начали отступленіе, но тихое и спокойное. Но едва мы очутились на «линіи копаной могилы», какъ показался сначала Астраханскій полкъ, зашедшій во флангъ туркамъ и затѣмъ полкъ Фанагорійскій. Дружно ударили мы съ фронта и съ фланга и на штыкахъ вынесли непріятеля изъ ложементовъ. Въ это самое время съ праваго фланга показалась бригада 2-й дивизіи, а съ лѣваго фланга—5-я дивизія и румыны. Турки были окружены и положили оружіе... Здѣсь я былъ раненъ и потерялъ сознаніе. . Очнулся я на перевязочномъ пунктѣ и вздрогнулъ. Мнѣ представилась снова картина, видѣнная въ бою. На брустверѣ, съ окровавленной и обезображенной головой, лежалъ раненый солдатъ; одной рукой онъ указывалъ на выступившій мозгъ, а другой—на небо. Передъ нимъ стоялъ турокъ съ опущенной саблей... Турокъ напалъ на раненаго, но, увидѣвъ страшный жестъ, невольно опустилъ оружіе и минуту спустя бросился бѣжать...»

На другой день, т. е. 29-го, Государь Императоръ прибылъ на редутъ, защищающій подступъ къ Плевнѣ по Гривицкому шоссе, въ сопровожденіи своей свиты и иностранныхъ уполномоченныхъ. Великій Князь ожидалъ Его Величество, который прибылъ въ одной каретѣ съ княземъ Карломъ румынскимъ. Подходя къ Великому Князю, Императоръ замахалъ по воздуху своей фуражкой и воскликнулъ «ура!» самымъ сердечнымъ образомъ. Великій Князь приблизился и отдалъ честь; Его Величество поцѣловалъ его и надѣлъ ему на шею орденъ св. Георгія. Затѣмъ Онъ пожаловалъ ордена генераламъ Тотлебену, Имеретинскому, Непокойчицкому и Левицкому. Затѣмъ отслуженъ былъ молебенъ, послѣ котораго всѣ отправились верхомъ въ Плевну, направляясь по наиболѣе малолюднымъ улицамъ. Въ маленькомъ домикѣ, окруженномъ

высокою каменною стѣною, былъ приготовленъ завтракъ, послѣ котораго вдругъ воцарилась тишина, и Османъ-паша былъ внесенъ на дворъ черезъ калитку, товарищемъ моимъ, княземъ Дадишкильяни и однимъ изъ его собственныхъ служителей. Когда его проносили по толпѣ штабныхъ офицеровъ, каждый изъ нихъ отдавалъ ему честь и восклицалъ: «браво, Османъ»! Потомъ онъ былъ внесенъ въ комнату, въ которой находился Императоръ. Государь пожалъ ему руку и приказалъ возвратить шпагу. Затѣмъ Османъ былъ вынесенъ и положенъ въ карету, среди продолжительныхъ одобреній русскихъ штабныхъ, на которыя онъ отвѣчалъ улыбками и поклонами. Рана его не серьезна, такъ какъ кость не повреждена, но онъ не могъ ходить. Осману-пашѣ было на видъ около 38 лѣтъ. Онъ имѣетъ 5 футовъ 8 дюймовъ роста и сложенъ крѣпко; волосы у него черные, съ бородой и усами такого же цвѣта; черты лица правильныя, глаза свѣтлые, выраженіе на лицѣ спокойное, самоувѣренное. Послѣ свиданія съ Османомъ, Императоръ сѣлъ въ коляску въ сопровожденіи, на этотъ разъ, Великаго Князя Сергѣя Александровича, и поѣхалъ по главнымъ улицамъ Плевны. Теперь туда входили турецкіе раненые, покрытые кровью; они представляли печальное зрѣлище. Возникли нѣкоторыя жалобы на то, что большее количество телѣгъ не было приготовлено для болѣе поспѣшной перевозки; но дѣло въ томъ, что теперь каждый человѣкъ слишкомъ отдался радостямъ, по случаю важной побѣды, чтобы думать о чемъ-нибудь и о комъ. Поговаривали также, что Османъ хотѣлъ лишить себя жизни, ибо врачи, осматривавшіе его рану, объявили, что необходима ампутація ноги. Это извѣстіе, полагаютъ, и заставило его рѣшиться на самоубійство, такъ какъ мусульмане вообще чувствуютъ крайнее отвращеніе къ физическому уродованію. Можетъ быть укоренившееся у мусульманъ отвращеніе къ ножу хирурга, помимо недостаточнаго знакомства съ успѣхами научныхъ операцій, обусловливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что кража и другіе неблаговидные проступки наказываются по корану обрѣзываніемъ руки или ноги. Коранъ говоритъ въ 5-й главѣ, названной «Столъ»:

«О, правовѣрные, если мужчина или женщина украдетъ, отрѣзывайте имъ руки». А въ сурѣ говорится: «люди, ведущіе борьбу противъ Бога и его апостоловъ и старающіеся жить развратно на землѣ, пусть у нихъ будутъ отрѣзаны руки и ноги накрестъ». Такія наказанія теперь уже не полагаются, но чувство отвращенія къ нимъ все еще сохранилось у многихъ мусульманъ; вѣроятно оно-то, вмѣстѣ съ нежеланіемъ жить въ плѣну, и побудило Османа рѣшиться на смерть.

О карьерѣ Османа разсказывалось много небылицъ. Но въ дѣйствительности онъ родился въ Амаліи, въ Малой Азіи, и его черты лица строго азіатскаго типа. Арабская газета «An-Nahluh» или «Пчела», издаваемая въ Лондонѣ, говоритъ, что «его родители были люди бѣдные, но онъ имѣлъ возможность получить воспитаніе въ Константинополѣ въ военной академіи, одновременно съ Мехметомъ-Али и Сулейманомъ пашами. Далѣе ничего неизвѣстно объ его карьерѣ до 1876 года, когда онъ былъ командиромъ Виддинскаго корпуса и въ качествѣ побѣдителя дебютировалъ битвой при Зайчарѣ. Въ началѣ нынѣшней войны онъ находился въ Виддинѣ съ 35,000 человѣкъ войска. Услышавъ о взятіи Никополя русскими, съ 6,000 человѣкъ онъ занялъ Плевну и въ нѣсколько недѣль превратилъ ее въ настоящую крѣпость.»

Хитрость храбраго защитника Плевны, заставляла иногда сомнѣваться въ истинности разсказовъ перебѣжчиковъ; такъ, русскія войска, по сообщенію корреспондента «Нов. Врем.», видѣли цѣлые табуны пасущагося скота, находили въ ранцахъ убитыхъ турокъ изрядные запасы провизіи и боевыхъ снарядовъ. Этими хитростями Османъ вызывалъ русскую армію на аттаку неприступныхъ позицій, которая одна могла дать ему нѣкоторые шансы на освобожденіе изъ стальнаго кольца. На самомъ же дѣлѣ солдатскіе раціоны были уже давно уменьшены, и въ послѣдніе дни дошли до такихъ ничтожныхъ размѣровъ, что между турецкими защитниками Плевны было готово ежеминутно вспыхнуть возстаніе. Османъ-паша принужденъ былъ по ночамъ переодѣваться и мѣнять свое пребываніе: онъ боялся, что его убьютъ. Убѣдившись въ необходимо-

сти такъ или иначе покончить съ положеніемъ, сдѣлавшимся и безнадежнымъ и невозможнымъ, Османъ-паша началъ приготовленіе къ аттакѣ русскихъ позицій.

Снова потянулась наша безалаберная боготская жизнь. Одно только, пожалуй, обстоятельство на время заставило насъ развлечься. Посреди двора, т. е. скорѣе въ углу, гдѣ жилъ Главнокомандующій, была разбита круглая большая палатка для плѣннаго Османа. Бывало и ходили смотрѣть на героя, да все какъ-то неудавалось. Богъ уже знаетъ почему, только радости о сдачѣ Плевны мы не слишкомъ предавались. Попрежнему всю ночь играли въ карты и только иногда, если случалось достать какой-нибудь номеръ газеты, прочитывали вмѣстѣ. А вообще-то говоря, даже и интересныя статейки, если только онѣ и попадались, не любопытство возбуждали въ насъ, а просто разгоняли тоску. Да оно и понятно:—все это было давно знакомо, старо и перечувствованно... Разъ какъ-то принесъ я изъ главной квартиры № газеты. Въ землянкѣ было цѣлое собраніе—шесть офицеровъ, да два юнкера. Заплывшій огарокъ сальной свѣчки, вставленный въ бутылку, тускло освѣщалъ невеселыя лица.

— Эхъ, ужъ надоѣла эта проклятая жизнь,— съ горькой усмѣшкой сказалъ К.,— а я то думалъ, что на войнѣ и минуты не будетъ отдыха и въ милой наивности даже и краски не взялъ съ собой.

— Да и я такъ же думалъ,—отвѣтилъ другой,—да ошибся, тутъ отъ тоски готовъ, хоть къ черту на рога. Да давайте что-ли читать, кстати газету достали.

— Ну что мы будемъ читать,—присталъ какъ піявка П.,—развѣ вотъ...

И схвативъ газету онъ прочелъ: «Юнкеръ!» и тотчасъ же бросилъ въ сторону.

— Контора что-ли?.. аль прогорѣла?

— Какая тамъ контора, просто «Юнкеръ».

— Заглавіе что-ли?

— Ну хоть бы заглавіе, такъ что-жъ?

— Да можетъ интересно.

— Ну и читай, коли интересно, авось скуку еще больше нагонишь. Экая, прости Господи, тоска... тоска-то какая!

Сидѣвшій въ углу, дотолѣ молчавшій, отыскалъ заглавіе, подвинулъ огарокъ и спросилъ:

— Читать что-ли?

— Да читай, какъ-то вяло отвѣтило нѣсколько голосовъ.

— «Вотъ потухаетъ солнце, началъ чтецъ, и измѣняются краски: горы побагровѣли и покрылись полутемной мглой, вершины только еще алѣютъ и свѣтятся; еще одинъ часъ—и все скрылось изъ глазъ. Настаетъ ночь. Какая тишина! Лунная тѣнь нѣжно стелется по землѣ, и это еще болѣе придаетъ пріятности. Теперь же, зимой, и при не жаркихъ дняхъ выпадаютъ теплыя, чудныя ночи... Подъ навѣсомъ и снаружи болгарскихъ домовъ, на соломѣ, покоятся наши солдаты сладкимъ, мирнымъ сномъ... Тишину изрѣдка нарушаетъ скачущій по узкой тропинкѣ казакъ... Иногда раскатъ орудія тихо слышится вдали... Идете далѣе... Серебристой струей льется вода съ шумомъ изъ источника... Вотъ вороны да коршуны еще при дорогѣ не уснули: они еще долбятъ павшую лошадь... Среди этой ночной тишины въ одной только сторонѣ... тамъ, около лазарета, еще слышится говоръ и стоны страдальца; идемъ туда.

— Дай-ка, сестрица, испить чего нибудь; во рту пересохло!.. доносится до васъ.

Сестрица, дежурящая всю ночь, тянется къ больному съ кисловатымъ клюквеннымъ питьемъ и подаетъ его солдату.

— Очень вкусно, сестрица!.. Ишь какое аленькое!..

Вдругъ послышалось какое-то безпокойное движеніе вблизи маленькаго болгарскаго домика, умазаннаго сѣрою глиною.

Сестры и студенты, болгаринъ да нѣсколько солдатъ бѣжатъ въ избу.

— Худо! очень дурно стало ему! кричитъ кто-то.

— Скорѣе, идите скорѣе!

Входимъ въ избу и мы за студентами и сестрами.

Въ избѣ на носилкахъ, положенныхъ на полу, лежитъ больной мальчикъ-юнкеръ, который оставленъ былъ два дня

назадъ изъ транспорта, потому что онъ былъ тяжело болѣнъ и не могъ слѣдовать дальше. У него былъ тифъ. Помѣстили его въ болгарскую избу потому, что знали, какъ вредно отозвался бы на немъ видъ лазаретнаго барака. Онъ страшно худъ; глаза мутные; губы потрескались, засохли, языкъ со всѣмъ бѣлый, сухой. Лицо юнкера выражало глубокое страданіе!.. Несчастный былъ еле живъ! При немъ безотлучно находился или студентъ, или сестра. Эту ночь ему очень плохо и всѣ собрались, силясь помочь... Все было напрасно! Сколько ни хлопотали, стараясь спасти, онъ не подавалъ ни малѣйшей надежды на благопріятный исходъ. Уста его были уже безмолвны и сжаты... Онъ не разъ схватывалъ руку сестры, которая ухаживала за нимъ, и жалъ ее... Страдальческій видъ его лица смѣнялся тогда на секунду страдальческой улыбкой. Видимо онъ былъ тронутъ теплымъ участіемъ и сердечнымъ уходомъ за нимъ въ странѣ, далекой отъ родныхъ и знакомыхъ... Быть можетъ онъ вспоминалъ мать, отца, сестеръ!..

Онъ былъ въ агоніи и дышалъ тяжело. Сердце его уже бьется напрасно... Всѣ стоятъ кругомъ и ждутъ.

— Уже не дышетъ!..

— Не дышетъ?..

Не то страхъ, не то жалость напала на нашу душу.

Всѣ замолкли на минуту.

— Нѣтъ, вотъ вздохнулъ... разъ!.. еще!..

Тишина настала кругомъ... точно ждемъ чего-то.

— Умеръ!.. Скончался!.. послышалось вдругъ направо отъ насъ. Студентъ приложилъ къ сердцу стетоскопъ, — оно не билось; стали выслушивать легкія — они не дышали. Болгаринъ, стоявшій тутъ, заплакалъ; роняли слезы и сестры... Но вотъ болгаринъ подходитъ къ покойнику, стягиваетъ чулки и начинаетъ щекотать ноги... Смотримъ, что будетъ далѣе?.. Онъ началъ пальцами проводить по спинѣ умершаго.

— Что ты дѣлаешь?

— Пробую, братушка, не оживетъ-ли онъ!...

Пришли трое раненыхъ изъ лазарета; одинъ изъ нихъ прибылъ ползкомъ, они узнали, что юнкеръ умеръ.

— Ишь вѣдь, Богъ несподобилъ его снова идти на турокъ-то! говорилъ приползшій въ хату.

— Ну, а ты развѣ думаешь идти воевать?

— Я-то! Дай Господи только на ноги лишь встать! Опять отправлюсь, ваше благородіе, бить турокъ! Что бы я, русскій солдать, да потерялъ храбрость? Ни-и-когда!...

Скоро нѣсколько солдатъ раздѣли и обмыли покойника; потомъ одѣли его въ чистое бѣлье и положили на носилки, на которыхъ онъ лежалъ.

Болгаринъ, созерцавшій всю эту сцену, обращается къ намъ:

— Братушка!... а братушка!...

— Что?

— Азъ братушка, приведу свою булку!... Мощно братушка?

— Кто тамъ?

— Азъ, братушка! Азъ съ булкой...

— Входи!

Болгаринъ впускаетъ впереди себя молодую, премиленькую болгарку, которая бросается къ ногамъ покойника, начинаетъ плакать и причитать!

— А развѣ жаль вамъ русскаго юнкера? спросилъ я болгарина.

— Жаль! Какъ своихъ мы жалѣемъ братушекъ!... Если мы не пожалѣемъ, то кто пожалѣетъ его?... И болгаринъ плачетъ.

Разсвѣло. Настало прекрасное утро. Всѣ оживились въ селѣ. Въ воздухѣ сухо, тепло. Солнышко такъ и грѣетъ. Только Балканы представляютъ контрастъ. Глядите вы въ нихъ: словно молочнымъ паромъ, окутались они снѣгомъ. Болгары уже уходятъ кто на поле, кто на работу, кто куда.

Еще съ раннимъ утреннимъ разсвѣтомъ, нѣсколько болгаръ и болгарокъ съ ихъ дѣтьми пришли въ избу, гдѣ лежалъ покойный юнкеръ. Онъ лежалъ уже въ простомъ гробу, который обошелся около 25 серебряныхъ рублей. Покупали для гроба по доскѣ, и платили за каждую по нѣсколько рублей.

Болгарки и болгарскія дѣти обложили покойника цвѣтами.

Начались причитанія и слезы. Плакали всѣ: и женщины, и дѣти, и мужья-болгары. У гроба ярко горѣли свѣчи. Скоро собрался весь персоналъ студентовъ и сестеръ лазарета. Прибыло нѣсколько и раненыхъ. Наконецъ пріѣхалъ болгарскій священникъ, который тотчасъ одѣлся въ ветхія ризы и покойнаго юнкера понесли въ болгарскую церковь. Гробъ несли студенты и сестры на рукахъ. Священникъ шелъ позади гроба, рядомъ съ санитаромъ. Послѣдній замѣнялъ дьяча. Сзади шли раненые и болгарскія семьи. Трогательная была церемонія! Простое пѣніе «Святый Боже!» разносилось въ воздухѣ на похоронахъ юнкера. Знаютъ ли родные юнкера о томъ, что такъ хоронится онъ здѣсь! Знаютъ ли они еще то: живъ ли онъ? Всѣ шли тихо... Скоро принесли въ болгарскую церковь и поставили гробъ просто на полу. Церковь—убогая, бѣдная.

Послѣ отпѣванія тѣла, покойнаго, изъ церкви понесли на болгарское кладбище. Закопали въ могилу. Болгары поставили на могилѣ крестикъ съ надписью. Сестра сплела вѣнокъ....

Въ землянкѣ снова воцарилась мертвая тишина. Грустно вздохнулъ кто-то и смолкъ...

Вдругъ П., сидѣвшій въ углу, пошатнулся, и изъ ослабѣвшихъ рукъ выпалъ клочекъ исписанной бумаги. То былъ романсъ, написанный экспромтомъ. «Прочти», пристали мы. Раздался нѣжный, трепещущій голосъ:

Что вижу я? Ужели—ты
Съ небесъ ко мнѣ, мой другъ, явилась?
Ужели раны исцѣлить
Страдальца бѣднаго рѣшилась?

* * *

Уже-ль вняла моимъ ты стонамъ,
Проклятьямъ, слезамъ и любви
И, окрыленная какъ ангелъ,
Рѣшилась ты меня спасти?

* * *

Приблизься, Богомъ умоляю!
И я паду къ твоимъ ногамъ,

Слезами радости омою
И сердце вновь тебѣ отдамъ.

*
* *

О! для тебя я рай устрою,
Свѣтлицу въ пурпуръ облачу,
Изъ розъ дворецъ тебѣ построю,
Сокровищъ съ міра соберу.

*
* *

Молчишь? Иль ты не вѣришь
Мольбамъ и клятвамъ бѣдняка?
Что вижу я? Ты крылья расправляешь,
Ты снова смотришь въ небеса.

*
* *

О сжалься, сжалься надо мною,
Не покидай-же вновь меня,
Не въ силахъ я нести страданій,
Вѣдь я люблю, люблю тебя....
. . . .

— Да что вы въ самомъ дѣлѣ! заплакать хотите?—какъ-то болѣзненно вскрикнулъ С.

— А то, хотите, маркитанта повѣсимъ!

Мы вытаращили глаза. Дика была выходка. Но... ей мы обрадовались.

— Какого маркитанта?

— Что въ большой палаткѣ живетъ.

— Хотите? у меня и проэктъ въ головѣ. Давайте всѣ нарядимся въ бурки, сядемъ въ полукругъ и въ темнотѣ будемъ судить его. Онъ вѣдь съ насъ кожу деретъ — понатѣшимся вдоволь! И веревку, братцы, повѣсимъ, и петлю сдѣлаемъ, все будетъ по формѣ! Вымапить же его нѣтъ легче, а въ судилище представить и подавно. Какъ обвинитель, я начну такъ: «Скажи, доколѣ, воровская морда, ты будешь злоупотреблять нашимъ терпѣніемъ и высасывать изъ насъ послѣдніе живительные соки? Насталъ твой смертный часъ! молись!» Тутъ вы должны вскочить, броситься на него и повѣсить вмѣсто

шеи за ноги. Ну, повиситъ немножко, а тамъ и отпустимъ!.. Ну-съ?

Всѣ молчали. Грубая, но въ то время естественная, выходка смутила всѣхъ. Молча стали ложиться. Эхъ, время!....

Насталъ декабрь, а мы и не думали двигаться изъ Богота. Такъ и приросли, казалось, къ этой проклятой грязной деревнѣ Небо какъ нарочно хмурилось и снѣгъ все шелъ, шелъ и шелъ. Землянки совсѣмъ не было видно, и только мрачная крыша какимъ-то безобразнымъ кускомъ обозначалась на серебристой скатерти.

Въ продолженіи многихъ и многихъ дней ходить по улицамъ было невозможно – грязь невылазная. На счастье наше, въ одинъ прекрасный день невзгоды были позабыты—Великій Князь устроилъ въ деревнѣ маленькую баню. Нечего говорить, что съ утра до поздняго вечера у соблазнительнаго домика кишѣлъ народъ. Надо было видѣть, какъ были рады бѣдные солдатики. Появленіе бани вызвало у всѣхъ крики неизъяснимаго восторга. Съ этихъ поръ и у насъ пошло время веселѣй.

Черезъ нѣсколько дней я неожиданно получилъ приказаніе отправиться въ Ловчу въ качествѣ квартирьера и заготовить квартиры для 1-го дивизіона. Помню, когда я выѣхалъ съ 4 казаками, поднялась ужасная мятель. Но казаки нюхомъ узнавали мѣстность и до сумерокъ довели до Ловчи.

Здѣсь мы прожили недолго и 29-го были уже въ Сельви. На ночлегъ вмѣстѣ съ товарищемъ я попалъ въ одно турецкое семейство, которое приняло насъ какъ родныхъ. Два красавца мальчика, Ахметъ и Магометъ, нисколько не стѣснялись, играя съ нами въ карты. Самъ старикъ — глава семейства, отличался необыкновенною красотой и кротостью. Все, что было у него, онъ съ радостью предложилъ и на ночь устроилъ великолѣпныя постели. Когда же уѣзжали, онъ со старѣйшими турками пришелъ насъ проводить.

30-го, въ 5 часовъ утра, мы выступили на Габрово, котораго и достигли вечеромъ.

Остановившись въ первомъ попавшемся домишкѣ, я по-

скорѣе снялъ запыленные доспѣхи и отправился въ госпиталь. Тамъ уже кипѣла работа, и безконечное число транспортовъ приставало каждую минуту. На другой день, вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ, двинулись черезъ Балканы.

— Далеко-ли до горы св. Николая? спрашивали мы.

— Далеконько-съ, смѣясь отвѣчали выползшіе изъ землянокъ офицеры.

Черезъ всѣ Балканы мы прошли пѣшкомъ, ведя лошадей въ поводу. Пройдя шаговъ съ пятьдесятъ, мы увидѣли, что всѣ находящіяся войска были выстроены шпалерой по сторонѣ дороги, имѣя впереди пѣсенниковъ и музыкантовъ. Добрыхъ часа два мы шли до горы и, достигнувъ подошвы ея, съ ужасомъ взглянули на ужасную шипкинскую позицію. Шагахъ въ ста отъ горы, надъ обрывомъ, возвышалась цѣлая груда замерзшихъ труповъ. У Шипкинскаго прохода мы свернули съ дороги и развернули фронтъ въ ожиданіи Главнокомандующаго. Я соскочилъ съ лошади и оглядѣлся кругомъ. Боже мой, какая грандіозная и страшная мѣстность! Со всѣхъ сторонъ окружали торчащія скалистыя вершины, надъ которыми гордо и грозно возвышалась гора св. Николая. Слѣва и справа глубокіе овраги, покрытые сплошнымъ бѣлымъ саваномъ. А впереди—долина розъ, сливаясь на далекомъ горизонтѣ съ небомъ Я подбѣжалъ ко рву траншеи и, обогнувъ его, сталъ спускаться къ мортирной батареѣ. Здѣсь снова пришлось разводить руками при видѣ гигантскихъ, нечеловѣческихъ работъ, ибо самыя батареи были съ адскимъ упорствомъ высѣчены въ скалахъ. Съ батарей я вылѣзъ совершенно ошалѣлый и въ большомъ почтеніи къ энергичному врагу. Вскорѣ показалась коляска Великаго Князя, и мы стали спускаться съ Балканъ. У самаго спуска, въ долинѣ ожидало необыкновенное зрѣлище. Мы увидѣли поле сраженія послѣдняго славнаго шипкинскаго дѣла; мы увидѣли круговые редуты, разбросанные трупы, осколки оружія, цѣлый арсеналъ орудій и здѣсь же, на этомъ полѣ, увидѣли бѣлаго генерала передъ выстроившейся славной 16-й дивизіей. Великій Князь, въ сопровожденіи блестящей свиты, подъѣхалъ къ героямъ и со слезами на глазахъ бла-

годарилъ ихъ за вѣрную молодецкую службу. Проѣзжая мимо разбросанныхъ труповъ, мы увидѣли, что нѣкоторые горѣли. Картина разрушенія дѣйствительно ужасная, и мы рады были, когда миновали ее. Со всѣхъ сторонъ къ Казанлыку, до котораго оставалось не болѣе 7-ми верстъ, шли отдѣльныя части. При входѣ въ городъ мы остановились, такъ какъ въ это время на перерѣзъ шли войска. Когда музыка заиграла польку, нѣсколько человѣкъ солдатъ, не смотря на страшное утомленіе, пустились съ ружьями въ плясъ. Мы просто помирали со смѣху и велѣли заиграть мазурку. Каково же было наше удивленіе, когда одинъ солдатикъ началъ лихо откалывать по всѣмъ правиламъ извѣстный танецъ. Конечно, тотчасъ нашлись охотники-подражатели и, при громкомъ смѣхѣ товарищей, стали прыгать козлами. Тутъ ужъ мы начали задыхаться отъ небывалаго и невиданнаго зрѣлища. Но вотъ грянула музыка—танцоры бросились въ разныя стороны и, примкнувъ къ своимъ частямъ, замаршировали вмѣстѣ съ товарищами.

7-го января мы ликовали по поводу полученія радостныхъ свѣдѣній. Генералъ Гурко, отбросивъ 3-го января часть турецкой арміи отъ Кадыкіоя и Айранли, настойчиво продолжалъ атаку. Турки потеряли сорокъ девять орудій, взятыхъ нами съ боя и одними убитыми по крайней мѣрѣ 4 тысячи. Турки бѣжали горными тропинками въ разсыпную; путь къ Адріанополю черезъ Хаскіой отрѣзанъ окончательно. Генералъ Гурко доносилъ, что столь блестящимъ результатомъ трехдневнаго боя обязанъ энергіи, храбрости, неутомимости и находчивости графа Шувалова, а также храбрости и распорядительности генераловъ Дандевиля и Краснова: не находилъ словъ для оцѣнки заслугъ этихъ генераловъ; не могъ нахвалиться самоотверженіемъ, изумительною выносливостью и геройскимъ поведеніемъ доблестныхъ войскъ. Въ 6-ть дней войска сдѣлали безъ передышки 150 верстъ, пройдя при этомъ два весьма трудныхъ перевала, Вакорель и Траяновы-Ворота, послѣ этого немедленно вступили въ бой и дрались безъ отдыха три дня, съ ранняго утра до поздняго вечера, ночуя каждый разъ на полѣ сраженія. Не прошло и нѣсколькихъ дней со дня полу-

ченія этого извѣстія, какъ 11-го января мы уже знали, что Адріанополь палъ, а черезъ день мы выступили съ Великимъ Княземъ черезъ Эски-Загру, Эни-Загру, и 13-го января были уже въ Семенли. 14-го января Главнокомандующій прибылъ въ Адріанополь, проѣхавъ изъ Германлы по желѣзной дорогѣ. Онъ видѣлъ всю гвардейскую пѣхоту съ артиллеріей, и нашелъ ихъ въ блистательномъ видѣ. При самомъ въѣздѣ въ Адріанополь, Великій Князь былъ встрѣченъ депутаціями и духовенствомъ отъ болгаръ, грековъ, армянъ и евреевъ, съ хоругвями, значками и церковнымъ пѣніемъ. При самомъ выходѣ изъ вагона, Великій Князь поздоровался со всѣми и обнялъ Гурко и Нагловскаго. До самаго города Великаго Князя сопровождали барабанный бой и музыка. У входа въ городъ была воздвигнута тріумфальная арка изъ миртъ и лавра, на ея верху висѣлъ окаймленный лавровымъ вѣнкомъ портретъ Государя Императора. Всѣ балконы и окна домовъ были разукрашены флагами и переполнены женщинами. Отовсюду протягивались побѣдителю дѣтскія ручонки съ цвѣтами. Надъ Великимъ Княземъ развѣвались хоругви, и какъ-то чудно блестѣли иконы, кресты и ризы духовенства. Разношерстная блестящая толпа двигалась тихо за Главнокомандующимъ. Великій Князь подошелъ наконецъ къ конаку и, поблагодаривъ еще разъ всѣхъ, вошелъ во внутренніе покои...

Хоть и плохая, а грянула музыка, и нашъ полкъ торжественно вступилъ въ Адріанополь и занялъ квартиры.

Дня этакъ черезъ два послѣ моей поѣздки на укрѣпленія,— это было вечеромъ, часовъ въ восемь,—я услышалъ одиночные ружейные выстрѣлы. Еще минута—и выстрѣлъ раздался подъ окномъ. Я схватилъ револьверъ и выбѣжалъ на улицу.

— Гдѣ стрѣляютъ? обратился я къ первому попавшемуся болгарину.

— Тука, тука, братушка, домъ горѣ—тако треба.

Я подбѣжалъ къ часовому.

— Ты выстрѣлилъ?

— Точно такъ, потому тревога, — пожаръ, невозмутимо отвѣтилъ солдатъ.

— Такъ зачѣмъ же столько выстрѣловъ?

— Да то, осклабился часовой, болгарская полиція пуляетъ, съ дуру обрадовалась.

Я бросился бѣжать на мѣсто катастрофы и здѣсь, не смотря на разыгрывающуюся драму, едва могъ удержаться отъ смѣха. Братушки, схвативъ водокачалки и кишки, тащили ихъ къ пылающей стѣнѣ и при этомъ орали во все горло. Это были какіе-то животно-дикіе звуки, которые они испускали отъ удовольствія, что и имъ дали работу... Удивительный народъ эти братушки! Чего они только не выдумаютъ.

15-го января въ главной квартирѣ были получены свѣдѣнія о томъ, что въ ночь съ 12-го на 13-е января, генералъ Струковъ взялъ Люле-Бургасъ и нагналъ до 15-ти тысячъ подводъ съ удаляющимся мусульманскимъ населеніемъ, числомъ около 50-ти тысячъ человѣкъ. Вотъ съ этого-то времени, а именно съ 17-го января, массы бѣгущихъ мусульманъ стали производить на всемъ пути пожары, грабежи, насилія и убійства. 18-го января жители Родосто находились въ страшномъ смятеніи, такъ что одинъ изъ вице-консуловъ обратился письменно къ генералу Струкову о томъ, чтобы онъ оградилъ городъ отъ насилія и разбоя черкесовъ. Но въ самомъ Адріанополѣ, когда турецкій гарнизонъ выступилъ уже изъ города, господствовала страшная анархія. Черкесы стали безцеремонно грабить лавки, болгары бросились на турокъ—и началась ужасная кутерьма... Мало того, по улицамъ появились баррикады и всѣ жители поспѣшили вооружиться поскорѣй. 19-го января, ровно въ 6 часовъ вечера, въ главной квартирѣ раздалось громкое «ура»; я выбѣжалъ на улицу и увидѣлъ, что множество офицеровъ бѣжало по направленію къ конаку, гдѣ жилъ Главнокомандующій. Въ это самое время раздалось «ура» у самой мечети Селима. Я бросился туда и наткнулся на нѣсколько человѣкъ солдатъ.

— Чего вы кричите! что случилось? обратился я къ нимъ.

— Не можемъ знать,—отвѣтилъ бравый унтеръ-офицеръ,—закричали тамъ, а мы подхватили.

— Миръ! миръ! миръ! «ура!» кричалъ кто-то на бѣгу.

Солдатики подхватили и бросились бѣжать по улицамъ. Наконецъ отъ подбѣжавшихъ своихъ я узналъ, что Великій Князь и турецкій уполномоченный ровно въ 6 часовъ подписали предварительное условіе мира, а въ 7—условіе перемирія. Въ эту торжественную минуту насъ охватила всепоглощающая радость и дорогая родина мелькнула ужс передъ счастливыми глазами. Какъ въ лихорадкѣ мы вернулись домой и, непробывъ и 5 минутъ, снова разбѣжались по городу, прислушиваясь къ задушевнымъ крикамъ.

Въ одинъ прекрасный, а по моему злосчастный, день мы получили экстренное приказаніе отъ Главнокомандующаго немедленно выступить въ С.-Стефано, отстоящее по маршруту въ 230 верстахъ отъ Адріанополя. Эти 230 верстъ мы прошли залпомъ, безъ дневокъ и почти безъ корму.

Картина разрушенія представилась на всемъ пути: трупы людей, лошадей и скота попадались на каждомъ шагу. Въ послѣдній переходъ мы совершенно неожиданно, поднявшись на гору, увидѣли Константинополь.

— Братцы!.. взволнованнымъ голосомъ крикнулъ командиръ, вотъ непріятельская столица, до которой, проливая кровь, пробивались мы... Вотъ она—глядите, глядите!..

Страшное «ура» раздалось по всѣмъ рядамъ. «Боже Царя храни» заигралъ хоръ и мы сняли шапки.

Радостный крикъ все еще гремѣлъ въ заднихъ рядахъ.

«Ура!» и снова полкъ съ пѣснями двинулся впередъ.

11-го февраля, въ 4 часа ночи, Главнокомандующій, съ согласія султана, прибылъ по желѣзной дорогѣ въ С.-Стефано.

Вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ прибыла свита въ 50 человѣкъ, въ которой находились начальникъ штаба южной арміи, герцогъ Евгеній Лейхтенбергскій, принцъ Баттенбергъ. Реуфъ-паша вышелъ навстрѣчу Главнокомандующему и вмѣстѣ съ Мехмедомъ-Али и адъютантомъ султана привѣтствовали его появленіе, а греческое С.-Стефанское духовенство поднесло хлѣбъ-соль. Домъ, въ которомъ помѣстился Главнокомандующій, принадлежалъ знатному армянину Аракалъ-бей-Дадіану. Вскорѣ за Великимъ Княземъ прибыли русскіе и турецкіе

уполномоченные. Въ домѣ Шнейдера помѣстились: графъ Игнатьевъ, гг. Нелидовъ, Ону и Хитрово со всѣмъ персоналомъ канцеляріи. Вскорѣ прибыли и войска, которыя расположились лагеремъ въ окрестностяхъ С.-Стефано...

Было 8 часовъ вечера, когда я въѣхалъ въ ворота С.-Стефано. Площадь съ домомъ Великаго Князя была залита огнями и чуть не сплошь усѣяна лотками съ грудами апельсиновъ, капусты, табаку, халвы и всякой всячины. Цилиндры, фески, фуражки, кепи—шныряли взадъ и впередъ. Воздухъ ежеминутно оглашался то разудалой пѣсней подгулявшихъ, то флейтой, шарманкой и бубномъ странствующихъ музыкантовъ, то хоровою боевою пѣсней входящихъ войскъ.

Полный разгулъ и веселье. Знай нашихъ!

Кое-какъ я пробрался черезъ толпу и въѣхалъ въ узенькую, грязную улицу. Всѣ кабачки въ ней были открыты и освѣщены: солдаты и здѣсь гуляли.

— Другъ! чуть не плача надрывался солдатъ, обнимая шарманщика,—валяй родную... хранка не пожалѣю... вотъ тебѣ хрестъ...

На другой день я пошелъ осмотрѣть С.-Стефано и былъ въ восторгѣ отъ приморскаго городка. Славнымъ такимъ показался онъ мнѣ и видъ на море былъ очаровательный. Въ ресторанахъ, кабакахъ и лавкахъ — недостатка не было. Въ этотъ день за городомъ собрались всѣ войска и прошлись церемоніальнымъ маршемъ. Недуренъ былъ видъ на боевую картинку изъ самаго города. Въ этотъ же день послѣ обѣда на пристани играло нѣсколько оркестровъ музыки и пароходы, одинъ за однимъ, приставали къ берегу. Толпа любопытныхъ зѣвакъ съ недоумѣніемъ глядѣла на русскихъ офицеровъ. Ее поражало то, что «вандалы» говорили на иностранныхъ языкахъ и такъ же, какъ и они, ѣли съ помощью ножа и вилки. «Неужели они не ѣдятъ сыраго мяса?» думали они. «Странно, а вѣдь мы думали, что они совсѣмъ дикіе». Кое-какъ я отдѣлался отъ цивилизованной толпы и пробрался къ только-что приставшему пароходу. Здѣсь я совершенно неожиданно встрѣтился съ товарищемъ по дѣтству и потащилъ къ себѣ.

Вечеръ прошелъ въ веселой болтовнѣ и въ воспоминаніяхъ прожитаго на войнѣ. Между прочимъ онъ очень подробно разсказалъ мнѣ про знаменитый балъ, данный въ Родосто гвардейскими кавалерійскими офицерами. Подъ бальную залу была отведена самая большая и лучшая комната перваго въ городѣ ресторана. Музыка, конечно, была собрана изъ всѣхъ полковъ, бывшихъ на лицо, а гости—семейства проживавшихъ консуловъ и горожанъ. Дамы были въ яркихъ дорогихъ платьяхъ, а офицеры (не лишнее замѣтить, что обоза не было) различно: въ теплыхъ пальто, полушубкахъ, тужуркахъ и мундирахъ. Дурную игру музыки въ этотъ вечеръ кавалеры объяснили дамамъ очень просто: «пули-де трубы попробили, оттого и настоящаго звука нѣтъ». Дамы согласились. Картина бальной залы была вначалѣ такова: дамы, ужъ Богъ ихъ знаетъ почему, какъ стадо испуганныхъ овечекъ, скучились въ правомъ углу, а кавалеры—передъ ними, въ самомъ живописномъ безпорядкѣ.

Первый контръ-дансъ сошелъ вяло и дамы замѣтно путали. Но послѣ перваго «grand rond», который сошелъ, сверхъ всякаго чаянія, прекрасно, общество развеселилось. Интереснѣе всего было то, что дамы знали только турецкій и греческій языки, вовсе неизвѣстные ихъ кавалерамъ, а потому послѣдніе, чтобы занять дамъ, вынимали изъ кармановъ деньги и, показывая ихъ, спрашивали: «сколько гологанъ? Дамы смѣялись и чмокали губами...

Но, несмотря на все это, веселились отъ души. Наконецъ, настать часъ ужина, и кавалеры повели своихъ дамъ на верхъ, гдѣ уже былъ накрытъ роскошно сервированный столъ. Нечего говорить, что хозяева разсыпались въ самыхъ лестныхъ благодарностяхъ за принятое приглашеніе. Ужинъ былъ великолѣпный, и прекрасное вино не замедлило оказать самое благотворное дѣйствіе. Послѣ тоста, предложеннаго за дорогихъ гостей, президентъ города поднялся съ своего мѣста съ бокаломъ. «Наша душевная благодарность», началъ онъ, «можетъ быть выражена слѣдующимъ»—тутъ онъ повернулся и указалъ рукой на одного молодаго человѣка, уже взобравшагося на

табуретъ съ листомъ бумаги. Президентъ поклонился и сѣлъ.

Жаркая рѣчь молодаго человѣка была покрыта шумными аплодисментами.

Послѣ ужина снова начались танцы, но самые оживленные и веселые. Далеко за полночь разъѣхались очарованные гости»...

Легли мы поздно...

На другой день, напившись мутной воды вмѣсто чая, мы отправились во вновь открытый кафе-шантанъ. По дорогѣ, для курьеза, мы зашли въ парикмахерскую или по-просту въ цирульню. Она имѣла видъ невообразимо грязной конурки. Направо отъ дверей помѣщалось небольшое зеркало, передъ нимъ столъ, на столѣ пузырекъ съ какою-то подозрительною жидкостью; далѣе—щетка, помазокъ и тряпка...

Съ одной стороны къ столу примыкала исполинская бочка съ виномъ, а съ другой—грязный прилавокъ съ апельсинами, табакомъ и водкой. Отложивъ бритье до другаго раза, мы отправились въ кафе-шантанъ.

Это была громадная зала съ безчисленнымъ множествомъ столовъ, вокругъ которыхъ сидѣло офицерство. Въ одномъ углу помѣщался буфетъ, а въ другомъ—продавались скатерти, букеты и складные фонари; наконецъ, въ третьемъ—столъ, вокругъ котораго сидѣли артисты и артистки.

Оркестръ игралъ довольно сносно, и женскій персоналъ велъ себя безупречно. Любимой пѣсней офицеровъ была—общеизвѣстный, избитый постильонъ. Его пѣли всѣ, не исключая и лакеевъ, за то ужъ всегда цѣлая масса букетовъ летѣла къ ногамъ пѣвицы.

Въ 11 часовъ я разстался съ товарищемъ и поплелся домой съ невеселой думой... что-то скажетъ завтрашній день, 19-го февраля?...

Долго я еще ворочался на постелѣ, прежде чѣмъ заснуть. Картина божественной родины, тихаго Дона, внезапно предстала передо мной. Съ сладкой грезой «до скораго свиданія» заснулъ тревожнымъ сномъ.

19-го февраля, съ самаго утра толпился у церкви народъ,—

ждалъ Великаго Князя. Ровно въ 11 раздался звонъ, и къ двумъ часамъ войскамъ приказано было собраться у маяка. Между тѣмъ какъ войска нетерпѣливо ждали Главнокомандующаго, въ самомъ городѣ происходило слѣдующее. Великій Князь у себя выжидалъ рѣшенія совѣщанія генерала Игнатьева съ Савфетомъ-пашей. Вскорѣ къ Великому Князю явился полковникъ Орловъ и объявилъ, что миръ подписываютъ. Тогда Великій Князь вышелъ изъ дома и, сѣвъ на лошадь, шагомъ поѣхалъ къ войскамъ. Вскорѣ снова подскакалъ полковникъ Орловъ и сказалъ:

— Ваше Императорское Высочество, вотъ перо, которымъ миръ подписанъ!

Великій Князь снова направился къ войскамъ и, недоѣзжая до нихъ, былъ остановленъ генераломъ Игнатьевымъ, который и поздравилъ его съ миромъ. Тогда Главнокомандующій, подъѣхавъ къ войскамъ и поздоровавшись со всѣми, крикнулъ: «гг. офицеры ко мнѣ!»

Съ быстротою молніи собрались всѣ передъ фронтомъ. Кто верхомъ, кто держа въ поводу, окружили Великаго Князя, который, обратившись къ войскамъ, дрогнувшимъ голосомъ воскликнулъ:

— Богу угодно было благословить насъ миромъ, «ура!»

Громкое, долго сдерживаемое «ура», казалось, потрясло стѣны Константинополя; Великій Князь далъ знакъ умолкнуть. Снова обратился къ войскамъ, благодаря ихъ, отъ имени Императора, за славную службу.

Затѣмъ Великій Князь, быстро соскочивъ съ лошади, крикнулъ:

— Шапки долой, на молитву!

Начался молебенъ. Усердно молились войска. Чудная торжественная минута... «За упокой убіенныхъ» провозгласилъ діаконъ.

Великій Князь, а за нимъ и всѣ опустились на колѣни.

Въ $5^1/_2$ часовъ начался парадъ. Стемнѣло — и на маякѣ показался свѣтъ. Солдаты, завидѣвъ его, перекрестились.

— Братцы, вишь — свѣтъ! значитъ доподлинно миръ!

Съ музыкой и пѣснями войска возвратились въ городъ.

Торжество было необыкновенное. Всѣ сразу стали знакомыми, и шампанское полилось рѣкой. Рестораны были биткомъ набиты офицерами.

Въ кафе-шантанѣ разливное море... Ужъ не пѣвицы пѣли, а гости, и стѣны, казалось, готовы были рухнуть отъ потрясенія.

Между офицерами былъ добрѣйшій генералъ Ш....ъ, за здоровье котораго дружно былъ предложенъ тостъ. Любимый начальникъ тотчасъ отвѣтилъ:

— Господа! Я только нѣсколько дней командую гвардейскимъ корпусомъ и отъ души счастливъ тѣмъ. Вы, братцы, сослужили службу вѣрную и перенесли неимовѣрные труды. Между нами есть офицеры, непринадлежащіе къ гвардейскому корпусу... Они точно также сослужили вѣрой и правдой!

— Братцы! за здоровье всей доблестной арміи!

— Ура! гаркнуло собраніе въ отвѣтъ.

Оркестръ заигралъ народный гимнъ, всѣ встали, и воцарилось молчаніе...

По окончаніи гимна, снова загремѣло «ура».

Шумно и весело провели мы вечеръ и до разсвѣта распѣвали «постильонъ». Выходя изъ кафе, я нечаянно зацѣпилъ локтемъ одного господина и, конечно, извинился.

— Какіе тутъ пардоны, весело сказалъ онъ; давайте лучше поцѣлуемтесь и будемъ знакомы. Коррдспондентъ такой-то.

Я его крѣпко поцѣловалъ и, опьяненный восторгомъ отъ всего происходившаго, вышелъ на улицу. Лицо мое горѣло, и въ этотъ незабвенный для меня моментъ я готовъ былъ упасть на колѣни и лобызать холодѣющую землю... Памятенъ будетъ славный день 19-го февраля.

Въ этотъ же день Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ была послана Императору телеграмма слѣдующаго содержанія:

«Имѣю счастіе поздравить Ваше Величество съ подписаніемъ мира. Господь сподобилъ намъ, Государь, окончить предпринятое Вами великое, святое дѣло. Въ день освобожденія крестьянъ Вы освободили христіанъ изъ-подъ ига мусульманскаго».

Султанъ турецкій въ свою очередь поздравилъ Императора въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Пользуюсь днемъ восшествія на престолъ Вашего Императорскаго Величества, чтобы принести Вамъ мои поздравленія, и при этомъ случаѣ возобновить наши дружественныя отношенія».

На что полученъ отвѣтъ:

«Благодарю Ваше Императорское Величество за выраженныя Вами благія желанія. Получивъ ихъ одновременно съ извѣстіемъ о подписаніи мира, Я съ удовольствіемъ вижу въ этомъ совпаденіи предзнаменованіе хорошихъ между нами отношеній—долговѣчныхъ и прочныхъ».

Въ 10 часовъ, на другой день, я вышелъ на площадь, и видъ ея—былъ видъ комнаты, изъ которой только-что вынесли мебель. Я пошелъ къ морю, которое въ этотъ день было очаровательно. Волны съ ревомъ бились о пристань и миріады бѣлыхъ рыболововъ носились надъ ними. Народъ, какъ и всегда, толпился у пристани. Налюбовавшись до-сыта чудной картиной, я отправился домой и приказалъ осѣдлать своего «Россинанта». Часъ спустя я уже скакалъ къ бивуаку гвардейской казачьей батареи. Встрѣтили меня какъ роднаго и усадили за обильно уставленный столъ. Послѣ обѣда поднялась оживленная болтовня и была разсказана масса прекурьезныхъ эпизодовъ.

Такъ, одинъ офицеръ повѣдалъ слѣдующій безподобный эпизодъ:

Во время аванпостной службы въ рущукскомъ отрядѣ подъ Апанапакомъ, три казака-атаманца, въ виду эскадрона черкесовъ, стояли подъ деревомъ и о чемъ-то съ жаромъ спорили. Вскорѣ къ нимъ подъѣхалъ офицеръ.

— Что вы здѣсь дѣлаете?—спросилъ онъ.

— Да вотъ, ваше благородіе, думаемъ, какъ бы турку атаковать... Вотъ онъ пойдетъ съ лѣваго фланга, а мы вдвоемъ съ фронту... Только, — замялись казаки, — одного боимся... какъ бы потерь большихъ не было, — отъ начальства взбучка будетъ...

Подвигъ вахмистра Антона Аведикова, гвардейской донской казачьей батареи, привелъ всѣхъ въ восторгъ. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ: вахмистръ Аведиковъ, идя съ батарейнымъ обозомъ, отсталъ отъ батареи, будучи задержанъ подъемомъ пѣшей артиллеріи на горы передъ Вѣтреновымъ. Такъ какъ при батареѣ денежнаго ящика не было, то всѣ батарейныя суммы, въ количествѣ 9-ти тысячъ, находились при обозѣ; хотя обозъ и прибылъ того же числа вечеромъ въ Вѣтреново, но батареѣ приказано было, не останавливаясь въ послѣднемъ, продолжать движеніе на Базиль, для соединенія съ 3-ю гвардейской кавалерійской бригадой. На другой день бригада, вмѣстѣ уже съ батареей, пошла въ обходъ Татаръ-Базарджика; обозъ же, по личному приказанію генералъ-адъютанта графа Шувалова, былъ остановленъ въ деревнѣ. Войдя 7-го января въ дер. Дербетъ и выкормивши лошадей, Аведиковъ хотѣлъ было продолжать движеніе, какъ его предупредилъ болгаринъ, что къ деревнѣ съ правой стороны идутъ вооруженные турки числомъ до 60-ти человѣкъ и что въ разстояніи полчаса отъ деревни, влѣво, находятся баши-бузуки и черкесы, а впереди, въ разстояніи одной версты, — около табора пѣхоты. Чтобы спасти обозъ, а главное—казенныя суммы, вахмистръ Аведиковъ распорядился такъ: чтобы никого не выпустить изъ наступавшихъ турокъ, которые могли дать знать о ничтожномъ прикрытіи обоза, рѣшился не допустить ихъ до деревни, броситься на нихъ съ находившимися при немъ четырьмя конными казаками и, если удастся, обезоружить; четыремъ же подводчикамъ, управлявшимъ фурами, приказалъ сѣсть на пристяжныхъ обозныхъ лошадей и, обскакавши деревню, показаться въ тылу у турокъ. Вынувъ револьверы, вахмистръ Аведиковъ и съ нимъ четыре казака, выѣхали изъ деревни и понеслись на турокъ.

Во время этой атаки, послѣдніе успѣли сдѣлать два залпа, но безполезно. Казаки, подскакавъ къ непріятелю шаговъ на 30, сдѣлали залпъ изъ револьверовъ и убили двухъ: одинъ изъ нихъ былъ ихъ старшій, другой — горнистъ. Наскочивши съ

вынутыми шашками, казаки крикомъ и знаками показали туркамъ положить оружіе.

Турки, озадаченные неслыханною смѣлостью и слыша въ тылу крики казаковъ, сдались. Плѣнные были приведены въ деревню. Послѣ этого лихой вахмистръ, зная близость турокъ, а вслѣдствіе этого и опасное положеніе обоза, тотчасъ запрягъ его и потянулся назадъ, захвативши плѣнныхъ и часть болгаръ для конвоя. Отойдя на нѣкоторое разстояніе отъ деревни, вахмистръ встрѣтилъ 3-ю гвардейскую кавалерійскую бригаду и обо всемъ происшедшемъ доложилъ командиру свиты Его Величества графу де-Бальману. По приказанію командира бригады, плѣнные, въ числѣ 59-ти человѣкъ, при конвоѣ двухъ казаковъ, участвовавшихъ въ атакѣ, и болгаръ, были отправлены въ Филиппополь къ генералу Гурко.

За геройскій поступокъ казакъ вахмистръ Аведиковъ представленъ въ офицеры.

Затѣмъ перешли къ декламаціи стиховъ, написанныхъ солдатами въ различное время. Наилучшими стихами оказались написанные фельдфебелемъ 13-й роты лейбъ-гвардіи Павловскаго полка Пономаревымъ.

Всѣ эти пѣсни имѣютъ слишкомъ большое значеніе въ боевой жизни солдата. Тяжело раненый молитъ сотоварища:

— Землякъ! сыграй, душа, на барабанѣ, все легче будетъ.

21-го февраля, въ 11 часовъ, я вошелъ въ садъ, прилегавшій къ дому Великаго Князя, и увидѣлъ торжественную процессію: впереди Главнокомандующаго, который шелъ съ непокрытою головой, слѣдовало греческое духовенство, впереди котораго—мальчики въ бѣлыхъ и красныхъ одеждахъ, со свѣчами въ рукахъ, а позади—нѣсколько офицеровъ, тѣлохранитель Главнокомандующаго и взводъ турецкой полиціи. Въ 1 ч. съ 1/4 былъ перенесенъ гробъ князя Черкасскаго. Къ вечеру погода разгулялась, и на душѣ стало отраднѣе.

22-го погода стояла ужасная. Въ половинѣ втораго происходило отпѣваніе тѣла князя Черкасскаго, послѣ котораго оно было перенесено на другое мѣсто—здѣсь же, въ церкви. Гробъ несли: Великій Князь, графъ Игнатьевъ, генералъ Не-

покойчицкій и другіе генералы. Въ этотъ день, въ два часа, пріѣхалъ германскій посолъ, принцъ Рейсъ, за которымъ въ коляскѣ Великаго Князя поѣхалъ дежурный ординарецъ.

Дня черезъ три, послѣ неудавшагося «grand bal», я отправился въ деревню Беюкъ-Калкалы, гдѣ въ это время стоялъ штабъ генерала Скобелева. Это была небольшая разрушенная деревенька съ нѣсколькими уцѣлѣвшими дырявыми домами. Штабъ генерала жилъ бѣдственно. Пустая со скважинами комнатка, мѣшокъ съ кукурузой, на немъ кувшинъ—въ кувшинѣ огарокъ, на стѣнѣ—ободранный барабанъ, пальто да сабля. Спятъ на полу. Это комната ординарцевъ. Но не смотря на бѣдственную обстановку, мы провели нѣсколько дней самымъ прекраснымъ образомъ.

Вотъ здѣсь-то мнѣ удалось, съ согласія генерала, выписать всѣ приказы его. Считаю не безъинтереснымъ привести ихъ здѣсь:

«Отъ 27-го августа, Боготъ.

Вамъ предстоитъ исполнить трудную, но отмѣнно-славную задачу. Опираясь на плевно-ловчинское шоссе, овладѣть д. Брестовцемъ-Крышиномъ и высотами, пересѣкаемыми плевно-ловчинскимъ шоссе, окаймляющимъ Плевно съ юга, и утвердиться на нихъ. Дальнѣйшее наше дѣйствіе будетъ указано намъ обстоятельствами. Во всякомъ случаѣ, вѣнцомъ задачи нашей—ворваться и остаться въ городѣ Плевно, прорвать и взять рядъ непріятельскихъ укрѣпленій и, наступленіемъ слѣва, захватить софійское шоссе—путь отступленія непріятеля. Повторяю, задача не легкая, но, я въ этомъ увѣренъ, достойна вашего мужества. Гг. офицеры и вы, ребята, убѣдились подъ Ловчей, что непріятель не можетъ устоять противъ вашего спокойнаго, вполнѣ порядочнаго, а потому и грознаго наступленія. Напоминаю о необходимости строго различать наступленіе отъ аттаки. Въ остальномъ предлагаю принять къ руководству мой приказъ передъ ловчинскимъ дѣломъ, гдѣ можно—должно окапываться пѣхотѣ и артиллеріи, а потому шанцовый инструментъ имѣть при себѣ.

Отступленія смѣны частей изъ боевыхъ линій, до конца

боя въ предстоящіе рѣшительные дни,—быть не могутъ. Будемъ стоять до конца, какъ стаивали наши отцы, подъ тѣми же знаменами, которыя нынѣ Царемъ вручены намъ.

Ребята! въ нашихъ рядахъ сегодня самъ Государь Императоръ. Онъ смотритъ на васъ, ждетъ отъ васъ побѣды, а съ нимъ и дорогое наше отечество».

Приказъ 22-го августа:

«Въ предстоящемъ бою, въ первый его періодъ, первенствующее значеніе остается за артиллеріей. Батарейнымъ командирамъ будетъ сообщенъ порядокъ аттаки, причемъ рекомендуется не разбрасывать огня артиллеріи. Когда пѣхотныя части пойдутъ въ аттаку, то всѣми силами поддержать ихъ огнемъ. Необходима внимательность; огонь особенно учащается, если выкажутся непріятельскіе резервы, и до крайности, если бы аттакующая часть встрѣтила неожиданное препятствіе. Гдѣ дистанція позволяетъ, по траншеямъ и войскамъ стрѣлять картечными гранатами. Пѣхота должна избѣгать безпорядка въ бою и строго различать наступленіе отъ аттаки. Незабывать священнаго долга выручки своихъ товарищей, во что бы то ни стало. Не тратить даромъ патроновъ. Помнить, что подвозъ ихъ по мѣстнымъ условіямъ — затруднителенъ. Еще разъ напоминаю пѣхотѣ о возможности порядка и тишины въ бою. «Ура» кричать въ томъ лишь случаѣ, когда непріятель дѣйствительно близокъ и предстоитъ аттака въ штыки. Обращаю вниманіе всѣхъ нижнихъ чиновъ, что потери при молодецкомъ наступленіи бываютъ ничтожны, и отступленіе въ особенности, безпорядочное, кончается значительными потерями и срамомъ».

Приказъ 1-го ноября:

«Неоднократно высказывалъ я, какъ гг. офицерамъ, такъ и нижнимъ чинамъ ввѣренной мнѣ дивизіи, что основаніемъ успѣха при столкновеніи съ непріятелемъ служитъ порядокъ въ бою, я назову его лучшимъ выраженіемъ доблести и чести. Порядка въ бою тамъ быть не можетъ, гдѣ начальники частей непроникнуты сознаніемъ того, что имъ приходится дѣлать, неосмысливъ себѣ передъ боемъ ту задачу, которую предстоитъ исполнить части.

Я не говорю о личной доблести гг. офицеровъ, ибо заранѣе убѣжденъ, что офицеръ не молодецъ не можетъ быть терпимъ въ 16-й пѣхотной дивизіи. Между тѣмъ, въ бою въ ночь съ 28-го на 29-е октября мною было замѣчено, что многіе изъ гг. офицеровъ недостаточно держали своихъ людей въ рукахъ и вообще показались мнѣ не вполнѣ понимающими ни смысла, ни важности того, что дѣлали. Подобное отношеніе гг. офицеровъ къ дѣлу, при такомъ даже сравнительно ничтожномъ непріятелѣ, какъ турки, могло бы имѣть вредныя послѣдствія. На будущее время предписываю гг. бригаднымъ, полковымъ и батальоннымъ командирамъ передъ боемъ, тотчасъ же по полученіи диспозиціи для боя—собирать всѣхъ наличныхъ офицеровъ, которымъ они обязаны прочесть и выяснить смыслъ диспозиціи и убѣдиться, что она ими понята Гг. ротные командиры понятнымъ для солдатъ языкомъ дѣлаютъ тоже самое относительно фельдфебеля и унтеръ-офицеровъ, ввѣренной имъ роты, причемъ внушаютъ унтеръ-офицерамъ ихъ военное значеніе въ современномъ пѣхотномъ бою, гдѣ, при растянутости линіи, офицеру вездѣ поспѣть трудно.

Гг. ротные командиры, проникнитесь и вы громадностью вашего боеваго, современнаго значенія; помните, что одна изъ лучшихъ нынѣ европейскихъ армій выиграла двѣ славныя кампаніи одними ротными командирами (1866, 1870, 1871 гг.).

Какъ мнѣ не прискорбно, нижніе чины Владимірскаго пѣхотнаго полка, любя васъ и гордясь славной храброй 16-й дивизіей, но, въ бою съ 28-го на 29-е число, нѣкоторые изъ васъ не оправдали моихъ ожиданій. Вы какъ-будто забыли, что передъ вами стоятъ тѣ же турки, которыхъ отцы и дѣды ваши привыкли бить не считая. Неужели мы покажемъ себя хуже своихъ отцовъ, неужели омрачимъ славу своихъ знаменъ? 7-я и 8 я (эти роты въ ночь съ 28-го на 29-е рыли траншею на близкомъ разстояніи отъ противника — въ 100 миль. Непріятель открылъ страшный огонь, и онѣ на время удалились въ лощину, откуда ихъ снова вернулъ генералъ Скобелевъ на работы). 10-й и 12-й ротами я вполнѣ недоволенъ, онѣ вели себя недостойно русскаго солдата. Онѣ забыли, что чѣмъ не-

пріятель ближе, тѣмъ лучше, тѣмъ славнѣе для честнаго солдатскаго сердца, что наша русская пѣхота всегда умѣла работать штыками, и до сихъ поръ не сверкала пятками передъ непріятелемъ. Предупреждаю всѣхъ чиновъ ввѣренной мнѣ дивизіи, что какъ бы тяжело и неблагопріятно не сложились временно боевыя обстоятельства, я съумѣю заставить всякаго исполнить до конца долгъ службы и присяги и съ виновнаго будетъ взыскано по всей строгости законовъ. Съ глубокимъ уваженіемъ упомяну здѣсь о слѣдующихъ гг. офицерахъ: командирѣ Владимірскаго пѣхотнаго полка полковникѣ Аргамаковѣ, командирахъ 1-го и 3-го батальоновъ того же полка подполковникѣ Мипевскомъ и маіорѣ Нечаевѣ, капитанахъ— Хмѣлевскомъ и Сполатбогѣ и командирѣ 12-й роты Углицкаго полка поручикѣ Власовѣ.

Нижнимъ чинамъ 4-й линейной и 2-й стрѣлковой ротъ Владимірскаго полка и 12 й Углицкаго—мое душевное спасибо. Они честно исполнили свой долгъ до конца. Они гордо могутъ смотрѣть въ глаза своимъ товарищамъ».

Приказъ 5-го октября:

«По телеграфическому извѣстію, Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ, вчера, въ Малой Азіи, одержана блистательная побѣда: Мухтаръ-паша разбитъ на голову, отброшенъ отъ Карса и обращенъ въ бѣгство.

Поздравляю моихъ сослуживцевъ 16-й пѣхотной дивизіи, съ только-что полученной телеграммой Главнокомандующаго. Дѣло, за которое взялся за оружіе миролюбивѣйшій изъ монарховъ, нашъ Августѣйшій Государь—дѣло правое, на которомъ лежитъ благословеніе Божіе. Оно будетъ славно окончено. Напоминаю войскамъ, что скоро и намъ можетъ предстоитъ боевое испытаніе; прошу всѣхъ объ этомъ знать и укрѣпить духъ молитвою и размышленіемъ, дабы свято до конца исполнить, что требуетъ отъ насъ долгъ, присяга и честь имени русскаго. Гг. офицеры и солдаты, вновь прибывшіе изъ Россіи, въ особенности должны вдумываться во вновь созданное имъ судьбою положеніе.

Имъ въ бою послужитъ большимъ облегченіемъ недавнее пребываніе въ дорогомъ отечествѣ. Они видѣли какія жертвы несетъ за насъ, здѣсь сражающихся, Россія, чего отъ насъ она ждетъ».

Приказъ 22-го февраля:

«Войска ввѣреннаго мнѣ авангарда!

Послѣ славной побѣды подъ Шейновомъ, гдѣ вы уничтожили 60 непріятельскихъ батальоновъ, взяли 104 орудія, вы не шли, а долетѣли до Константинополя.

Ваше молодечество преодолѣло всѣ трудности, и когда вы подъ стѣнами Царьграда грозно предстали передъ непріятелемъ, побѣжденная Турція проситъ у нашего Главнокомандующаго мира 19-го февраля въ 6 часовъ вечера подписанъ славный миръ между Турціей и Россіей — миръ, купленный дорогою цѣной вашихъ усилій и вашей крови.

Отнынѣ мы стоимъ здѣсь въ странѣ дружественной. Отношенія наши къ побѣжденному народу должны быть не только законно-правильными, но и великодушными, ибо храброе русское войско искони не умѣло бить лежачаго врага. Я не сомнѣваюсь, что всѣ чины ввѣренныхъ мнѣ войскъ вполнѣ поймутъ ихъ новыя отношенія, которыя, со дня заключенія мира, должны существовать между нами и жителями той страны, которую занимаютъ русскія войска.

По приказу Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго, объявляю, что всякое мародерство или насиліе относительно жителей, въ какомъ бы ничтожномъ размѣрѣ оно не проявилось, повлекутъ за собою взысканіе съ виновныхъ по всей строгости законовъ военнаго времени.

Но, кромѣ того, Его Императорское Высочество Главнокомандующій изволитъ смотрѣть на подобный случай, какъ на доказательство недостаточнаго личнаго вліянія начальника на подчиненныхъ, а потому и предписалъ подвергать отвѣтственности, кромѣ непосредственно виновныхъ, еще и начальника той части, въ которой безпорядокъ проявится. Я убѣжденъ, что ввѣренныя мнѣ храбрыя войска не покроютъ своей безсмертной боевой славы несоотвѣтствующимъ поведеніемъ въ

мирное время и, помня, что одна паршивая овца можетъ испортить все стадо, будутъ сами строго слѣдить за тѣми изъ нихъ, которые могли бы поддаться искушенію—затемнить дорогое намъ доброе о насъ мнѣніе Августѣйшаго Главнокомандующаго».

Приказъ 10-го января:

«Поздравляю ввѣренныя мнѣ храбрыя войска съ занятіемъ второй столицы Турціи. Вашею выносливостью, терпѣніемъ и храбростью пріобрѣтенъ этотъ успѣхъ. Великій Князь Главнокомандующій приказалъ мнѣ благодарить всѣхъ. Порадовали вы нашего Государя Императора, порадовали вы нашего Августѣйшаго вождя, порадовали всю Россію. Отдавая вамъ должную справедливость, не могу, однако, вамъ не высказать, что за послѣдніе дни я замѣтилъ нѣкоторую распущенность. Обращаясь ко всѣмъ начальникамъ частей, ко всѣмъ гг. офицерамъ, ко всѣмъ честнымъ солдатамъ ввѣренныхъ мнѣ доблестныхъ войскъ, я напоминаю имъ, что на насъ, счастливцевъ авангарда дѣйствующей арміи, обращены взоры всей Россіи, всего міра. Да избавитъ насъ Господь отъ искушеній. Сохранимъ во всей чистотѣ славу русскаго имени и славу полковъ, поддержанную въ эту войну цѣною крови.

«Предупреждаю, что всѣ чины ввѣреннаго мнѣ отряда за всякую самовольную отлучку отъ частей, не говоря уже о мародерствѣ, пьянствѣ и преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ законами военнаго времени, виновные будутъ преданы полевому суду. Всякій случай мародерства будетъ признаваться мною доказательствомъ бездѣйствія власти начальниковъ частей».

Приказъ 7-го января:

«Генералъ Гурко окружилъ и разбилъ армію Сулеймана-паши. Взято 60 орудій, множество плѣнныхъ.

«На насъ возложена новая задача. Не смотря на трудность ея, я увѣренъ, что, во имя русской чести, во имя святаго дѣла, нынѣ нами проводимаго, ввѣренныя мнѣ войска еще на нѣсколько дней не ослабнутъ усиліями, не помрачатъ въ послѣдніе дни войны кровью завоеванной безсмертной славы.

Прошу гг. офицеровъ осмыслить серьезность настоящаго положенія и внушить нижнимъ чинамъ, что требуемыя отъ нихъ нынѣ чрезмѣрныя усилія ведутъ къ окончательной побѣдѣ, къ быстрому возвращенію на родину. Еще разъ прошу гг. офицеровъ помочь мнѣ въ трудной моей задачѣ».

Генералъ Скобелевъ.

Вотъ тѣ задушевно-глубокія строки, читая которыя, только слезы кулакомъ утираешь, да рычишь на врага, какъ звѣрь, готовый, въ случаѣ надобности, прыгнуть хоть въ жерла непріятельскихъ орудій и тѣмъ спасти отъ смерти героя-начальника. Я видѣлъ генерала въ тотъ моментъ, когда онъ объѣзжалъ войска передъ боемъ, позднѣе,—когда онъ самъ повелъ войска въ атаку... И понялъ я тогда, что́ такое генералъ Скобелевъ...

Къ вечеру я вернулся домой, и снова день потянулся за днемъ.

Съ грустью вспоминается, по истинѣ, безотрадная и глупая с.-стефанская жизнь. Да и прежде она была до-нельзя безсодержательна, но за то не такъ по́шла и безнравственна. Прежде время внѣ службы и дѣлъ уходило на игру въ засаленныя карты и спанье, а теперь—на пьянство и пошлый развратъ, причемъ на деньги плевали.

«Одинъ съ ума сошелъ отъ скуки», слышалъ я въ началѣ марта, «одинъ застрѣлился!» слышалъ я въ концѣ.

Да, очень и очень тяжело пробыть болѣе года въ кампаніи при условіи—«не обнищать душой!» Кто не былъ на войнѣ, тотъ этого, пожалуй, и не пойметъ. А кто былъ,—быть можетъ, не подумавъ, скажетъ: «да что-жъ, вѣдь это неизбѣжно». Вотъ въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ... Есть много средствъ умалить на значительную степень зло. Каждый изъ насъ, отправляясь на театръ военныхъ дѣйствій, разсуждалъ ничуть не лучше одной простосердечной барышни, съ недоумѣніемъ спрашивающей: «да развѣ курятъ на войнѣ?» Дѣйствительно, никто изъ насъ и не воображалъ, что на войнѣ найдется досужее время заняться чѣмъ-нибудь. Я, напримѣръ, укладывая форменный чемоданчикъ, и въ мысляхъ не имѣлъ возможности

взять альбомъ и краски. «Не до того будетъ, думалось мнѣ,— прощай, любимое искусство...» Но развѣ я одинъ такъ разсуждалъ? Конечно, нѣтъ! Такъ разсуждали всѣ, и сильно ошибались. И вотъ очутились мы въ одиноко стоящихъ землянкахъ... Скука адская! «Да что же, что дѣлать?» твердили мы и, не находя отвѣта, бродили какъ тѣни отъ палатки къ палаткѣ. Дѣйствительно, положеніе было невыносимое. Оставалось терпѣть, терпѣть и терпѣть! За то, по приходѣ въ города, мы, какъ дикіе звѣри, накидывались на все, и, ужъ по правдѣ сказать, вели себя премерзкимъ образомъ. О книгахъ и чтеніи мы не помышляли—ихъ негдѣ было взять. Что же оставалось дѣлать? Вотъ почему и безобразничали и, подъ конецъ, на костыляхъ камеліямъ подавали букеты. Опишу нѣсколько заурядныхъ обыкновенныхъ нашихъ дней. Такъ, если не хуже, проводили время всѣ.

Впродолженіе цѣлаго дня кабаки переполнены солдатами, хохлами-погоньщиками; рестораны—офицерами. Фраза: «Не слыхали ли, когда идемъ?» по тысячу разъ раздается въ день и въ общихъ столовыхъ и на улицѣ. Лишь вечеръ наступаетъ—рестораны пустѣютъ. Одни стремятся въ кафе-шантанъ, другіе — во французскій ресторанъ, содержимый семействомъ «Ottelet», третьи (ихъ очень немного)—по домамъ. Восемь часовъ. Даровыя мѣста у ярко освѣщенныхъ оконъ «Конкордіи» уже заняты солдатами. Масса офицеровъ возсѣдаетъ за круглыми столами и въ страшномъ количествѣ поглощаетъ пиво. Дымъ коромысломъ! Оркестръ, состоящій изъ мужскаго и дамскаго персонала, реветъ. На подмосткахъ примадонна, признаваемая и терпимая только во время войны, въ угожденіе всепочтеннѣйшей публикѣ, поетъ:

„Я качу вамъ раскасатъ, раскасатъ,
Какъ дѣвушки шли кулятъ... да!“

Публика въ восторгѣ. Букеты, туфли, фонари и даже колбасы летятъ на сцену. Пѣвица не въ претензіи и только съ большимъ стараніемъ начинаетъ выдѣлывать непостижимыя рулады, отъ которыхъ морозъ по кожѣ подираетъ. Разъ бро-

сили даже феску и шпоры. Ничего—приняла и даже послала воздушный поцѣлуй.

Часу въ 11-мъ начинается большое оживленіе и вызывается обыкновенно безголосая пѣвица ужъ изъ оркестра. Бѣдняжка покорно выходитъ и, не въ силахъ вытянуть высокой ноты, отворачивается отъ публики, напрягаетъ силы и оретъ во всю мочь. Въ подобныхъ моментахъ на выручку спѣшитъ контробасъ, который и покрываетъ все. Тутъ уже публика, при видѣ несостоятельности голосовыхъ средствъ артистки, рѣшается помочь ей. Подымаются душу раздирающіе вопли и стоны, послѣ которыхъ признательная публика угощаетъ въ смежной комнатѣ примадоннъ пивомъ. А нерѣдко избитая французская шансонетка перебивается родимой «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ». Пѣвицы, скрипки, трубы, кантро-басъ—все пристаетъ, и тогда... бѣги вонъ!

Въ 12½ часовъ все кончается и офицерство, возвращаясь по домамъ, распѣваетъ все тотъ же «постильонъ».

Войдите теперь часовъ въ 8 вечера къ «Ottelet». Вы всегда найдете тамъ небольшой кружокъ офицеровъ, сидящихъ чинно, спокойно и слушающихъ съ глубокимъ вниманіемъ игру старшей дочери хозяина. Хорошенькая Марія, дѣвочка лѣтъ десяти, переходитъ изъ рукъ въ руки и, ласкаясь то къ одному, то къ другому, не подозрѣваетъ бѣдняжка, какія горькія, подъ часъ невеселыя, думы возбуждаетъ она. «И у меня такая дочь... тамъ, гдѣ-то далеко, далеко», шепчетъ старый капитанъ, и слезы одна за другой капаютъ изъ глазъ

Но были у насъ и домосѣды, вечеръ проводившіе дома, люди степенные. Тѣ почитывали запоздалыя газеты и книги безъ вторыхъ частей, безъ начала и конца Сойдетъ! Въ СанъСтефано и Гоголевскій Петрушка не былъ бы смѣшонъ. Днемъ такіе примѣрные офицеры глазѣли изъ оконъ на праздно-шатающійся людъ и отъ души хохотали надъ уличными сценами.

Вонъ изъ кабака вышелъ подвыпившій солдатъ-матросъ.

— Шарманщики! командуетъ онъ.—становись въ рядъ,—Камаринскую!

Покорные артисты дѣйствительно становятся въ рядъ и, взявшись за ручки, ждутъ команды.

— Готово?

— Oui!

— Разъ, два, три! Начинай!

Тутъ уже начинается такая дисгармонія, что и глухой бы забѣжалъ на край свѣта.

Изъ сосѣдняго кабака вылетаетъ бубеньщикъ и пристаетъ къ импровизированному оркестру. Оттуда же доносятся пьяные голоса, поющіе: «Христосъ воскресе!» — и все покрывается площадною бранью.

— Сторопись! кричитъ проѣзжающій въ это время пѣхотный офицеръ на крысѣ-лошаденкѣ — и все летитъ стремглавъ въ кабакъ.

А тамъ... чуть-чуть подальше, на другомъ концѣ, распрекрасные дома всѣхъ сортовъ и мастей. Нѣсколько ловеласовъ, въ видѣ сувенировъ, бросаютъ прелестницамъ апельсины.

Вотъ безцвѣтная картина, грустная, тяжелая, но тѣмъ не менѣе вѣрная и точная. И днемъ и ночью пьянство... и днемъ и ночью площадная брань. Не мало надрывалось здѣсь здоровья, силы и нравственности. А между тѣмъ съ каждымъ днемъ число кабаковъ и шантановъ все росло и росло.

Какъ же послѣ этого не радоваться было появленію очень и очень порядочной итальянской труппы въ пресловутомъ С.-Стефано.

Самый театръ деревянный, но просторный, чистый, съ нѣсколькими ложами и буфетомъ.

Внутренность театра была украшена флагами, всевозможными гербами и луной. Надъ входомъ, выходящимъ на площадь, красовались два фонаря, подъ которыми, въ дни представленія, стояли два жандарма.

18-го, какъ теперь помню, появилась исполинская афиша, которая гласила:

«L'Ebreo. L'opera italien. Mélodrame tragique. Musique du maestro Apolloni».

Въ кассѣ произошла чуть ли не драка, и въ первое же

представленіе театръ былъ набитъ сверху до-низу. Въ ложахъ было нѣсколько дамъ, и мы чуть не крестились отъ радости благолѣпнаго вида. Въ 9 часовъ занавѣсъ взвился, и, по окончаніи перваго дѣйствія, раздались шумные аплодисменты. Конечно, пѣніе было не ахти какое, но мы этого и не требовали. Они пѣли настолько порядочно, что удержали всѣхъ до окончанія.

Казалось, безшабашному разгулу пришелъ конецъ, — музыка произвела благодатную реакцію... Не тутъ-то было.

Явился достойный соперникъ, основатель втораго Демидрона, подъ фирмою: «Concordia. Café-concert» и въ скобкахъ соблазнительное: «executè par m-lle Dumont». И громко и мило. Бѣдный антрепренеръ! Хватаясь одной рукой за вѣнецъ славы и за мѣшокъ жирныхъ полуимперіаловъ, онъ долженъ былъ пасть отъ руки еще неизвѣстнаго героя. А близко было счастье—и бенефисы начались, и блюда подносились и вдругъ... все рушилось, все сорвалось. Въ первый же день открытія сада, театръ, увы, былъ почти пустъ, «Конкордія» — биткомъ. Ищи-жъ теперь хоть съ фонаремъ людскаго правосудія, злосчастный служитель Мельпомены! Но...

Нашлись поклонники-театралы и утѣшители плачущаго. Въ вѣнкѣ изъ живыхъ цвѣтовъ они поднесли ему четверостишіе:

Не скорби, артистъ великодушный!
Мы скорбь твою надеждой исцѣлимъ:
Сомкнемся въ кругъ одинъ единодушный
Въ „Конкордіи“ скандалъ мы учинимъ!

Постъ-скриптумъ стояло:

„Будь, братъ, благонадеженъ“.

«Репертуаръ новаго—плохъ, во-вторыхъ, публика наша любитъ бурныя сцены. Конецъ, конецъ—пришельцу!!!»

Скажу о новой затѣѣ.

И такъ, «Конкордія»—хорошенькій садъ со всевозможными арками, фонтаномъ, акваріумомъ, милліардами столовъ и, наконецъ, сценой. По бокамъ ея красуются гербы съ флагами,

подъ которыми съ одной стороны—исполинское меню съ выдающимся «Glaces—1 f. 50 s.», а съ другой—афиша представленія.

Оркестръ, съ замѣчательною быстротой дѣлающій во время представленія наступленіе и отступленіе черезъ рампу,—знакомый, изъ старой «Конкордіи». Что же касается пѣвицъ... виноватъ, нѣсколько словъ: феномены-съ!

Первая и наибольшая звѣзда нашей боевой труппы, m-lle Dumont,—особа хотя не первой молодости, но въ высшей степени симпатичная, остроумная и живая. Ее боятся всѣ, начиная съ владѣтеля «Конкордіи», до послѣдняго лакея. Для нея преградъ не существуетъ. Какъ что—въ морду, и кончены разговоры. Далѣе слѣдуетъ преклонныхъ лѣтъ дѣвица Фру-Фру, откалывающая безъ зазрѣнія совѣсти такія антраша и па де-дё, что любой клоунъ изъ цирка Гинне позавидовалъ бы ей. Эти антраша такъ грандіозны, что наводятъ ужасъ, трепетъ и удивленіе даже на храбрую боевую публику. Г. Мазсугини—физіономистъ, чревовѣщатель, пѣвунъ и акробатъ,—человѣкъ вообще ловкій. Разъ какъ-то въ бумагѣ морковь поднесли. Ничего, всталъ тутъ же на колѣни, поблагодарилъ и овощь заткнулъ въ петлицу. Остальныя пѣвицы принадлежатъ, такъ сказать, къ числу хористокъ, т. е. примадоннъ глубокаго резерва. Тѣ въ дождь съ успѣхомъ могутъ пѣть. Изъ нихъ одна Маріанна, стриженая нѣмка, съ довольно, впрочемъ, порядочнымъ и мягкимъ меццо-сопрано—заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. Разскажу премилый эпизодъ, тогда случившійся съ этой самой Маріанной въ одномъ изъ закрывшихся кафе-шантановъ. Это въ высшей степени характерный эпизодъ, ясно показывающій всю грустную, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ненормальную обстановку нашей пошлой обыденной жизни, которая, тѣмъ не менѣе, убивала лучшія нравственныя начала. Если послѣднія и проявлялись какъ нибудь и когда нибудь, то, какъ нѣжные звуки въ дикомъ аккордѣ, казались странными, казались непонятными. Такъ было въ одинъ изъ вечеровъ, когда общество офицеровъ собралось покутить въ этомъ шантанѣ. Нечего говорить, что чинное поведеніе, какъ и всегда,

скоро нарушилось, и голосъ пѣвицы потерялся въ шумѣ, крикѣ и звонѣ стакановъ. Часу въ одиннадцатомъ на подмостки въ послѣдній разъ вышла Маріанна и съ чувствомъ пропѣла одинъ изъ шубертовскихъ романсовъ. Неясный шумъ пронесся по толпѣ, и вдругъ все смолкло. Маріанна подошла къ роялю и еще съ большимъ чувствомъ пропѣла другой, не менѣе прелестный романсъ. Долго въ этотъ разъ пѣла она и, заплакавъ сама, увлекла другихъ. Ни одного крика, ни одного скандальнаго слова не раздалось послѣ страннаго, небывалаго пѣнія. Мало того, — нѣсколько офицеровъ, взявъ ручную карету, съ тріумфомъ посадили ее туда и проконвоировали до перваго лучшаго ресторана. Тамъ въ общей столовой устроили большой ужинъ, усадивъ ее на предсѣдательское мѣсто, и угостили хоровымъ пѣніемъ. Далеко за-полночь скромно, быть можетъ въ первые, разошлась компанія, проводивъ маленькую прима донну до мѣста ея жительства.

Нынѣ у насъ открылся лѣтній садъ, и отъ публики нѣтъ отбоя. Разскажу одно изъ своихъ посѣщеній. Было 9 часовъ вечера, и на отчаянной колымагѣ я важно подкатилъ ко входу. Садъ уже былъ освѣщенъ, и лакеи, какъ угорѣлые, шныряли изъ угла въ уголъ. Въ числѣ публики замѣтно было нѣсколько непозволительныхъ статскихъ и два-три турецкихъ офицера. Когда я вошелъ, они съ торжествующей, заносчивой улыбкой взглянули на меня: «Ну, что, молъ, каково у насъ?»

— Прекрасно, подумалъ и я, и подошелъ къ сценѣ.

Маріанна! завопила публика, и на сцену выбѣжала старая знакомая, въ коротенькомъ простенькомъ платьицѣ. Но въ тотъ моментъ, когда она приложила руку къ сердцу и собиралась запѣть изъ «Прекрасной Елены», цѣлая стая собакъ, ворвавшись въ садъ, бросилась къ оркестру и произвела суматоху. Раздались аплодисменты и «браво». Собакъ выгнали и пѣвица продолжала. Но вотъ пѣніе окончено и Аба-Шпицъ, капельмейстеръ, начинаетъ потихоньку высовывать пюпитръ изъ-за лампъ на сцену. Но едва голова бѣднаго Шпица показалась изъ-за рампы, какъ публика, вовремя замѣтившая передовые разъѣзды наступающаго оркестра, возопила во все горло:

«Аба-Шпицъ! садись лучше на мѣсто».

Такимъ образомъ наступленіе было открыто; Шпицъ съ кларнетомъ отступили, и на сцену выкатилась кукло-образная Жюдикъ, запѣвшая полуизбитую шансонетку. Но и этой не повезло, ибо изъ-за угла вылѣзла какая-то рожа со щеткой, должно быть для приклеиванія новой афиши и, своимъ появленіемъ, вызвала громъ рукоплесканій.

— Ансу! Овцу! кричала, между тѣмъ, расходившаяся компанія.

Но вышла Dumont—и толпа на разные тоны начала испускать звуки: а, а! о! ой, ой, караулъ!

За Dumont вышла новая, только-что пріѣхавшая изъ Константинополя, какая-то осоподобная дѣва. Какъ она попала въ пѣвицы, что за голосъ былъ у нея—рѣшить было трудно. Но публика до того обрадовалась этому безобразію изъ безобразій, что, минуту спустя, воздухъ огласился ужасными криками и, въ насмѣшку, толпа закидала ее цвѣтами.

— На какой чертъ миноноски привезли ее сюда? замѣтилъ морякъ.

— Должно на турецкой — изъ Бразиліи, отвѣтилъ подгулявшій чиновникъ.

Послѣ этого я вскорѣ вышелъ изъ знаменитой конкордіи и направилъ стопы въ театръ. Былъ антрактъ и офицерство пило пиво въ пристроенной къ театру крытой галлереѣ. Право, мнѣ стало жаль бѣднаго антрепренера и я отъ всей души пожелалъ провалиться новой конкордіи. Шелъ «Фаустъ» и парадировала Донати. Публика была такъ-себѣ, и опера шла недурно. Картина появленія добраго духа вызвала громъ рукоплесканій и была прекрасно поставлена. У входа въ театръ стояла масса простыхъ сѣнныхъ телѣгъ, верховыхъ лошадей и бричекъ, и вся эта сила приволокла офицерство изъ сосѣднихъ, внѣ городскихъ стоянокъ. Довольно поздно я вернулся домой и, прежде чѣмъ заснуть, разъ двадцать выругалъ г. Елисѣева, поподчивавшаго меня прокислой икрой. Это вѣдь нашъ модный отель, куда послѣ театра собирается вся компанія; нерѣдко въ былыя времена тамъ же встрѣчавшая доброе утро.

Ну-съ, болѣе перемѣнъ въ С.-Стефано не было. Развѣ позднѣе сталъ онъ наряднѣе—зелень распустилась, да пьяныхъ поубавилось. Драли съ насъ попрежнему кожу.

— Сколько стоитъ кисть, братушка?

— Три карбована.

— Что?! А кулакъ видишь?

— Чакай, чакай! Три франка, капитанъ.

Оно и понятно. Все графствовали мы и стыдились своихъ собственныхъ денегъ.

Только не стыдились мы . . . .
подчасъ . . . . самихъ себя . . . .
. . . .
Кого-жъ винить?!!...

Дней пять спустя, мы получили разрѣшеніе ѣздить въ Константинополь по билетамъ. Конечно, я не преминулъ воспользоваться и на другой же день вмѣстѣ съ товарищемъ входилъ на пароходъ. Подъѣзжая къ Константинополю, я былъ очарованъ грандіозностью картины. Причудливой формы дома, стѣны, обросшія мохомъ, сады, мечети, башни, минареты — все вмѣстѣ взятое представляло своеобразно-чудеснѣйшій видъ. Море и масса кораблей съ разноцвѣтными флагами увеличивали прелесть сказочной декораціи, а заходящее солнце кровавымъ отливомъ покрывало и городъ и море. Намъ подали лодку и мы вмѣстѣ съ переводчикомъ направились къ берегу.

Причаливъ, мы въ каретѣ отправились въ гостинницу Спонекъ, гдѣ переодѣвшись въ партикулярное платье, вошли въ общую столовую. Пообѣдавъ вплотную, мы взяли коляску и поѣхали осмотрѣть дворецъ султана. Но я разочаровался, ибо ждалъ большаго. Наиболѣе мнѣ понравились ворота дворца. удивительной работы изъ чистаго мрамора. Городъ же самъ только издали казался прекраснымъ. Вечеромъ мы сидѣли въ театрѣ и слушали оригинальную «Прекрасную Елену» на турецкомъ языкѣ, а на другой день съ переводчикомъ направились къ храму св. Софіи.

По наружному неряшливому виду онъ смахивалъ на грязную конюшню, а по внутренности—на небывалый госпиталь. До

3 тысячъ турецкихъ, тифомъ зараженныхъ, семействъ пріютилось въ стѣнахъ его. Видъ съ хоръ на все былъ фантастическій. Мозаика, ажурная мраморная работа, исполинскія колонны, султанская золотая ложа, громадные круги съ написанными золотомъ молитвами, полъ, унизанный тысячами больныхъ въ разноцвѣтныхъ костюмахъ, — все имѣло видъ баснословно-сказочный... Атмосфера была спертая, и я выбѣжалъ на улицу, чтобы не задохнуться.

Подъ вечеръ я попалъ въ одинъ изъ наиболѣе шумныхъ кафе-шантановъ. Пробывъ съ полчаса времени, я уже хотѣлъ было выйти оттуда, какъ у одной открытой двери я получилъ приглашеніе войти на верхъ.

— Что такое? спросилъ я.

— Пожалуйте, ничего, пожалуйте, убѣдительно проговорило пальто.

Я вошелъ. Направо у стѣны помѣщалась рулетка, со всевозможными амурами и купидонами. Нѣсколько офицеровъ и статскихъ стояло вокругъ стола и съ лихорадочнымъ напряженіемъ слѣдили за игрой. У противоположной стороны стоялъ тоже громадный столъ, за которымъ сидѣлъ какой-то господинъ и съ удивительною ловкостью металъ банкъ. И у этого стола было не мало играющихъ.

— А вѣдь мошенничаетъ, замѣтилъ мнѣ одинъ офицеръ. Представьте: ни одной карты не далъ.

— Не играйте, отвѣтилъ я.

— Да что же прикажете дѣлать? чуть не крикнулъ молодой человѣкъ и повернулся къ столу.

— Вы передернули, замѣтилъ банкомету другой игрокъ.

Но тотъ засмѣялся и продолжалъ метать.

Замѣтившій мошеннической вальцъ ничего не сказалъ и, доставъ деньги, снова поставилъ па карту. Между тѣмъ рулетчикъ безъ церемоніи мѣнялъ шарики и билъ по шкатулкѣ. Всѣ видѣли это и нисколько не мѣшали ему сгребать русскіе полуимперіалы.

Комната заволоклась дымомъ, сквозь который мелькали сверкающія золотомъ и камнями кокотки высшаго полета.

Впродолженіи какого-нибудь получаса нѣсколько офицеровъ были обобраны какъ липки.

Долго еще въ этотъ вечеръ ворочался я на своей постели: мнѣ все казался образъ блѣднаго молодого человѣка, ставившаго на карту послѣдній золотой. Охъ, какъ было бы не дурно закрыть навсегда опасную игрушку!

На другой день, въ 12 часовъ, мы взяли снова карету и отправились посмотрѣть на большой выходъ султана въ мечеть. Войска, безукоризненно чисто одѣтыя, были выстроены шпалерой. На правомъ флангѣ стояла гвардія султана — нѣчто вродѣ нашего пажескаго корпуса. Всѣхъ русскихъ офицеровъ вѣжливо пропустили впередъ на видное мѣсто. Вскорѣ на бѣлой лошади показался султанъ, одѣтый очень просто, съ звѣздой на шеѣ. Впереди его маршировалъ весь генералитетъ. Проѣзжая мимо насъ, султанъ раскланялся; мы отдали честь. У самой мечети его встрѣтили съ серебряными чашами съ ладаномъ два старѣйшихъ вельможи. Во время входа, войска держали на караулъ, народъ кричалъ, музыка играла. Лишь только султанъ вошелъ въ мечеть, на башнѣ появился мулла и что-то прокричалъ во всѣ стороны. Вскорѣ къ намъ подошелъ генералъ, посланный султаномъ поблагодарить насъ за то, что мы пришли его встрѣтить и, такъ сказать, приняли участіе въ церемоніи. Мы въ свою очередь поблагодарили.

Вечеромъ того же дня мы были дома и снова по самую шею окунулись въ грязь... ибо опять настала бродячая, кабачная жизнь. . . . .

. . . .

По деревнямъ офицерство жило не лучше: выпивка, карты и безцѣльное броженіе изъ угла въ уголъ — наполняли день. Иногда же устраивались... облавы на собакъ. И вотъ офицерство, вооруженное дубинами, распространялось по деревнѣ и поджидало добычу. А тамъ... но, довольно; достаточно понятно. Вотъ и ихъ время препровожденіе—тоже, какъ видите, невеселое. Иногда, близкіе къ помѣшательству, они напрягали умъ, чтобы найти какое-нибудь занятіе. Схватывались за перо, но оно валилось изъ рукъ по недостатку пищи; схватывали

болгарскія книжки, старые газетные листки и съ тоской бросали ихъ тоже прочь... Сходились вмѣстѣ и... молчали... Садились за писаніе писемъ и, обозначивъ годъ, мѣсяцъ и число, рвали непочатые листки... Именно этимъ и страшна-то война, а не дѣлами и боемъ, къ которымъ постепенно привыкаютъ.

По моему, существенную пользу принесла бы летучая небольшая походная библіотека, а ея-то и не было.

Разъ какъ-то сидѣлъ я въ своей конуркѣ и вмѣстѣ съ товарищемъ Д. велъ оживленный споръ. Рѣчь шла о давно уже прочитанной корреспонденціи изъ Казанлыка въ газетѣ «Голосъ». Нумеръ этотъ сохранился у насъ, и самое обидное, не только для насъ, но и для всей кавалеріи, мѣсто было еще разъ прочитано. Это былъ оригинальный (чтобы не сказать больше) отзывъ о нашей кавалеріи пѣхотныхъ офицеровъ «запасныхъ войскъ», помѣщенный такъ охотно г. фонъ-Гагерномъ въ наипопулярнѣйшей газетѣ. Онъ вызвалъ вполнѣ справедливое наше негодованіе и, мы отъ сердца заступились за ни въ чемъ неповинный цѣлый родъ войскъ.

Вотъ слово въ слово печальный текстъ:

«Товарищи мои по комнатѣ были пѣхотинцы».

(Г. фонъ-Гагернъ выше говоритъ, что они изъ запаснаго войска, а слѣдовательно и прибыли въ концѣ кампаніи).

«Для меня было интересно выслушать ихъ сужденіе о русской кавалеріи. Всѣ они отозвались о ней неодобрительно. Мимо нашихъ оконъ проходилъ эскадронъ.

«— Какая польза отъ ихъ службы?» спросили меня офицеры.—«Они не знаютъ даже самой простой рекогносцировочной службы. Когда ихъ посылали съ такою цѣлью, они ложились на землю за ближайшимъ холмомъ и, по прошествіи нѣкотораго времени, возвращались съ донесеніемъ, что все благополучно. Въ послѣднее время съ ними всегда приходилось отправлять пѣхотнаго офицера для того, чтобы возложенная на нихъ задача хоть сколько-нибудь была исполнена.

«Эта критика»—продолжаетъ г. фонъ-Гагернъ —«быть можетъ, во многихъ отношеніяхъ слишкомъ рѣзка и частью вызвана соперничествомъ, существующимъ болѣе или менѣе въ каждой

армiи между различными родами оружiя, но я и самъ припомнилъ много недостатковъ, обнаружившихся со времени нынѣшней войны въ русской рекогносцировочной службѣ и повлекшихъ за собою грустныя послѣдствiя. Если бы, напримѣръ, кавалерiя исполнила долгъ свой, походъ Османа-паши изъ Виддина въ Плевну съ четырьмя слишкомъ тысячами человѣкъ не прошелъ бы для нея незамѣченнымъ, а не будь Плевны, вся кампанiя была бы приведена къ скорѣйшему окончанiю и не стоила бы такихъ великихъ жертвъ».

. . . .

Заслужила-ли наша кавалерiя въ эту кампанiю такой отзывъ?

Выражаютъ-ли вышеприведенныя слова взглядъ, который установился вообще въ пѣхотѣ на нашу конницу? Осмѣливаюсь не только увѣрять, но и доказывать, что вышеприведенныя слова ничего подобнаго не выражаютъ. Допустимъ, что офицеры и говорили все это. Что-жъ? «Своимъ умомъ дошли». Но вотъ что занимательно: г. фонъ-Гагернъ, самъ не придавая ихъ отзыву особаго значенiя, все-таки поспѣшилъ напечатать его и подѣлиться съ публикой такимъ радостнымъ открытiемъ, что, молъ, наша кавалерiя никуда не годится! и такимъ образомъ распространить вздорныя, тѣмъ не менѣе оскорбительныя, мнѣнiя нѣсколькихъ лицъ объ извѣстномъ родѣ войскъ. Быть можетъ, этотъ спецiальный корреспондентъ пожаловалъ для того, чтобы въ тылу армiи собирать сплетни? О, тогда дѣло другое — на здоровье!.. Только будетъ-ли это подходяще для газеты и интересно для публики? Но если ему дѣйствительно интересно узнать факты, характеризующiе нашу кавалерiю въ турецко-русскую кампанiю, чтобы познакомить общество съ этимъ, то онъ долженъ обратиться, во всякомъ случаѣ, къ людямъ болѣе компетентнымъ, чѣмъ къ офицерамъ запасныхъ войскъ.

Итакъ, заслужила-ли наша кавалерiя въ эту кампанiю такой отзывъ, снова повторяемъ мы?..

Какъ ни мало имѣется въ настоящее время оффицiально-вѣрныхъ свѣдѣнiй о дѣйствiи различныхъ родовъ оружiя, а тѣмъ болѣе кавалерiи, тѣмъ не менѣе достаточно самаго по-

верхностнаго обзора многочисленныхъ донесеній и описаній различныхъ дѣлъ нашей кавалеріи на обоихъ театрахъ военныхъ дѣйствій, чтобы вывести заключеніе, что конница наша всегда исполняла свой долгъ, сообразно данной военной обстановкѣ, предначертанной ей начальствомъ. Приводить въ примѣръ плохое состояніе у насъ рекогносцировочной службы, скрытное движеніе Османа-паши изъ Виддина въ Плевну, по нашему, преждевременно и не доказано. Вѣрно-ли знаетъ г. фонъ-Гагернъ, что кавалерія не пронюхала объ этомъ движеніи и не донесла во время? При неудачахъ обыкновенно стараются обвинить кого-нибудь. Это такъ. Но кто дѣйствительно былъ виноватъ въ плевненскихъ неудачахъ, того со временемъ исторія назоветъ безошибочно. Винить же въ этомъ въ настоящее время, не имѣя достаточно провѣренныхъ основаній, кавалерію—это, по крайней мѣрѣ, смѣло и дерзко.

Наконецъ, отвѣтственность по этому случаю могла пасть только на Кавказскую казачью бригаду, которая въ то время (5 іюля) дѣйствовала въ районѣ Плевно-Никополь. Очень и очень сомнительно, чтобы дѣйствительные «глаза и уши» всей арміи, признанные всѣми, казаки кавказской бригады могли бы прозѣвать сосредоточеніе турецкихъ войскъ въ Плевнѣ...

Въ настоящее время роль кавалеріи заключается, главнымъ образомъ, въ охранительной и развѣдывательной службѣ, рекогносцировкахъ, въ набѣгахъ небольшими партизанскими отрядами, съ цѣлью порчи желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, станцій, захвата обоза, а также въ образованіи непроницаемой завѣсы впереди нашей арміи, какъ это было въ франко-прусскую кампанію.

Вотъ подобныя-то требованія отъ нашей кавалеріи въ эту кампанію были блистательно ею выполняемы, если тому способствовали характеръ противника, условія мѣстности и свѣжесть кавалеріи, не замученной предыдущими дѣлами.

Въ фактическихъ примѣрахъ недостатка не будетъ, если мы даже вкратцѣ упомянемъ о дѣйствіи нѣкоторыхъ полковъ нашей кавалеріи, напримѣръ, Донскихъ казачьихъ №№ 23 (Ба-

кланова), 30 (Грекова), 26 (Фролова) полковъ Кавказской бригады, нѣкоторыхъ полковъ въ отрядѣ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, полковъ въ отрядѣ генерала Гурко, всѣхъ—въ 1-й кавалерійской дивизіи и другихъ, о которыхъ, къ сожалѣнію, мы мало знаемъ, но дѣйствовавшихъ также славно.

1) Полкъ Бакланова со дня переправы, въ продолженіи 6 дней несъ развѣдывательную службу, смѣло выдвинувшись впередъ на 60 верстъ. Послѣ чего, до послѣдняго шипкинскаго дѣла (подъ Шейновымъ), не зная покоя ни днемъ, ни ночью, во все время имѣлъ безпрестанныя стычки. Наконецъ, 28 декабря, вмѣстѣ съ Донскимъ № 1 полкомъ, атаковалъ непріятельскую кавалерію, въ числѣ 2,000 человѣкъ, и принудилъ ее положить оружіе.

2) Полкъ Грекова. Во время перехода черезъ Траянъ, аттаковалъ турецкіе резервы и подъ Филиппополемъ взялъ съ боя 53 орудія. Содержалъ аванпосты и безпрерывно сталкивался и дрался съ пѣхотой и кавалеріей. Одной сотней, подъ командой Галдина, открылъ Бэдэкъ и тамъ-то сдѣлалъ золотой вкладъ будущей безсмертной славѣ полка.

Офицеръ полка, безшабашный Галдинъ, съ 25 казаками задержалъ полторы тысячи пѣхоты, и въ концѣ концовъ, командуя ротой солдатъ и взводомъ казаковъ, первый ворвался въ ложементы непріятеля и занялъ одинъ изъ важныхъ пунктовъ—гору Бэдэкъ.

Облитый кровью, усердно работалъ впереди шашкой, ружьемъ и отбитымъ у противника его же оружіемъ, и нахально прошелъ съ 40 казаками черезъ весь бивуакъ непріятеля. Самъ Государь Императоръ и Великій Князь пожелали видѣть героя, милостиво протянули ему руки и наградили орденомъ св. Георгія.

Не лишнее замѣтить, что Донской № 30 полкъ имѣетъ 280 георгіевскихъ солдатскихъ крестовъ и нѣсколько офицерскихъ.

3) Боюсь утомить читателя перечнемъ боевыхъ заслугъ поименованныхъ частей. Ограничимся отзывомъ славнаго ге-

нерала Скобелева о полкахъ 1-й кавалерійской дивизіи (драгунскаго, уланскаго и казачьяго № 1).

Вотъ подлинныя слова приказа:

«Со дня назначенія трехъ полковъ 1-й кавалерійской дивизіи» — пишетъ Скобелевъ — «я не могъ нахвалиться молодецкою ея службою, по истинѣ кавалерійскимъ духомъ, одушевлявшимъ какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ, во всѣхъ ея предпріятіяхъ. Ровно мѣсяцъ тому назадъ, наканунѣ Шейновскаго сраженія, генералъ-лейтенантъ Дохтуровъ съ своими частями присоединился къ бывшему тогда подъ моей командой Иметлійскому отряду. Переходъ черезъ горныя тропы Балканова въ суровую зиму, черезъ глубокіе снѣговые сугробы, былъ тогда едва подъ силу нашей молодецкой пѣхотѣ. О содѣйствіи кавалеріи никто изъ насъ не думалъ. Между тѣмъ 1-я кавалерійская дивизія пришла во время, принявъ славное участіе въ сраженіи подъ Шейновымъ, обезпеченіемъ нашего праваго фланга дала возможность рѣшительно аттаковать Шейновскій укрѣпленный лагерь, захвативъ Казанлыкскую дорогу, уничтожила въ самомъ началѣ попытку непріятеля прорваться на югъ, взяла болѣе 6,000 плѣнныхъ, способствовала сдачѣ сорока-тысячной арміи, взятію 104-хъ орудій. Со дня Шейновскаго сраженія 1-я кавалерійская дивизія вступаетъ въ періодъ, для нея еще болѣе блистательный. Она становится авангардомъ авангарда всей русской арміи, представительницей отнынѣ неудержимой силы наступленія царскихъ дружинъ.

Полки 1-й кавалерійской дивизіи и здѣсь показали себя не ниже на долю ихъ выпавшаго славнаго жребія.

Выступивъ изъ Казанлыка 2-го января, подъ начальствомъ свиты Его Величества генералъ-маіора Струкова, московскіе драгуны, петербургскіе уланы и 1-й донской казачій полкъ, безъ артиллеріи, уже 5-го числа берутъ съ боя желѣзно-дорожный мостъ у Семенли Тырнова, обороняемый непріятельской пѣхотой при шести орудіяхъ.

Мостъ, редутъ и шесть стальныхъ крупповскихъ орудій были трофеями молодецкой рѣшимости нашей кавалеріи. Тотчасъ по прибытіи къ Тырнову полковъ 16-й дивизіи и двухъ

стрѣлковыхъ бригадъ, отрядъ свиты Его Величества генералъ-маіора Струкова двигается къ Германлы, которое также занимаетъ съ боя. Въ то время, когда 16 я дивизія и стрѣлки, двинутые на Хаскіою, отбросили часть сулеймановской арміи въ горы, генералъ-маіоръ Струковъ, узнавъ о движеніи арміи Мехметъ-Али къ Адріанополю, стремится туда форсированнымъ маршемъ; пользуясь паникой, результатомъ молодецкихъ дѣйствій кавалеріи, предупреждаетъ вступленіе въ Адріанополь турецкой арміи, спѣшившей изъ Шумлы, захватываетъ городъ и разстраиваетъ всѣ разсчеты турецкихъ вождей, уничтоживъ послѣднюю надежду ихъ сдержать напоръ нашей арміи. Не долго отдыхала славная 1-я дивизія во второй столицѣ турецкой имперіи.

Двинутая къ Константинополю 9 го января, она, подъ начальствомъ генерала Струкова, неустанно гонитъ передъ собою турецкія полчища и занимаетъ съ боя Чарлу, гдѣ ее застаетъ извѣстіе о перемиріи, всего въ трехъ переходахъ отъ Константинополя.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ блестящее участіе полковъ 1-й кавалерійской дивизіи въ послѣдующихъ сраженіяхъ и стычкахъ настоящей турецкой кампаніи.

«Отряду свиты Его Величества генералъ-маіора Струкова мы обязаны, что арміи Сулеймана-паши и Мехметъ-Али не успѣли сосредоточиться для обороны Адріанополя, что паника, вслѣдствіе погрома турецкихъ вооруженныхъ силъ подъ Шейновымъ и Филиппополемъ, донеслась до столицы мусульманскаго міра, еще болѣе ужасною. Наконецъ, смѣю это высказать, что полкамъ 1-й кавалерійской дивизіи болѣе другихъ частей нашей арміи Россія обязана столь скорымъ заключеніемъ перемирія, предвѣстникомъ славнаго міра» и т. д.. (Приказъ по войскамъ авангарда, 29-го января, Чаталджа).

Очень можетъ быть, что нѣкоторыя части нашей кавалеріи не показали себя на высотѣ своего назначенія. Но объясненія въ этомъ нужно искать не въ нежеланіи кавалеріи исполнить «свой долгъ», въ чемъ г. фонъ-Гагернъ упрекаетъ ее вмѣстѣ со своими собесѣдниками, а въ другихъ явленіяхъ. Прежде

всего, обязанность кавалериста гораздо сложнѣе и труднѣе, чѣмъ солдата другаго рода оружія: отъ него требуется въ гораздо большей степени единичнаго развитія, смѣлости и самостоятельности, такъ какъ, по характеру своей службы, онъ часто ускользаетъ изъ-подъ вліянія своихъ ближайшихъ начальниковъ.

Пѣхота же дѣйствуетъ всегда въ массѣ, подъ надзоромъ и руководствомъ начальниковъ. Нужно быть отчаяннымъ трусомъ, чтобы не идти въ аттаку, хотя бы на сильно защищаемый редутъ, когда тысячи товарищей и десятка два начальниковъ ѣдутъ впереди, по бокамъ и сзади.

Но совершенно въ другомъ положеніи бываетъ кавалеристъ, когда онъ долженъ въ одиночку или небольшою группою (въ три, шесть, двадцать человѣкъ) удалиться отъ своихъ, отъ всякой помощи, на разстояніи 15-ти, 20-ти верстъ по незнакомой мѣстности, среди вооруженнаго населенія, въ ожиданіи самыхъ непріятныхъ приключеній: или быть подстрѣленнымъ изъ-за куста, пропасть безъ вѣсти, или же, что гораздо хуже, быть замученнымъ баши-бузуками. При такихъ условіяхъ хорошо исполнить свой долгъ, обстоятельно и точно развѣдать о противникѣ можетъ кавалеристъ только тогда, когда обладаетъ недюжинной смѣлостью, сообразительностью и нравственною подготовкой.

Если въ настоящей войнѣ кавалерія не пріобрѣла блистательнаго, первенствующаго значенія, то въ этомъ точно также нельзя усматривать нежеланія съ ея стороны исполнить свой долгъ. Усовершенствованіе огнестрѣльнаго оружія сильно ограничило дѣятельность конницы въ большихъ сраженіяхъ, имѣющихъ рѣшающее значеніе. Но что еще важнѣе, такъ это то, что успѣхъ кавалеріи и ея значеніе (за немногими исключеніями) всегда зависитъ отъ личности и способности начальника. Знаетъ ли г. фонъ-Гагернъ, что военная исторія даетъ намъ гораздо большее число способныхъ полководцевъ, чѣмъ истинныхъ кавалерійскихъ генераловъ?

Назвать полководцевъ не трудно: Александръ Македонскій, Аннибалъ, Цезарь, Фридрихъ Великій, Суворовъ, Наполеонъ

и множество другихъ, безъ сомнѣнія, талантливыхъ военачальниковъ. Но перечислить имена кавалерійскихъ генераловъ будетъ затруднительно: два, три... и только...

И такъ, если великіе полководцы родятся вѣками, то истинные кавалерійскіе генералы появляются еще рѣже. И прежде, чѣмъ швырять обвиненіе нашей кавалеріи, не мѣшало бы надъ этимъ призадуматься.

Въ началѣ статьи мы говорили о томъ, что мнѣніе двухъ, трехъ пѣхотныхъ офицеровъ не есть ли выраженіе взгляда, установившагося вообще въ пѣхотѣ на конницу. Справедливость нашихъ словъ подтверждается какъ вышеприведеннымъ приказомъ генерала Скобелева (полагаемъ, болѣе компетентнаго доморощеннаго взгляда гг. офицеровъ запаса), такъ и двумя характерными случаями, слышанными нами отъ очевидцевъ.

1) Командиръ пѣхотнаго полка, бивуакирующаго безъ кавалеріи, послѣ погрома турецкой арміи подъ Шейновымъ и Филиппополемъ, вскрикиваетъ: «хоть бы двухъ казаковъ раздобыть! А то стоишь, какъ въ потемкахъ и не знаешь, что вокругъ тебя происходитъ!»

Замѣтьте, г. фонъ-Гагернъ, какъ надѣются на бдительность казаковъ!

2) Офицеръ, закутанный въ плащъ и башлыкъ, довольно позднею порой подъѣзжаетъ къ нѣсколькимъ солдатикамъ, грѣющимся у небольшаго костра.

— Землякъ! дай-ка воды напиться,— проситъ офицеръ.

— Нѣту воды!— отвѣчаетъ тотъ *).

— Дай, дай!—кричитъ другой.— Развѣ не видишь, что казакъ!

— Пей, голубчикъ!

— Если бы г. фонъ-Гагерну угодно было составить правдивый разсказъ о дѣятельности нашей кавалеріи (вмѣсто того, чтобы подчивать публику скороспѣлой корреспонденціей, какихъ уже и безъ того много), то онъ и помимо нашихъ сла-

*) У солдата оставалось воды всего глотковъ 20-ть, и воду то онъ принесъ издалека.

быхъ указаній могъ бы найти достаточно богатый матеріалъ!

31-го марта. Великій Князь Главнокомандующій слушалъ торжественное молебствіе въ часовнѣ русскаго посольства. Еще ранѣе было предположено свиданіе Великаго Князя съ султаномъ Абдулъ-Гамидомъ.

Какъ водится, нашлись люди, которые придали этому свиданію значеніе болѣе, чѣмъ простаго обмѣна вѣжливости... Мусульмане, видящіе во всемъ интригу, готовы были, казалось, всѣми силами поставить всевозможныя препятствія, чтобы помѣшать свиданію... ссылаясь болѣе всего на свой строгій этикетъ. Но чтобы прекратить всѣ недоразумѣнія, было предложено, чтобы Великій Князь и его свита отправились водой во дворецъ Долма-Бахче на яхтѣ «Ливадія», и чтобы султанъ отдалъ визитъ на «Ливадіи», или другимъ, болѣе удобнымъ путемъ. Сверхъ ожиданія, турки не только приняли съ удовольствіемъ этотъ планъ, но и были настолько любезны, что въ распоряженіе Великаго Князя Главнокомандующаго предложили дворецъ Бейлербей, находящійся на азіатскомъ берегу Босфора, для возвратнаго визита султана.

Наконецъ насталъ всѣми ожидаемый день—понедѣльникъ. Все было готово.

Великій Князь со свитой, состоящей изъ 20-ти человѣкъ (или около того), сѣлъ на «Ливадію», между тѣмъ какъ дополнительный кортежъ, числомъ до 60-ти человѣкъ, на «Константинѣ» двинулся къ устью Босфора. «Ливадія» вышла изъ Санъ-Стефано ровно въ 10 часовъ. Великій Князь не велѣлъ поднимать своего флага и не желалъ, чтобы ему отдавались салюты. Но на пути австрійскій авизо первый сдѣлалъ «Ливадіи» сердечный привѣтъ, на что получилъ надлежащій отвѣтъ. Три англійскихъ канонирки разукрасились флагами и подняли русскій флагъ—комплиментъ, который былъ вполнѣ оцѣненъ. Шведская канонирка послала людей на реи и затѣмъ сдѣлала тоже.

При выходѣ на берегъ, Великій Князь былъ встрѣченъ первымъ министромъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ. У са-

мого же дворца Долма-Бахче была выстроена рота гражданской стражи и оркестръ игралъ русскій народный гимнъ. Драгоманъ Порты, Мунигъ-эффенди, отплылъ отъ берега на султанскомъ парадномъ каикѣ и проводилъ къ пристани Великаго Князя и его свиту. На самой пристани Великаго Князя встрѣтилъ Ахмедъ-Вефикъ и Савфетъ. Оттоманскія суда подняли русскій флагъ и Главнокомандующій прошелъ черезъ ряды султанской гвардіи къ главному входу, чтобы привѣтствовать султана. Абдулъ-Гамидъ радушно встрѣтилъ Великаго Князя и дружески пожалъ ему руку. Затѣмъ султанъ ласково привѣтствовалъ представленныхъ ему Великимъ Княземъ Николая Николаевича Младшаго и остальныхъ лицъ свиты. Послѣ этого султанъ отправился съ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ въ верхніе покои, куда ихъ сопровождали Мунигъ-эффенди и драгоманъ русскаго посольства, г. Ону.

Свиданіе между Великимъ Княземъ и султаномъ было самое, повидимому, дружественное. Они пожали другъ другу руки, спросили о здоровьи и начали разговоръ, требуемый обычною вѣжливостью. Однако представлены были только пять или шесть генераловъ, а остальные удовольствовались присутствіемъ тутъ. Конечно, не было никакой возможности представлять всѣхъ, не утомивъ до-нельзя султана. Были предложены: кофе, сласти и чубукъ. Великій Князь имѣлъ продолжительный разговоръ съ султаномъ, причемъ переводчикомъ служилъ драгоманъ русскаго посольства. При разговорѣ присутствовали Нелидовъ, Савфетъ-паша и Реуфъ-паша, самый разговоръ продолжался минутъ 40. Потомъ Великій Князь распростился и отправился на «Ливадію», которая, отправившись вверхъ по Босфору, остановилась у другаго берега у дворца «Бейлербей».

Здѣсь Главнокомандующій, прогуливаясь по мраморной платформѣ у дворца, ожидалъ визита султана, весело разговаривая со свитой. Босфоръ въ этотъ день, какъ нарочно, былъ великолѣпенъ. Масса лодокъ, судовъ и пароходовъ, тихо разсѣкая голубыя волны, какъ то кокетливо, точно въ истомѣ отъ мягкаго солнечнаго свѣта то, удалялись, то приближались. Медленно плыли впередъ мелкія, какъ хрусталь прозрачныя

волны, рѣзвились и съ легкимъ шумомъ ударялись о мраморныя ступени. Было и славно и тихо. Въ этотъ мигъ громада— Константипополь, съ своими волшебными башнями, мечетями и минаретами, являлъ панораму баснословно чудную. Взоръ какъ-то удивленно глядѣлъ на роскошную картину, словно не вѣря истинной дѣйствительности поражающей красоты и еще большаго величія.

Спустя полчаса, прибылъ султанъ на паровомъ катерѣ, въ сопровожденіи Ахмеда-Вефика и другихъ членовъ кабинета, и былъ встрѣченъ на ступеняхъ Великимъ Княземъ. Султану были оказаны всѣ должныя почести: на «Ливадіи» былъ поднятъ оттоманскій флагъ, музыка играла турецкій маршъ, а матросы, взобравшись на реи, дружно крикнули «ура!» Великій Князь, окруженный блестящей свитой, стоялъ на берегу. Затѣмъ Главнокомандующій и султанъ вошли во внутренніе покои дворца и оставались тамъ въ продолженіи часа. Послѣ чего они отправились вмѣстѣ, уже на султанской яхтѣ, ко дворцу Долма-Бахче. Тамъ они простились, дружески пожавъ другъ другу руки, причемъ султанъ вернулся во дворецъ, а Главнокомандующій въ султанскомъ экипажѣ, запряженномъ 4-мя лошадьми, поѣхалъ къ принцу Рейсу, чтобы выразить ему душевную благодарность за покровительство его русскимъ подданнымъ. Отъ него Великій Князь отправился въ домъ русскаго посольства, и вотъ тутъ-то, послѣ долгаго, почти годоваго промежутка времени, снова растворились громадныя желѣзныя ворота дома русскаго посольства. На Императорскихъ орлахъ были надѣты кожанные футляры, для снятія которыхъ на столбахъ воротъ стояло нѣсколько юнаковъ. При самомъ въѣздѣ въ ворота, одно изъ переднихъ колесъ экипажа ударилось объ столбы и самый экипажъ чуть неопрокинулся. Какъ нарочно и прикрѣпленіе русскаго герба тоже шло медленно и эти-ти сами по себѣ незначительные факты, были сочтены за дурное предзнаменованіе суевѣрными мусульманами.

Здѣсь же въ посольствѣ Великому Князю поднесли, по русскому обычаю хлѣбъ-соль, и въ часовнѣ зданія было отслужено торжественное молебствіе. Послѣ чего, при звукахъ музыки ту-

рецкихъ полковыхъ хоровъ, Главнокомандующій снова отправился на яхту «Ливадія» и взошелъ на бортъ *)...

4-го апрѣля у насъ былъ благодарственный молебенъ по случаю дня избавленія Государя Императора отъ опасности. Съ поздравленіями, по этому случаю, къ Великому Князю прибыли: Мехметъ-Али-паша, командующій макрикіойской арміей и Решидъ-паша, начальникъ турецкой артиллеріи. На благодарственномъ молебствіи присутствовало до 70 депутатовъ изъ различныхъ краевъ Болгаріи съ софійскимъ митрополитомъ во главѣ.

Наступалъ священный праздникъ.

Пасхальное богослуженіе было совершено въ с.-стефанской церкви. Городъ сіялъ и былъ убранъ вѣчно зелеными растеніями. На улицахъ толпились солдаты и почти каждый домъ освѣщался цвѣтнымъ фонаремъ. При входѣ Великаго Князя въ церковь, священникъ, штабные офицера съ иконами, солдаты съ хоругвями и Главнокомандующій отправились процессіей и обошли кругомъ церкви, которую наполняли офицера въ полной формѣ и солдаты различныхъ полковъ. По ту и другую сторону алтаря, стояло по хору, а на галлереѣ находились дамы русскаго Краснаго Креста. Когда процессія снова вступила въ церковь, священники возгласили «Христосъ Воскресъ» и на этотъ возгласъ отвѣтили тысячи голосовъ внутри и внѣ церкви. Самая служба продолжалась 1½ часа, послѣ чего Великій Князь пригласилъ всѣхъ насъ на розговѣнье.

Столовая была убрана великолѣпно и изобиловала всевозможными явствами. Передъ входомъ стоялъ исполинскій букетъ роскошныхъ цвѣтовъ, по крайней мѣрѣ аршина два въ діаметрѣ. Непрошло и десяти минутъ, какъ всѣ комнаты были переполнены приглашенными. Великій Князь, какъ мнѣ показалось, былъ какъ-то грустенъ, но, по обыкновенію, необычайно ласковъ и привѣтливъ со всѣми. Съ часъ мы пробыли въ столовой и потомъ разбрелись по домамъ.

Праздники кончились и насталъ періодъ радостныхъ па-

---

*) Изъ отрывковъ корреспонденцій.

деждъ. Мы думали, что послѣ заключенія мирнаго договора, все, что ни выговорила Россія, будетъ свято исполнено Турціей. Однако вышло не такъ. На самомъ дѣлѣ выговоренная побѣдительницей амнистія всѣмъ болгарамъ, сосланнымъ въ Малую Азію, Африку и другія мѣста, въ глазахъ турокъ имѣла характеръ скорѣе частный, чѣмъ общій. Въ доказательство послѣдняго можно привести тотъ фактъ, что за послѣднее время болгарская церковь въ Фенерѣ постоянно наполнялась заточенными болгарами разныхъ сословій. Эти «несчастные» мученики пріѣхали изъ разныхъ мѣстъ, изъ Синопа, Кютаи, Діарбекира, Ангоры, Адала, Бакикесера, острова Родоса и Триполиса.

Съ ними обращались ужаснѣйшимъ образомъ: мучили голодомъ, вырывали зубы, вывертывали разными орудіями члены, подставляли какое-то орудіе подъ бороды, причемъ ноги едва только касались земли, и, ничего не давая ѣсть, продерживали такимъ образомъ 4—5 дней.

Кромѣ того, другихъ ужасно били и чтобы не слышали ихъ стоновъ и криковъ, нѣкоторые изъ мучителей пѣли, кричали, играли и били въ барабаны.

Вотъ этотъ-то способъ мученій совершали въ софійскихъ тюрьмахъ. Многіе изъ мучениковъ подавали прошеніе пашѣ, чтобы прекратить ихъ страданія, телеграфировали даже нѣсколько разъ Портѣ, но .. ихъ состояніе нисколько не улучшалось. Послѣ пытокъ ихъ отправили въ ссылку въ оковахъ.

Слѣдствіемъ всего было то, что въ 7-ми однихъ константинопольскихъ тюрьмахъ умерло около 300 душъ, и несмотря на то, въ самомъ Константинополѣ, гдѣ была уже дана амнистія, было еще много запертыхъ болгаръ. Какъ бы въ доказательство послѣдняго безотраднаго факта, можно привести слѣдующее. Съ приближеніемъ въ Вранью сербскаго войска, туземное правительство заключило подъ арестъ намѣстника болгарскаго Скопскаго владыки арх. Даніила Хылендарскаго и учителя Стомонакова. Послѣ 3-хъ мѣсяцевъ страданій ихъ привезли въ Константинополь и заключили въ министерствѣ войны (Seraskerat), откуда они по болѣзни попали въ больницу,

все-таки какъ плѣнные (по увѣренію начальника госпиталя). Спустя нѣсколько дней Стомонаковъ скончался...

Не меньше еще подобныхъ мучениковъ оплакиваютъ свою жизнь въ неизвѣстности *)...

Вотъ подобные-то безотрадные факты, вмѣстѣ съ разрушающейся надеждой «вернуться скорѣе домой» принудили насъ повести разгульно-широкую жизнь. Организмъ былъ донельзя напряженъ постоянными извѣстіями, что... вотъ... вотъ домой... А къ концу, когда появился тифъ, когда стали чаще таскать гробъ за гробомъ, мы окончательно упали духомъ и бросились въ омутъ всевозможныхъ чуть-ли не оргій... Да... не хорошее было время... ибо настали истинно тяжелые дни...

Нѣтъ сомнѣнія, что появившаяся страшная болѣзнь явилась совершенно нормальнымъ продуктомъ еще прежде пережитыхъ страданій во время отвратительныхъ стоянокъ вблизи болотъ, неразложившихся труповъ и грязи. Вотъ почему надломленный организмъ уже не въ состояніи былъ вынести послѣднихъ, быть можетъ, слабѣйшихъ ударовъ и неминуемо долженъ былъ рухнуть. Въ самомъ дѣлѣ, долгая боготская стоянка въ землянкахъ, регулярно наполнявшихся каждое утро ключевою водою, нерѣдко замерзавшей, сплошные проливные дожди, сырость и невылазная грязь, все это исподволь подтачивало и подтачивало здоровье. А тутъ трудность походовъ вообще, постоянные недостатки и голоданіе, все болѣе и болѣе ослабляли силы.

Не прошло и мѣсяца со дня нашего прихода въ С.-Стефано, какъ въ полку уже появились больные, а нѣсколько дней спустя, 100 человѣкъ тифозныхъ и лихорадочныхъ скучилось въ дырявомъ домишкѣ. Скорѣй ихъ нужно было выносить за городъ въ палатки, а послѣднихъ не было; мы тѣснились.. и... мерли какъ мухи.

Положеніе сдѣлалось еще хуже, когда часть больныхъ мы перевели въ палатку, купленную въ Константинополѣ чуть-

*) Изъ отрывковъ корреспонденцій.

ли не на вѣсъ золота, и такимъ образомъ разбили лазаретъ на двѣ части. При этихъ условіяхъ уходъ за больными при одномъ докторѣ и двухъ фельдшерахъ, сдѣлался невозможнымъ. Вообще положеніе сдѣлалось до нельзя тяжелымъ, и если бы намъ не помогли «Георгіевская община» и общество «Краснаго креста», намъ пришлось бы понести невѣроятно большія потери.

Я былъ назначенъ начальникомъ своего несчастнаго лазарета и, не зная, на что прежде всего нужно обратить вниманіе, я, признаться, при всемъ моемъ желаніи, врядъ-ли приносилъ какую-нибудь пользу. Такъ, я приказывалъ мыть полы, не обращая никакого вниманія на стѣны, насквозь пропитанные заразой; а о дизинфекціи не имѣлъ ровно никакого представленія. Съ одеждой, вполнѣ зараженной ядомъ, я распоряжался тоже прекомичнымъ образомъ: я приказывалъ ее выносить для провѣтриванія за городъ и класть въ сторонѣ отъ мѣста бивуачнаго расположенія полка. Я даже не предполагалъ, что заносилъ такимъ образомъ заразу. Далѣе я мнилъ улучшить положеніе несчастныхъ мучениковъ тѣмъ, что раздавалъ по двѣ, по три, чистыхъ рубахи на 10 на 20 человѣкъ, или же французскія булки и немного вина. При каждодневномъ обходѣ я здоровался съ больными и не замѣчалъ, что на мое казенное: «здорово братцы!», одни отвѣчали молчаніемъ, а другіе бредомъ. Въ это время у насъ было до 200 больныхъ, которые были размѣщены, какъ сельди въ боченкѣ, въ провонявшихъ домахъ. Они лежали на разостланной соломѣ съ сѣдельными подушками въ изголовьѣ. На нихъ было тяжко и страшно смотрѣть... Вотъ тутъ-то на помощь и подоспѣла безцѣнная Георгіевская община, и лейбъ-казаки не должны никогда забывать безцѣнныхъ именъ своихъ спасительницъ!

Нѣтъ сомнѣнія, что драгоцѣнное имя Елисаветы Петровны Карцевой и неразлучная съ ней Георгіевская община не безъизвѣстны всѣмъ и каждому. Такимъ образомъ скажемъ нѣсколько словъ о нашихъ общихъ знакомыхъ. Но прежде, чѣмъ коснуться ихъ дѣятельности у насъ, скажу нѣсколько

словъ о сестрахъ, коснусь ихъ дѣятельности вообще. Затрогивать подобный вопросъ позволяетъ мнѣ моя долгая наблюдательность во всѣхъ госпиталяхъ и перевязочныхъ пунктахъ въ продолженіе всей турецко-русской кампаніи. Можно положительно сказать, что милосердная сестра составляетъ все и вся, такъ какъ на ней главнымъ образомъ лежитъ благосостояніе госпиталя, лазарета, пріемнаго покоя. Дѣятельность общинъ неизмѣрима, польза—безконечна, и самый трудъ грандіозно величественъ. Это не напыщенныя фразы, это—выраженіе глубочайшаго уваженія и удивленія энергіи русской женщины.

Вотъ дѣйствительно истинныя христіанки, отъ чистаго сердца принимающія участіе въ радостяхъ и горестяхъ всего человѣчества. Какое же въ самомъ дѣлѣ непонятное, а вмѣстѣ съ тѣмъ и чудно божественное прозваніе; «святыя», глядя на нихъ твердятъ больные, и тысячу разъ правы они.

Первою вошла въ зачумленный домъ Елисавета Петровна Карцева съ двумя милосердными сестрами. Впечатлѣніе, произведенное на нихъ грустной обстановкой, было тяжелое... онѣ заплакали. «Бѣдные, бѣдные казаки», съ грустью говорила добрая старушка, и на другой же день назначила къ намъ двухъ сестеръ, память о которыхъ мы, лейбъ-казаки, сохранимъ навсегда. Въ эту пору у насъ уже было 350 больныхъ, изъ которыхъ часть была перенесена за городъ.

Какъ теперь вижу я старый расшатавшійся домъ, въ повалку набитый несчастными страдальцами; тифознымъ гноемъ насквозь онъ пропитанъ; страшенъ онъ, какъ общая могила съ грудой наваленныхъ труповъ... Кто же теперь подойдетъ къ вамъ, кто не побоится дотронуться до вашихъ зіяющихъ зловонныхъ ранъ, какъ малыхъ дѣтей изъ рукъ напоитъ, накормитъ васъ, обласкаетъ, утѣшитъ и поплачетъ съ вами? Передъ кѣмъ раскроете отходящую душу, черезъ кого передадите послѣднее прости родимой хатѣ, выскажете послѣднюю волю, облегчите душу отъ смертельнаго страха передъ ужасною смертью?.. Не бойтесь, не сироты вы: не оставятъ, вами же прозванныя, «святыя» сестры. Чуть солнышко подымется и при-

дутъ они, и до поздняго вечера, какъ ангелы, останутся при васъ.

Прошло два мѣсяца... и чудо совершилось надъ полкомъ—онъ снова ожилъ. Было бы совершенно невозможно описать труды этихъ двухъ сестеръ; достаточно сказать, что вся черная и опасная работа пала на нихъ. Пораженный какою-то сказочною дѣятельностью непостижимыхъ женщинъ, я отдалъ имъ въ порывѣ непонятнаго чувства земной поклонъ.

Да, тотъ, кто былъ на войнѣ, тотъ, кто лежалъ больнымъ, тотъ, кто видѣлъ работу ихъ, не задастъ вопроса: «что такое сестра?» Ошибся знаменитый человѣкъ, сказавшій, что въ природѣ нѣтъ двухъ предметовъ, совершенно похожихъ другъ на друга. Онъ упустилъ изъ виду сестеръ, равныхъ по баснословному труду, энергіи и презрѣнію къ смерти...

Не избавился и я отъ страшнаго пятнистаго тифа, и образъ милосердной сестры запечатлѣлся въ моей памяти...

Болѣзнь миновала и вотъ . . . .

. . . .

Бархатнымъ ароматнымъ ковромъ покрылась степь. Проснулась и забушевала дотолѣ сонная рѣка. Шумно разлилась она вдоль степи; захватила и поглотила все, что было подъ силу; прокралась и дальше... да густо росшіе камыши не пустили и заслонили дорогу. И въ ширь и въ даль растянулась матушка степь и засіяла богатѣйшимъ нарядомъ. Лишь въ въ одномъ мѣстѣ обнищала она: подъ самымъ городомъ словно зачахла съ тоски. Но за то прибрежная блѣдно-зеленая листва съ силой распахнула могучую грудь и чабуръ трава—уступила аромату акацій. Сквозь чащи ивъ мелькали мазанки, дома и купола церквей...

Вечерѣло.

Огненный шаръ заходящаго солнца вдругъ брызнулъ ослѣпительными лучами, и яркимъ пунсовымъ отливомъ покрылась степь. Высоко въ воздухѣ залепеталъ жаворонокъ и рѣзко перебилъ мѣрный крикъ вдали раздавшагося перепела. Съ виз-

гомъ понеслись по берегу полунагіе, загорѣлые дѣти. Они, то бросались въ воду, то со всего маху, плашмя, летѣли на горячій песокъ.

— Стой! крикнулъ передній, и ватага остановилась. Подъ старой, одиноко-стоящей ивой, сворачивали неводъ. Была пора: на далекомъ горизонтѣ уже вспыхивали костры, и чумаки, широко крестясь, брались за ложки ..

А надъ всѣмъ глухо гудѣлъ соборный колоколъ и чудно, божественнымъ эхомъ раздавался по всей широкой, необъятной степи . . . .

Я снова на родинѣ!!!

~~1 75~~ 2 m

20r

